

DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302

научный журнал

ISSN 2409-630X (Print),

ISSN 2618-916X (Online)

Tom 19 № 2 / 2023

Scholarly journal

Russian Journal of Economic History

Сквозной номер выпуска – 61

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва) 430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Экспертный совет:

Научный совет РАН по экономической истории;
Научно-образовательный центр «Экономическая история Центральной России и Среднего Поволжья» Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва; Центр экономической истории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43075

Издаётся с июня 2005 года

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68, оф. 411,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90; 27-07-11
Факс: (8342) 24-25-90
E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru
<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 61

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Ogarev Mordovia State University» 68, Bolshevikskaya St., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research Ogarev Mordovia State University) 19, Bakhtin St., 430905, Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Expert board:

*Scientific Council of RAS on economic history;
Research and Educational Center
«The Economic History of Central Russia
and the Middle Volga region»
of National Research Ogarev Mordovia State
University; Center of Economic History
of Lomonosov Moscow State University*

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43075

Published since June 2005

Publication frequency: quarterly

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevikskaya St., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute
Telephone: (8342) 24-25-90; 27-07-11
Fax: +7 (8342) 24-25-90
E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru
<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Журнал «Экономическая история»
входит в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные результаты
диссертаций на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU
и проект РИНЦ (сублицензионный договор
№ 143-07 / 2010 от 19.07.2010 г.);
в базу данных Ulrich's Periodicals Directory
американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены
по адресу: <http://elibrary.ru/default.asp>

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-48742
от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал
«Экономическая история» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

Компьютерная верстка
и художественное оформление
Г. Н. Давыдовой
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 23.06.2023.
Дата выхода в свет 30.06.2023.
Формат 70 × 108 1/16.
Усл. печ. л. 9,45
Тираж 300 экз. (1-й завод – 150 экз.)
Заказ № 511.
Цена свободная

Адрес типографии
Типография Издательства
Мордовского университета
430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

The journal «Russian Journal of Economic History»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense
contract № 143-07/2010 19.07.2010)
Ulrich's Periodical directory database of the
American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
<http://elibrary.ru/default.asp>

The journal is registered by the Federal Service
for supervision of communications, information
technology, and mass media (certificate
of registration PI № FS77-48743
of February 28, 2012)

Before reprinting the reference
to the journal «Russian Journal of Economic
History» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with
the publishing author

Desktop publishing
and graphic design by
G. N. Davydova
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 23.06.2023.
Date of publishing 30.06.2023.
Sheet size 70 × 108 1/16.
Conventional printed sheets 9,45
Number of copies 300 (1 plant – 150)
Order No. 511.
Free price

Address printing
Ogarev Mordovia
State University Printshop
24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – главный редактор, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – главный редактор, член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Марискин Олег Иванович – заместитель главного редактора, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – ответственный секретарь, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Алексеев Вениамин Васильевич – академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН, istor@uran.ru, iia-history@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорbonna (Париж, Франция)

Бибиков Михаил Вадимович – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, mbibikov@mail.ru (Москва, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – профессор Цзилиньского университета, zgxjlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Барнаул, Россия)

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vvvzap@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Карпов Сергей Павлович – академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, spkarp1204@yandex.ru, karpov@hist.msu.ru (Москва, Россия)

Керов Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, Высшая школа экономики, vvkerov@gmail.com (Москва, Россия)

Леонард Кэрол Скотт – профессор, Оксфордский университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Академия народного хозяйства и государственной службы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Великобритания; Москва, Россия)

Лизунов Павел Владимирович – доктор исторических наук, Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Северодвинск, Россия)

Макушев Анатолий Афанасьевич – доктор исторических наук, начальник Департамента управления делами Пенсионного фонда Российской Федерации, amakushhev@100.pfr.ru (Москва, Россия)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН, dir_irin_ran@mail.ru (Москва, Россия)

Поткина Ирина Викторовна – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Москва, Россия)

Саломатина Софья Александровна – кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Москва, Россия)

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, Институт экономики РАН, senyavsy@yandex.ru (Москва, Россия)

Хъерппе Риннта – профессор, почетный президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsentyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, the Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Historical Informatics, Lomonosov Moscow State University, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lb borodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Veniamin V. Alekseev – Academician, Russian Academy of Sciences, Director, Institute of History and Archeology, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, istor@uran.ru, ii-a-history@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Viktor M. Arsentyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominik Barjo – Professor, the University of Paris IV (Paris, France)

Mikhail V. Bibikov – Doctor of History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, mbibikov@mail.ru (Moscow, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Chzhan Guansjan – Professor, Tsilin University, zgxjlcc2002@aliyun.com (Changchun, China)

Evgenya V. Demchik – Doctor of History, Dean, Faculty of History, Altai State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Barnaul, Russia)

Vladimir V. Zapariy – Doctor of History, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vzap@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Sergey P. Karpov – Academician, Russian Academy of Sciences, Dean of Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, spkarp1204@yandex.ru, karpov@hist.msu.ru (Moscow, Russia)

Valeriy V. Kerov – Doctor of History, National Research University Higher School of Economics, vvkerov@gmail.com (Moscow, Russia)

Carol Scott Leonard – Professor, Oxford University, National Research University Higher School of Economics, Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Great Britain; Moscow, Russia)

Pavel V. Lizunov – Doctor of History, the Severodvinsk branch of Lomonosov Pomorian State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Severodvinsk, Russia)

Anatoliy A. Makushev – Doctor of History, Head of Administration of the Pension Fund of the Russian Federation, amakushev@100.pfr.ru (Moscow, Russia)

Yuriy A. Petrov – Doctor of History, Director, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, dir_iru_ran@mail.ru (Moscow, Russia)

Irina V. Potkina – Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Moscow, Russia)

Sof'ya A. Salomatina – Candidate of History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Moscow, Russia)

Aleksandr S. Senyavskiy – Doctor of History, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, senyavsy@yandex.ru (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Professor, University of Helsinki, Department of Political and Economic Studies, the Honoured President of the International Association on Economic History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИИ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г. А. Корнишина

- ТРАДИЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПЛЕТЕНОЙ ОБУВИ У МОРДВЫ 109
В. Н. Мамяченков, В. П. Мотревич
СБОР МЕДА НА УРАЛЕ:
СЛАДКАЯ ПРОДУКЦИЯ ГОРЬКИХ ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ 121

ЭКОНОМИКА РОССИИ В XX в.

А. В. Маклюков

- ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДАЛЬЭНЕРГО
В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (1937–1941 гг.):
УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ 133

М. А. Клинова

- СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ,
ДИНАМИКА ПРЕМИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х гг.) 146

И. Ю. Асабин

- ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В 1957–1964 гг.
(НА ПРИМЕРЕ МАРИЙСКОЙ, МОРДОВСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АССР) 159

О. И. Марискин

- СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО МОРДОВИИ
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ НАЧАЛА 1990-х гг. 169

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

М. А. Елдин, А. А. Раслова

- СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ОТ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОКОВ ДО ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА
И ПОСТМОДЕРНИЗМА 177

И. Н. Галушки

- АНАЛИЗ ПУБЛИЦИСТИКИ И. П. МАНУСА
С ПОЗИЦИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФИНАНСОВ:
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КРУПНОГО БИРЖЕВОГО ДЕЯТЕЛЯ
НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФОНДОВОМ РЫНКЕ В НАЧАЛЕ XX в. 188

РЕЦЕНЗИЯ

Е. П. Баринова, М. М. Леонов

- ОТ КОНКУРЕНЦИИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ 197

- УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 207

CONTENT

TRADITIONS OF CRAFTS ACTIVITY

Galina A. Kornishina

TRADITIONS OF THE PRODUCTION OF BAST SHOES FROM THE MORDOVIANS 109

Vladimir N. Mamyachenkov, Vladimir P. Motrevich

*HONEY PRODUCTION IN THE URALS: SWEET PRODUCTS
OF THE BITTER FIRST POST-WAR YEARS* 121

THE ECONOMY OF RUSSIA IN THE 20th CENTURY

Aleksey V. Maklyukov

*ENERGY SYSTEM OF DALENERGO IN THE PREWAR YEARS (1937–1941):
CONDITIONS AND FEATURES OF FORMATION* 133

Marina A. Klinova

*SOCIALIST COMPETITION: ORGANIZATION, DYNAMICS
OF PREMIUM PAYMENTS (THE SECOND HALF OF THE 1940s)* 146

Igor Yu. Asabin

*FEATURES OF SOVIET INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN 1957–1964
(ON THE EXAMPLE OF THE MARI, MORDOVIAN
AND CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLICS)* 159

Oleg I. Mariskin

*AGRICULTURE OF MORDOVIA IN THE CONDITIONS
OF REFORMS OF THE EARLY 1990s* 169

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT

Mikhail A. Eldin, Anastasia A. Raslova

*THE SPECIFICS OF THE ECONOMIC TRADITION OF RUSSIAN SOCIETY:
FROM BYZANTINE ORIGINS TO POSTINDUSTRIALISM AND POSTMODERNISM* 177

Ilya N. Galushko

*EXCHANGE JOURNALISM FROM THE POSITION OF BEHAVIORAL FINANCE:
ECONOMIC THINKING OF A STOCK MARKET SPECULATOR
IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY* 188

THE REVIEW

Ekaterina P. Barinova, Mikhail M. Leonov

FROM COMPETITION TO COOPERATION 197

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 208

ТРАДИЦИИ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

TRADITIONS OF CRAFTS ACTIVITY

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.109-120

УДК 391.4:685.34(=511.152)

Г. А. Корнишина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: G.Kornihina@mail.ru

Традиции производства плетеной обуви у мордвы

Аннотация

Введение. В статье даётся характеристика структуры промысла, связанного с изготовлением плетеной обуви у мордвы в конце XIX – начале XX в. Предполагается рассмотреть уровень развития данного промысла, выявить его количественные и качественные характеристики, источники сырья, а также значимость для традиционного хозяйства мордвы.

Материалы и методы. Применялся сравнительно-исторический метод, на основе которого были исследованы формы бытования отдельных компонентов, входящих в структуру рассматриваемого промысла, а также прослежены тенденции происходящих с ним изменений. Данный метод использовался в совокупности с анализом историографических трудов и источников, а также методов полевых исследований.

Результаты исследования. Издревле лапти у мордвы изготавливали в основном для нужд семьи. К концу XIX в. это ремесло превратилось в кустарный промысел, который достиг значительных размеров, хотя и носил в основном местный характер. В его структуру входило не только непосредственное изготовление лыковой обуви (лаптей, ступней), но и применяемых при этом орудий производства, заготовка и первичная обработка сырья – луба, сбыт готовых изделий.

Обсуждение и заключение. Производство лыковой обуви у мордвы в XIX – начале XX в. оставалось преимущественно домашним промыслом, в котором были заняты члены крестьянской семьи. В начале XX в. этот промысел, вследствие уменьшения площади лесов, которое привело к недостатку сырья, а также небольшого дохода от него, начал падать. Лапти постепенно стали выходить из постоянного употребления, уступая место кожаной обуви кустарного и фабричного производства. Хотя в качестве повседневной обуви они продолжали бытовать у мордвы вплоть до середины XX в.

Ключевые слова: мордва, промыслы, лапти, ступни, «семилычки», лыко, луб, кочедык, колодка.

Для цитирования: Корнишина Г. А. Традиции производства плетеной обуви у мордвы // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 109–120. DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.109-120.

Galina A. Kornishina

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: G.Kornihina@mail.ru

Traditions of the Production of Bast Shoes from the Mordovians

Abstract

Introduction. The article discusses the structure of the craft associated with the manufacture of bast shoes among the Mordovians in the late 19th – early 20th centuries. It is supposed to

© Корнишина Г. А., 2023

consider the level of development of this industry, to identify its quantitative and qualitative characteristics, sources of raw materials, as well as its significance for the traditional economy of Mordovians.

Materials and Methods. A comparative historical method was used, on the basis of which the forms of existence of individual components included in the structure of the fishery under consideration were studied, and the trends of changes occurring with it were traced. This method was applied in combination with the analysis of historiographic works and sources, as well as field research methods.

Results. Bast shoes among the Mordovians since ancient times were made mainly for the needs of their families. But by the end of the 19th century, this activity turned into handicraft production, which reached a significant size, although it was predominantly local in nature. It included not only the direct production of bast shoes (*lapti, stupni*), but also the tools used in the manufacture of products, the procurement and primary processing of raw materials – bast, the sale of finished products.

Discussion and Conclusion. The production of bast shoes among the Mordovians in the 19th and early 20th centuries remained mainly a household craft in which members of a peasant family were employed. At the beginning of the 20th century, this industry began to decline. This was due to a decrease in forest area, which led to a shortage of raw materials, as well as low income from it. Bast shoes gradually began to go out of constant use, giving way to handicraft and factory leather shoes. Although, as everyday shoes, they continued to exist among the Mordovians until the middle of the last century.

Keywords: Mordovians, crafts, bast shoes, *stupni*, “semilychki”, *kochedyk, kolodka*.

For citation: Kornishina G. A. Traditions of the Production of Bast Shoes from the Mordovians. *Ekonomiceskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(2): 109–120. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.109-120.

Введение

На протяжении тысячелетий плетеная обувь была широко распространена у народов, проживающих в восточноевропейской части нашей страны. Это относится и к мордве, у которой со временем данный вид домашнего ремесла превратился в кустарный промысел. Он достиг значительных размеров к концу XIX в. В то время промысловая деятельность имела значительное распространение на территории мордовского края. Она оказывала влияние не только на развитие экономики, но и на социальную сферу, а также семейно-бытовые отношения. Кроме того, в промысловых изделиях нашло отражение духовное творчество мордовского народа. Деревянные орудия труда и приспособления самой разнообразной формы нередко покрывались искусственной резьбой, одежда и обувь имели своеобразный декор, который является образцом изобразительного искусства. К тому же на протяжении многовекового развития в домашнем производстве и ремеслах вырабатывались самобытные обычаи, обряды и

приметы, в которых выражались духовные и культурные запросы мордвы.

Таким образом, сырье, технические приемы его обработки, орудия труда, применяемые при изготовлении промысловых изделий, производственная терминология, а также обряды и обычай, связанные с этими факторами, неразрывно связаны с этнической историей мордовского народа и являются ярким отражением его культуры.

Что касается изучения традиционных ремесел и промыслов мордовского края, то первые значительные труды по данной тематике появились во второй половине XIX в. В то время в России быстрыми темпами развивалась капиталистическая система хозяйства, которая повлияла и на бытовые устои населения. Исследователи середины XIX – начала XX в. сообщают о различных видах промыслов, их территориально-географическом расположении, контингенте мастеров и т. д. Среди трудов по проблематике, которая представлена в данной статье, можно выделить статью М. М. Куроптева «Пильнинская волость».

ней автор описывает неземледельческие занятия двух мордовских селений вышеназванной волости – Можаров Майдан и Пильна, которые до 1920-х гг. входили в состав Курмышского уезда Симбирской губернии. Наряду с торговлей лесом, рыбой и различными мелкими поделками, их жители занимались производством лаптей на продажу. Хотя, как отмечает автор, постепенно с вырубкой лесов у них уменьшилась возможность добывать значительное количество лыка, поэтому этот промысел постепенно сокращался [7, с. 147].

В конце XIX – начале XX в. появилась обширная статистико-экономическая литература, в которой имелись ценные сведения о крестьянских ремеслах и промыслах, в том числе об изготовлении различных видов плетеной обуви. Важным аспектом этих работ является то, что в них дается полное описание состава ремесленников, т. е. национальность, пол и возраст. Примером подобных изданий являются «Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии», а также труд, посвященный изучению кустарных промыслов Нижегородской губернии.

Одной из наиболее фундаментальных работ данного периода является исследование К. Я. Воробьева «Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии». В нем автор подробно характеризует структуру различных промыслов, их территориально-географическое распространение. Большое внимание он уделяет национальности ремесленников, на основе чего делает вывод, что в начале XX в. среди промысловиков существенно увеличилась доля мордвы. В частности, он отмечает, что промыслы были наиболее развиты в Алатырском и Ардатовском уездах Симбирской губернии, где доля мордовского населения была очень значительна [2, с. 23].

Значительный интерес для нашего исследования представляет также статья А. Н. Спасского о производстве лаптей в Ардатовском уезде Нижегородской губернии. Автор приводит значительное количество статистических материалов, каса-

ющихся распространения промысла, состава мастеров и условий их труда. Также он приводит расценки на сырье, сами изделия, дает оценку орудиям труда лапотников и т. д. [14].

Среди работ 1920-х гг. можно отметить публикации М. Т. Маркелова [10] и Н. И. Спрыгиной [15]. В них немало внимания уделено традиционной одежде мордвы, в частности обуви. Исследователи подробно описывают различные типы мордовских лаптей, а также отмечают те характерные детали, которые отличают их от подобной обуви у русских, чувашей и татар. Подобные описания можно найти и в монографии В. Н. Белицер «Народная одежда мордвы», увидевшей свет в 1973 г. При рассмотрении традиционной мордовской одежды автор затрагивает вопросы изготовления лыковой обуви. Она описывает процесс заготовки и обработки сырья, инструменты мастеров, конструкторские особенности мордовских лаптей, их отдельные виды. Ценным качеством данной работы также являются составленные В. Н. Белицер карты, на которых указана территория распространения лаптей мордовского типа [1].

Одним из самых известных исследователей, в работе которого дается подробное описание процесса производства плетеной обуви у мордвы, является В. Н. Куклин. В своей статье он пишет об орудиях труда, которые использовались при изготовлении лаптей, дает представление о способах заготовки и обработки луба, приводит описание различных видов изделий [6]. Большой вклад в разработку данной тематики внес также А. С. Лузгин. Он не только воссоздал комплексную картину традиционных крестьянских промыслов Мордовии, но и проанализировал их современное состояние, ознакомил широкий круг читателей с деятельностью мастеров, работающих в настоящее время [9].

В работах М. Е. Евсеева [3; 4], А. О. Гейкея [17], Г. А. Корнишиной [5] и других исследователей отмечается ритуальная роль лаптей в обрядности мордвы. В данной сфере им были присущи различные

функции, но в основном они использовались в качестве апотропеев-оберегов.

Материалы и методы

В статье использовался сравнительно-исторический метод, на основе которого были изучены формы бытования и компоненты, составляющие структуру промысла по производству лыковой обуви у мордвы, а также прослежены тенденции происходящих с ним изменений на протяжении XX в. Анализ содержания научной литературы и источников позволяет выявить структуру данного вида промысловой деятельности мордовского крестьянства, определить круг участников и рассмотреть его экономические характеристики. В процессе сбора фактологического материала применялись методы полевых исследований, в частности интервьюирование населения.

Результаты исследования

Формирование мордовского этноса в начале I тыс. н. э. происходило на территории Цнинско-Окско-Сурского междуречья, которая почти сплошь была покрыта хвойно-широколиственными лесами. Эта среда наложила свой отпечаток на хозяйство, культуру и быт мордвы. Лес издревле играл в ее жизнедеятельности большую роль. Недаром в мордовской мифологии, а также в ее религиозно-обрядовой сфере нашло отражение благодарственное отношение к лесу. Он был средой обитания людей, здесь они добывали себе пропитание, заготавливали материал для постройки жилых и хозяйственных помещений, сырье для изготовления предметов домашней утвари, обувь, собирали лечебные травы и т. п.

Почитали люди и отдельные деревья, которые считались символами плодородия, здоровья и богатства. Недаром многие исследователи указывали на то, что они были основными сакральными объектами многих обрядовых церемоний мордвы. Так, И. И. Лепехин в своем сочинении отмечает, что мордва «почитает деревья как нечто священное и поэтому керемети устраивает в лесу» [8, с. 162]. В публикациях есть упоминания о том, что практически каждая порода дерева имела своего духа-покрови-

теля: дуб – *Тумо паза*, береза – *Келу паза*, липа – *Пекие паза* и т. п. [12, с. 50].

Поклонение тем или иным видам деревьев в значительной степени было вызвано их хозяйственным значением. В ряду наиболее почитаемых деревьев была липа. Липовая древесина широко применялась в хозяйстве мордвы. Ее использовали для строительства, из нее делали предметы домашнего обихода: посуду, сундуки, мебель и т. п. Одним из подобных изделий были свадебные сундуки – *парыня* (м.), *парь* (э.). Они служили для хранения холста, одежды, украшений, которые имели значительную ценность. Поэтому их сверху закрывали плотными крышками, к которым приделывали чугунные скобы для замка. Парь обычно служил свадебным подарком отца жениха будущей невестке. Его делали специальные мастера, с которыми рассчитывались зерном. Если у заказчика не было такой возможности, то он должен был трудиться в хозяйстве мастера столько дней, сколько уходило на изготовление свадебного сундука [13, с. 247]. В XX в. выдолбленные пари сменились дощатыми липовыми сундуками. Их также делали специальные мастера. При расчете за работу они часть денег клади внутрь сундука, чтобы он не был пустым, как и последующая жизнь молодых [13, с. 248]. Надо отметить, что пари и сундуки отдельными людьми используются и сейчас, в основном для хранения зерна и муки, которые в липовых емкостях остаются сухими.

Липа также являлась источником ценного сырья – луба и лыка. Луб (м. *кяр*, э. *керъ*) – это пласт свежего слоя древесной коры, отделяемый непосредственно от ствола. Его цельные куски использовались в качестве кровли для жилых и хозяйственных помещений. Лыко (м. *ленгя*, э. *ленге*), т. е. слой коры, отделяемый непосредственно от ствола молодых деревьев, применялось для изготовления плетеной обуви (лаптей, ступней). Из него также плели различные предметы домашней утвари: кошельи, циновки, посуду, футляры для стеклянных вещей. Лыко недаром было выбрано

в качестве основного материала для плетения. Оно легко гибалось, т. е. было неломким, изделия из него хорошо держали форму, не пропускали влагу. Кроме липового лыка, использовали лыко вяза (м. сялинъ ленгэ, э. селей ленгэ). Однако этот материал не имел широкого распространения.

Заготовка сырья производилась в конце весны – начале лета, когда происходило наиболее сильное сокодвижение в древесном стволе, что придавало лубку эластичности. Именно в это время снимали кору на лыко, а также мочало. На эти работы обычно выезжали в лес целыми семьями. Мужчины валили деревья, а женщины очищали деревья от сучьев. Дети связывали в пучки молодые побеги, листья которых в зимнее время шли на корм мелкому рогатому скоту. Поваленные стволы распиливали на части по 3–4 м и лопаточками снимали с них кору, которая получалась в виде трубки, ее называли ленгэ трубка, керь. Кору скатывали кругами в мотки, которые соединяли в пучок (кикирька) по 20–25 штук. В таком виде лубок переправляли в селение, где складывали в прохладном месте. В некоторых местах его заваливали в навоз, чтобы он приобрел коричневый цвет [6, с. 143].

Так как лубочное сырье пользовалось большим спросом, в ряде мест у мордвы его заготовка в XIX – начале XX в. приобрела промышленный характер. Участок делился на делянки, которые сдавались в аренду лесопромышленникам или непосредственно кустарям. В огромных размерах продажа лыка производилась и в лесничествах при ежегодном прореживании посадок молодой липы. Так, по Ичалковскому лесничеству Нижегородской губернии в 1899 г. было заготовлено 325 775 мотков лыка и 59 950 мотков осталось от продажи 1898 г. Из них продано в течение года 186 875 мотков. За этот же год по Первому Лукояновскому лесничеству Нижегородской губернии на площади 119,79 дес. заготовили 201 220 липовых мотков, из которых 141 270 продали на сумму 1 536 руб. 60 коп.

Несмотря на то что в начале XX в. широкое распространение получила кожаная

и валяная обувь, лыко все еще потреблялось в большом количестве. Так, в том же Ичалковском лесничестве в 1901 г. по плану 93,57 дес. заготовлено 125 600 штук лыка, из которых 110 225 штук было продано за 842 руб. 87 коп. Кроме того, были проданы все остатки лыка, заготовленного в 1899–1900 гг. в количестве 142 325 штук.

Как видно из этих данных, спрос на лыко в начале XX в. несколько увеличился, цена одного пучка, состоявшего из 15 трубок, на местных базарах, например в Нижегородской губернии, составляла 30 коп. Иногда цена доходила и до 70 коп., если связка насчитывала гораздо больше трубок. Обычно из такой связки выходило около 20–25 пар лаптей [14, с. 50, 51].

Лапти плели в жилых помещениях в осенне-зимний период. Перед началом работ пучки луба заносили в избу и оставляли на несколько дней для того, чтобы они оттали. Затем лубок обязательно помещали в воду на 8–10 ч. Замоченная кора становилась мягкой, эластичной и не ломалась. Затем мастер начинал ее «полосование». Лубок разрезали ножом на полоски шириной от 1 до 2 см. Полученные ленты перегибали пополам. Снаружи по перегибу делали надрез, разрезая только наружный черный слой коры, который сдирали. Оставался тонкий слой – само лыко, из которого и плели лапти. Полосованием лыка обычно занимались более опытные члены семьи, так как оно требовало мастерства и сноровки.

Инструменты лапотника были крайне просты и дешевы: острый нож, стоивший 10–12 коп., и кочедык, цена которого была еще меньше – 5–8 коп. Кочедык представлял собой изогнутый железный стержень длиной 7–8 см с плоской и гладкой рабочей частью. Один конец его был заострен, а на другой насаживалась деревянная или костяная ручка длиной 9–10 см [14, с. 49].

В работе применяли деревянную колодку длиной несколько больше стопы ноги. Головка колодки была трапециевидной формы. Носок имел прямой срез с двумя острыми углами по бокам. Нижняя часть головки несколько закруглена, на верхней имелся

Изготавление лаптей

Кочедык – инструмент для плетения лаптей

Рис. 1
Процесс изготовления плетеной обуви
Fig. 1
The Process of Making Wicker Shoes

уступ длиной 8–10 см. Заднюю часть делали прямоугольной, а нередко и округлой. Изготавливали колодку обычно сами лапотники из твердого дерева. Каждый хозяин имел набор колодок. Они отличались по размерам и делились на детские, юношеские, взрослые, а в некоторых местах – на мужские и женские. Следует сказать, что форма колодки была одна и та же, без каких-либо различий для левой и правой ноги [6, с. 144–145].

Надо отметить, что техника плетения различных изделий была известна еще предкам мордвы в I тыс. до н. э., что подтверждается наличием рогожного орнамента на глиняных сосудах, найденных археологами в памятниках Городецкой культуры. Существовало три способа плетения: косоугольный, спиральный и решетчатый. Плетеная обувь у мордвы традиционно изготавливала в технике косоугольного плетения. Данный способ гарантировал плотность и прочность изделий, а также обеспечивал их привлекательный вид.

Лыковая обувь у мордвы имела несколько разновидностей. В повседневном быту наиболее распространенными были так называемые однопяточные лапти (м. *фля-кочкаря*, э. *ве-кочкаря*). Они имели только

один угол в середине подошвы задника. Именно с задней части (м., э. *удалкс*) начинали изготовление лаптя. В результате плетения получался небольшой квадрат, который превращался в стойку высотой 5 см, а угол – в подошву (м., э. *алкс*). Следующим этапом было плетение головки лаптя (м., э. *карь пря*). Таким образом получалась основа лаптя, в которую вкладывали колодку, закрепляя ее концами лык на головке. Затем мастер приступал к так называемому подковыриванию лаптя, т. е. соединению головки с подошвой и утолщению подошвы. Завершающей операцией изготовления лаптей было укрепление их бортов так называемой крученкой – своеобразной витой веревочкой из лыка. К ней затем прикреплялись завязки-оборы, с помощью которых обувь держалась на ноге. Оборы также свивались из лыка, хотя они могли делаться из шерстяных, льняных или пеньковых нитей. У мордвы их обычно изготавливали способом плетения на пальцах.

На головке мордовских лаптей делалось своеобразное украшение из трех треугольников, напоминавших петушиный гребень. Оно так и называлось – *атекишкат* (м.), *атякишкеть* (э.), т. е. «петушки». Они не только были украшением, но и имели практическое значение. Дело в том, что у

пары лаптей прямые стороны треугольников были расположены друг против друга, а острые углы имели противоположное направление. Иными словами, они показывали, на левую или правую ногу надо надевать лапоть [6, с. 146].

Бытовали у мордвы также двухпяточные (м. *кафта кочкаряс*, э. *кавто кочкаряс*) лапти, отличавшиеся от первых тем, что на подошве задника имели два угла. Это давало возможность плести лапти из большого количества лык: шести, семи, восьми и больше. Например, праздничную женскую обувь лапти-«семилычки» (м. *сисем ленгянь каръхть*, э. *сисем ленгенъ карть*) плели из семи лык. От повседневных лаптей они отличались рядом деталей. Так, на головке «семилычек» делали не три, а четыре «петушки». Рант, который обивал основу лаптя, был несколько толще, чем у других разновидностей плетеной обуви. Внутри него пропускали крученое лыко, концы которого свивали с ушками для обор. На заднике этих лаптей делали приплет из лык длиной примерно 17–18 см и шириной 3 см. Он напоминал хвост, поэтому такие лапти часто называли *пула марто карь* (лапоть с хвостом). Приплет приматывали оборами к ноге, что делало пятку более устойчивой, она не хлопала по ступне при ходьбе. Лыки для праздничных лаптей на некоторое время оставляли на солнце, в результате чего они приобретали красивый темно-коричневый оттенок. Лапти из таких лык получались изящными, красивыми и тонкими [10, с. 80].

Кроме лаптей, из лыка изготавливали обувь, которая специально предназначалась для работы по хозяйству в доме, во дворе и т. д. Называли ее *ступняят ленгенъ башмакт* (м.), *ступни*, *ступняят* (э.). Плели ступни из широких лык. Их изготовление начинали также с пятки, где делали два угла, и доводили косое плетение до головки. На носу делали два острых угла, так называемые рога (м. *ужсо*, э. *сюро*). Над подошвой по бокам располагались плетеные борта, которые соединялись с головкой,

Рис. 2
Мордовские лапти
Fig. 2
Mordovian Bast Shoes

имевшей длину 12–13 см, в то время как у лаптей она составляла 6–7 см. Длина подошвы лаптя и ступни была одинакова: для взрослых – 27–28 см при высоте ступни 6,5 см. В плетеный остов вкладывали двойную колодку: сначала в носовую часть, а затем в заднюю. После этого подошву ступней подковыривали, добавляя еще два слоя лыка. По бокам ступней ушки не вили, так как они носились без обор.

Обувь из лыка бытowała у всех народов Урало-Поволжья. Лапти, сплетенные из лыка, носили русские, марийцы и удмурты, татары и чуваши, коми и башкиры. Они имели много сходных черт, но имели и особенности. У русских бытвали так называемые московские, или вятские, лапти косого плетения с овальной головкой и толстыми бортами. Марийцы делали носок головки лаптя овальной формы, не-редко он имел слабо выступающий острый угол. Подобная же форма головки лаптя бытowała у казанских татар, которые плели лапти с низкими бортами. У удмуртов и чувашей носок лаптя был с сильно выступающим вперед острым углом. Верхнюю часть головки лаптя (так называемое лицико) все эти народы плели под прямым углом. Борта и задники лаптей у них обматывались лыками. Следовательно, марийский, удмуртский, татарский и чувашский

лапти сочетали в себе косую и прямую технику плетения, которую исследователи отнесли к смешанному типу.

Что касается мордовских лаптей, то их выделяют в особый тип. Его характерными чертами являются косое плетение, головка в форме трапеции, расположенные на ней треугольники – «петушки», а также витые из лыка петли, которые располагаются по бокам и на задней части, – они предназначались для обор.

По сведениям Г. С. Масловой, лапоть, бытовавший у мордвы и известный у русских под названием «мордовский», был распространен в восточной части Рязанской губернии. Он отмечен также в Нижегородской, Пензенской, Владимирской губерниях и севернее, вплоть до Суздаля, где, видимо, является древним типом [11, с. 719]. Мордовский тип лаптя был характерен и для татар-мишарей Окского-Сурского междуречья. Так, Н. И. Спрыгина отметила его бытование в татарском селе Усть-Уза современного Шемышейского района Пензенской области. Она пишет, что здесь татары носили лапти мордовского типа: косого плетения, с петлями для обор и «петушками» на лицевке головки. Усть-Уза и Усть-Мурза в Пензенской области – два села, расположенные по соседству. В первом жили татары, во втором – мордва-эрзя¹.

Издревле лапти у мордвы изготавливали в основном для нужд семьи. К концу XIX в. ремесло превратилось в кустарный промысел, который достиг значительных размеров. Например, при подворной переписи 1910–1911 гг. в Симбирской губернии зарегистрировано 26 кустарей-лапотников из мордвы. В таблице показано их распределение по уездам.

Таблица
Число кустарей-лапотников
в Симбирской губернии по подворной
переписи 1910–1911 гг.²

Table
The number of bast shoes artisans
in the Simbirsk province according to the
household census of 1910–1911

Уезд / Counties	Мужчин / Men
Ардатовский / Ardatovsky	7
Симбирский / Simbirsky	6
Корсунский / Korsunsky	6
Алатырский / Alatyrsky	3
Курмышский / Kurmysh	3
Буйнский / Buinsky	1
Сызранский / Syzransky	–
Сенгилеевский/ Sengileevsky	–
Всего по губернии / Total for the province	26

В Тамбовской губернии промысловое плетение лаптей было развито в Моршанском и Спасском уездах, где кустарей-лапотников насчитывалось более 7 чел.³ В Нижегородской губернии лапотный промысел отмечен в двух уездах: Ардатовском и Лукояновском⁴.

Кроме того, нужно иметь в виду, что в каждом доме мужчины плели лапти для своей семьи; иногда этим занимались женщины и дети. Изготовление лыковой обуви стояло на таком же уровне, что и домашнее производство холста.

Готовые изделия кустари сбывали непосредственно потребителям окрестных сел и деревень, а также на местных базарах и ярмарках. Цена лаптей зависела от времени года: осенью и зимой они ценились от 3 до

¹ Материалы Н. И. Спрыгиной, 1929 г. (одежда) // Рукописный фонд НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. И-244. Л. 64, 69.

² Данные взяты из: Воробьев К. Я. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск, 1916. С. 56–170.

³ См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 5. Спасский уезд. Тамбов, 1883. С. 110–119.

⁴ См.: Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1894. С. 23.

6 коп., тогда как весной и летом – от 8 до 20 коп. за пару. В месяц это занятие давало кустарям заработка не более 3,7 руб. в месяц для мужчин и 2,4 руб. для женщин [2, с. 104].

С плетеной обувью у мордвы связан целый ряд обрядов. Лапти, например, использовались в свадебном цикле. По обычанию родственники просватанной девушки должны были снабдить ее лаптями в таком количестве, которое хватило бы ей на продолжительный срок жизни в семье мужа. Их приносили в подарок от своих мужей родственницы невесты, когда приходили укладывать свадебный сундук (парь) накануне приезда поездан. Причем лапти складывали в сундук самыми первыми, начиная с лаптей, изготовленных ее отцом или старшим братом. Жених также присыпал в дар невесте лапти, сплетенные своими руками. Их она должна была надеть на венчание. Это было знаком того, что девушка расставалась с вольной жизнью и должна была подчиняться мужу. Протестуя, невеста по обычанию должна была во время сборов к венчанию три раза отбросить от себя лапти [3, с. 248].

Один из послесвадебных обрядов, во время которого родственники невесты относили в дом жениха ту часть приданого, которая еще оставалась в доме ее родителей, назывался *карень-пракстань кандумо* (лапти-портянки нести). Во время этого визита крестный отец молодушки обязан был преподнести ей от себя лапти (*карты*), а в дар от своей супруги – онучи (*ноцькат*) и суконные портнянки (*сумань пракстмат*) [5, с. 136].

Лапти также выступали в роли оберегов против недоброжелательных сил. С этой целью их, например, использовали в обряде, направленном на защиту новорожденного от происков колдуна. По поверьям мордвы, они старались навестить младенца сразу же после его появления на свет, чтобы впоследствии известить его. Во время этого

визита кто-то из присутствующих в доме женщин подносил колдуну кусок вареного мяса, от которого предварительно отделяли кость. Ее помещали в старый лаптю и произносили следующий заговор: «Пусть будет тело моего ребенка, как эта кость». Полагали, что после такого действия колдун уже не мог навредить новорожденному⁵. При помоши лаптей, которые плели сразу же после рождения ребенка, старались определить срок его жизни. Эти лапти вешали на конек крыши, чтобы до них никто не добрался и не повредил их. Полагали, что человек будет жить до тех пор, пока лыковая перевязка, на которой висели лапти, не обрвется [10, с. 133].

В лаптю повитуха помещала послед (*эйдень тодов*) и зарывала его в недоступном месте. Если родители желали заиметь в последующем сына, лаптю с последом зрывали под красным углом дома, если же дочь – лаптю закапывали в чужом поле. Делали это, чтобы послед невозможно было испортить, так как, по народному мнению, в этом случае женщина больше не сможет иметь детей. Недаром если женщина больше не хотела рожать, то просила повитуху специально повредить послед [4, с. 143–144].

Лапти применяли и для того, чтобы уберечь огородные растения от различных заболеваний. Старые лапти помещали среди огуречных плетей, чтобы не допустить пустоцвета. С их помощью пытались избавиться от грибкового заболевания капусты, так называемой кильи [4, с. 183]. Ветхие лапти помещали на забор, чтобы отпугнуть потусторонние силы от дома. В материалах этнографической экспедиции 1955 г. Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики отмечено, что в одном из мокшанских сел были зафиксированы связки изношенных лаптей, привешенных к столбу или крыльцу. При опросе местного населения исследователи выяснили, что это было сделано для защиты «от лихого глаза»⁶. По-

⁵ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-267. Д. 216. Л. 24.

⁶ Рукописный фонд НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. И-211. Л. 8–9.

добным образом их использовали русские и удмурты, которые сношенные лапти вешали на забор перед приусадебным участком или пасекой. Марийцы с помощью лаптей пытались защититься от огня. А. Гейкель сообщает, что они помещали лапти на печной заслонке в ритуальной постройке куда. Также марийцы и удмурты никогда не выбрасывали и не сжигали старые лапти. Это было связано с поверью, что в случае сожжения лаптя судорога сведет ноги у того, кто их носил [17, с. 15].

Заключение

В начале XX в. промысел по изготовлению лыковой обуви, вследствие уменьшения площади лесов, которое привело к недостатку сырья, а также небольшого дохода от него, начал сокращаться. Лапти постепенно стали выходить из постоянного употребления, уступая место кожаной обуви кустарного и фабричного производства. В качестве повседневной обуви они продолжали бытовать у мордвы вплоть до середины XX в. Долгое время лыковая обувь оставалась непременным элементом похоронного костюма. Пожилые люди специально заказывали для этого лапти тонкого

красивого плетения. Данный обычай, вероятно, связан с одним из поверий, о котором писал еще А. Ф. Юртов: «Мордва верит, что если мордовин покойник будет обут не в мордовские лапти, то прежде него преставившиеся единоплеменники не принимают его в свое общество на том свете» [16, с. 228].

В настоящее время лапти в основном используются в качестве сувенирной продукции, а также участниками коллективов художественной самодеятельности. Есть энтузиасты, которые стремятся возродить плетение лаптей на современной основе. Например, житель д. Дегилевка Большелеберзниковского района Республики Мордовия Н. Г. Никитин стал победителем конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» с проектом «Эрзянь карть» («Эрзянские лапти»). Благодаря ему с 2014 г. на его родине ежегодно проводится праздник с одноименным названием, который включен в региональный календарь туристских событий Республики Мордовия⁷.

Условные сокращения

м. – мокшанский

э. – эрзянский

Список источников

1. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 216 с.
2. Воробьев К. Я. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск: Симбир. губ. земство, 1916. 376 с.
3. Евсевьев М. Е. Историко-этнографические исследования // Евсевьев М. Е. Избранные труды. Саранск, 1966. Т. 5. 552 с.
4. Евсевьев М. Е. Эрзянь-руzonь валкс (= Эрзянско-русский словарь). М.: Центриздат, 1931. 227 с.
5. Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса: структура, субъекты, составные компоненты. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Germany. 2011. 371 с.
6. Куклин В. Н. Изготовление плетеной обуви у мордвы в XIX – начале XX вв. // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Саранск, 1970. С. 142–156. (Труды НИИЯЛИЭ; вып. 39).
7. Куроптев М. М. Пильнинская волость // Симбирский сборник. Симбирск, 1870. Т. 2. С. 141–149.
8. Лепехин И. И. Дневные Записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. 538 с.
9. Лузгин А. С. Народные промыслы мордовского края: вторая половина XIX – начало XX в.: (этнокультурные аспекты). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2016. 269 с.

⁷ См.: Региональный календарь туристских событий. Республика Мордовия. URL: <https://www.nbcrs.org/regions/respublika-mordoviya/regionalnyy-kalendar-turistskikh-sobytiy>.

10. Маркелов М. Т. Саратовская мордва. Этнографические материалы // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 53–238.
11. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 541–757.
12. Мельников П. И. Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 136 с.
13. Мордва Самарского края: история и традиционная культура / Т. И. Веденникова, Н. М. Малкова, Э. Л. Дубман, Г. А. Корнишина [и др.]. Самара: ООО «Слово», 2021. 327 с.
14. Спасский А. Н. Производство лаптей // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Н. Новгород, 1889. Т. 8. С. 43–57.
15. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Красносльбодского у. Пензенской губ. // Средне-Волжский Пензенский областной музей. Пенза, 1928. Вып. 3. 47 с.
16. Юртов А. Ф. Погребальные обряды и поверья крещеной мордвы Уфимской губ. // Известия по Казанской епархии. 1877. № 8. С. 227–229.
17. Heikel A. Mordvalaisten Pukujaja kuoseja. Trachter und muster der Mordvinen. Helsingissa: Suomalaisen kijallisuuden seuran kijapainon osokevhtio, 1899. 310 p.

References

1. Belicer V. N. Folk clothing of the Mordovians. Moscow, 1973, 142 p. (In Russ.)
2. Vorobiev K. Ya. Handicraft industry of Simbirsk province. Simbirsk, 1916, 376 p. (In Russ.)
3. Evseev M. E. Historical and ethnographic research. Selected works. Saransk, 1966. V. 5. 552 p. (In Russ.)
4. Evseev M. E. Erzyan-ruzon Valks = Erzyan-Russian Dictionary. Moscow, 1931, 227 p. (In Russ.)
5. Kornishina G. A. Traditional ritual culture in the system of the Mordovian ethnos: structure, subjects, components. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Germany, 2011, 371 p. (In Russ.)
6. Kuklin V. N. Making wicker shoes among the Mordovians in the 19th – early 20th centuries. Issledovaniya po arkeologii i etnografii Mordovskoy ASSR = Research on archeology and ethnography of the Mordovian ASSR. Issue. 39. Saransk, 1970, P. 142–156. (In Russ.)
7. Kuroptev M. M. Pilninskaya volost. Simbirskiy sbornik = Simbirsk collection. Simbirsk, 1870. Vol. 2: 141–149. (In Russ.)
8. Lepekhin I. I. Dnevnyya Notes of the travel of the doctor and the Academy of Sciences adjunct Ivan Lepekhin to different provinces of the Russian state, 1768 and 1769. Saint Petersburg, 1771, 538 p. (In Russ.)
9. Luzgin A. S. Popular crafts in the Mordovian territory. The second half of the 19th – early 20 th century: (ethno-cultural aspects). Saransk, 2016, 272 p. (In Russ.)
10. Markelov M. T. Saratov Mordva. Ethnographic materials. Saratovskiy etnograficheskiy sbornik = Saratov ethnographic collection. Saratov, 1922. Issue 1: 53–238. (In Russ.)
11. Maslova G. S. Folk clothes of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th – early 20th century. Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik = East Slavic ethnographic collection. Moscow, 1956, P. 541–757. (In Russ.)
12. Melnikov P. I. Essays on Mordovians. Saransk, 1981, 136 p. (In Russ.)
13. Mordvins of the Samara Territory: history and traditional culture / T. I. Vedernikova, N. M. Malkova, E. L. Dubman, G. A. Kornishina [et al.]. Samara, 2021, 327 p. (In Russ.)
14. Spassky A. N. Production of bast shoes. Nizhegorodskiy sbornik, izdavayemyy Nizhegorodskim gubernskim statisticheskim komitetom = Nizhny Novgorod collection published by the Nizhny Novgorod provincial statistical committee. T. 8. Nizhny Novgorod, 1889, P. 43–57. (In Russ.)
15. Sprygina N. I. Clothes of the mordvins-moksha Krasnoslobodsky district. Penza lips. Sredne-Volzhskiy Penzenskiy oblastnoy muzey = Sredne-Volzhsky Penza Regional Museum. Vol. 3. Penza, 1928. 47 p. (In Russ.)
16. Yurtov A. F. Funeral rites and beliefs of the baptized Mordovians of the Ufa province. Izvestiya po Kazanskoy yeparkhii =News on the Kazan diocese. 1877; 8: 227–229. (In Russ.)
17. Heikel A. Mordvalaisten Pukujaja kuoseja. Trachter und muster der Mordvinen. Helsingissa, 1899, 310 p. (In Germ.)

Поступила 24.02.2023.

Сведения об авторе

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: этнография, этнология, краеведение, мифология, фольклор. Автор около 300 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>.

E-mail: G.Kornihina@mail.ru

Submitted 24.02.2023.

About the author

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: ethnography, ethnology, regional history, mythology, folklore. The author of more than 300 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-1223-9587>.

E-mail: G.Kornihina@mail.ru

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.121-132

УДК 94(47)

В. Н. Мамяченков¹, В. П. Мотревич²

¹ Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия), e-mail: matyachenkov@mail.ru

² Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия), e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Сбор меда на Урале: сладкая продукция горьких первых послевоенных лет

Аннотация

Введение. Исследуется проблема развития такой специфической отрасли животноводства, как пчеловодство, в границах Уральского экономического района (УЭР) в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Актуальность темы заключается в том, что для Урала было характерно хорошо развитое пчеловодство, а сбор меда обеспечивал поставку населению и промышленности страны ценную продукцию.

Материалы и методы. Основной источниковой базой исследования являются хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) материалы Центрального статистического управления при Совете министров СССР (ЦСУ СССР), что позволило проследить развитие отрасли и динамику сбора меда в республиках и областях Урала по всем категориям хозяйств. Работа основывается на использовании комплекса методов: общенаучных и специально-научных (историко-генетического, историко-сравнительного, историко-системного).

Результаты исследования. Осуществлен анализ производства меда как общественным, так и индивидуальным сектором сельского хозяйства Урала. Подчеркивается, что климатические условия УЭР в целом на значительной части его пространства не могут считаться благоприятными для развития пчеловодства. Утверждается, что начало исследуемого периода пришлось на не самый удачный период развития уральского пчеловодства ввиду только что закончившейся Великой Отечественной войны. Констатируется, что за годы войны количество пасек и число пчелиных семей значительно сократилось. Акцентируется внимание на том, что в исследуемом пятилетии для пчеловодства большинства регионов Урала были два явно неблагоприятных года – 1947 и 1950.

Обсуждение и заключение. Пчеловодство представляет собой достаточно специфическую отрасль животноводства, призванную обеспечить население прежде всего основной своей продукцией – медом. В силу ряда причин в исследуемом периоде существенного роста производства меда на Урале не произошло. Одной из упомянутых причин было то, что именно в исследуемые годы произошло резкое и повсеместное увеличение потребления сахара. Установлено, что первенство в сборе меда как в довоенные, так и в первые послевоенные годы принадлежало Башкирии; пчеловодство также было хорошо развито в Молотовской области. Большую часть меда собирали колхозы, однако их роль постепенно снижалась. Одновременно возрастала роль индивидуальных хозяйств населения, как колхозников, так и рабочих и служащих.

Ключевые слова: Урал, первые послевоенные годы, пчеловодство, сбор меда.

Для цитирования: Мамяченков В. Н., Мотревич В. П. Сбор меда на Урале: сладкая продукция горьких первых послевоенных лет // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 121–132. DOI: 10.15507/2409-630X_061_019_202302_121-132

Vladimir N. Mamyachenkov¹, Vladimir P. Motrevich²

¹ Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia),
e-mail: mamyachenkov@mail.ru

² V. F. Yakovlev Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia),
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Honey Production in the Urals: Sweet Products of the Bitter First Post-War Years

Abstract

Introduction. The problem of the development of such a specific branch of animal husbandry as beekeeping within the boundaries of the Ural Economic Region (UER) in the first post-war years (1946–1950) is investigated. The relevance of the topic lies in the fact that the Urals was characterized by a well-developed bee industry, and the collection of honey ensured the supply of valuable products to the population and industry of the country.

Materials and Methods. The main source base of the study is the materials of the USSR CSI stored in the Russian State Archive of Economics, which made it possible to trace the development of the industry and the dynamics of honey collection in the republics and regions of the Urals for all categories of farms. The work is based on the use of a complex of methods: general scientific and special scientific (historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic).

Results. The analysis of honey production by both public and individual sectors of agriculture of the Urals is carried out. It is emphasized that the climatic conditions of the UER as a whole in a significant part of its space cannot be considered favorable for the development of beekeeping. It is argued that the beginning of the period under study was not the most successful period of the development of the Ural beekeeping due to the just ended the Great Patriotic War. It is stated that during the war the number of apiaries and the number of bee colonies has significantly decreased. Attention is focused on the fact that in the studied five-year period for beekeeping in most regions of the Urals, there were two clearly unfavorable years – 1947 and 1950.

Discussion and Conclusion. Beekeeping is a rather specific branch of animal husbandry and agriculture in general, designed to provide the population, first of all, with its main products – honey. Due to a number of reasons, there was no significant increase in honey production in the Urals during the study period. One of the reasons mentioned was that it was in the years under study that there was a sharp and widespread increase in sugar consumption. It is established that the superiority in honey collection both in the pre-war and in the first post-war years belonged to Bashkiria, beekeeping was also well developed in the Molotov region. Most of the honey was collected by collective farms, but over the years under study, their role gradually decreased. At the same time, the role of individual farms of the population, both collective farmers and workers and employees, increased.

Keywords: the Urals, the first post-war years, beekeeping, honey collection.

For citation: Mamyachenkov V. N., Motrevich V. P. Honey Production in the Urals: Sweet Products of the Bitter First Post-War Years. *Ekonomscheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(2): 121–132. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.121-132.

Введение

Продукт под названием мед известен человечеству с древнейших времен: уже первобытный человек добывал его из ульев диких пчел, унаследовав этот навык от своих предков – приматов. Пчелиный мед представляет собой сладкое сиропообразное вещество, вырабатываемое рабочими пчелами главным образом из не-

ктара медоносных цветов и используемое ими в качестве корма. Вместе с тем мед является ценным продуктом питания для человека, так как в нем, помимо воды и ряда углеводов, наличествуют еще и различные органические кислоты, ферменты, ароматические и минеральные вещества, некоторое количество витаминов, алкалоиды и, наконец, даже красящие вещества¹.

¹ См.: Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1969. Т. 15. С. 552.

Помимо него пчелы дают еще воск, обножку, маточное молочко, пергу, прополис и пчелиный яд. Добавим, что пчелы являются лучшими опылителями растений, отчего урожайность плодовых деревьев и кустарников заметно повышается. Наконец, пчеловодство обладает и немалым рекреационным ресурсом, так как представляет собой весьма увлекательное и интересное занятие. Пчеловодством занимались такие широко известные личности, как древнегреческий философ Аристотель, химик А. М. Бутлеров, писатель Л. Н. Толстой, изобретатель Т. Эдисон, наши современники: предприниматель Б. Гейтс, политики Ю. М. Лужков и В. А. Ющенко [11].

Выбранная нами тема, безусловно, является актуальной, так как производство натурального меда – существенный элемент животноводческой сферы сельского хозяйства, поставляющей населению и промышленности страны ценную продукцию. К тому же Урал всегда славился хорошо развитыми пчеловодческими хозяйствами, а уральский мед с давних времен считался одним из самых лучшим и качественных в России [13]. Таким образом, поддержание позитивной динамики производства меда само по себе выступает важной проблемой функционирования пчеловодства. В связи с этим целью подготовки данной работы стало исследование состояния пчеловодства и производства натурального меда сельским хозяйством Уральского экономического района (УЭР) в первом послевоенном пятилетии.

Что касается научной литературы, то по пчеловодству имеется немало работ представителей разных наук, в том числе по истории отрасли [14; 16]. На Урале основной массив литературы по пчеловодству посвящен пчелам Башкирии [2; 3]. В последние годы вопросы пчеловодства, в том числе в историческом аспекте, активно разрабатываются в Удмуртии [6; 7]. Отдельные сведения о состоянии пчеловодства на Урале содержатся и в работах, посвященных сельскому хозяйству края в послевоенные годы [8; 10; 15]. Однако в целом история

пчеловодства, особенно в 1940–1950-е гг., в настоящее время изучена недостаточно.

Материалы и методы

Главной причиной слабого изучения состояния пчеловодства в исследуемый период является тот факт, что информация о пчеловодстве в региональных архивах является большой редкостью. Мы имеем в виду прежде всего фонды обкомов партии и облисполкомов, а также заготовительных, планирующих, сельскохозяйственных, статистических, финансовых и прочих республиканских, краевых и областных органов. Причина отсутствия внимания к пчеловодству, в отличие от других отраслей животноводства (молочного скотоводства, овцеводства, свиноводства, птицеводства и др.), заключается в том, что мед не был сферой ответственности органов Наркомзага СССР. Мед не попал в длинный перечень сельскохозяйственной продукции, которую колхозы и индивидуальные хозяйства должны были в качестве натуральных налогов в обязательном порядке сдавать государству. Поэтому за сбор и сдачу государству меда жестко не отвечали как чиновники разного уровня на местах, так и непосредственные производители – госхозы, колхозы и индивидуальные хозяйства населения. В результате в делопроизводственной документации вышеуказанных государственных органов, в отличие от мяса, молока, шерсти, яиц, кожи и т. д., материалы по меду встречаются крайне редко. Что же касается статистических данных о производстве продукции пчеловодства (прежде всего, конечно, меда) и хранящихся в фондах Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР и ЦСУ РСФСР федеральных архивов, то до настоящего времени они обработаны и введены в научный оборот лишь в незначительной степени.

Отсутствуют сведения по пчеловодству и в статистических сборниках, посвященных народному хозяйству республик и областей Урала. Единственным исключением является статистический сборник по народному хозяйству Башкирской АССР, что, видимо, связано с распространением пчеловодства

в республике². Данное исследование реализовано на материалах одного из крупнейших федеральных архивов – Российского государственного архива экономики (РГАЭ), которые в основном впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, в работе использованы материалы различных интернет-сайтов. Методика исследования построена на сравнительном анализе динамики данных о сборе меда в республиках и областях Урала различными категориями хозяйств.

Результаты

Распространено мнение, что пчеловодство пришло на территорию современной России еще в эпоху Древней Руси из Восточной Европы, скорее всего, из Польши. В начале XX в. Россия входила в число ведущих мировых производителей натурального меда. В 1910 г. в стране насчитывалось 339 тыс. пасек с 6 млн 309 тыс. пчелиных семей. В последующие годы, несмотря на перипетии Гражданской войны, принудительной коллективизации и прочих неблагоприятных событий, количество пасек превысило 10 млн [4]. Для сравнения: в 2020 г. в России насчитывалось только около 3 млн пчелосемей, от которых было получено 60,1 тыс. т меда [12]. Как видим, за последние десятилетия количество пчелосемей в стране существенно снизилось.

На Урале эта отрасль животноводства появилась в XVI–XVII вв., когда при поместьях и монастырях стали создаваться бортевые угодья и колодные пасеки. При этом необходимо учитывать, что климатические условия края на значительной части его пространства не могут считаться благоприятными для развития пчеловодства. Этот факт отмечается и в ряде профильных монографий. Так, А. П. Кузьминых отмечает, что «Изменчивые климатические условия Уральского края – засуха во время “главного взятка” или обилие осадков, частые

ветры и понижение температуры ночами в мае, а то и в середине лета – отрицательно влияют на нектароуделение растений и на развитие пчелосемей. Все это определяет Урал как зону рискованного пчеловодства. Но польза, приносимая в результате развития пчеловодства на Урале, перекрывает все эти негативные явления» [8, с. 4, 5].

Начало исследуемого нами периода пришлось, как нетрудно догадаться, на не самый удачный период развития уральского пчеловодства ввиду только что закончившейся Великой Отечественной войны. За годы войны в стране уменьшилось количество пасек, число пчелиных семей сократилось с 10 млн до 4,9 млн [11]. Аналогичный процесс сокращения пчеловодства происходил и на Урале. Так, количество пчелосемей в совхозах сократилось с 9,3 тыс. в 1940 г. до 5,9 тыс. в 1943 г. Однако на заключительном этапе войны в стране, в том числе на Урале, началось восстановление пчеловодства. В 1944 г., например, количество пчелосемей в совхозах на Урале составляло 6,4 тыс., в 1945 – 6,8 тыс., в 1947 – 7,9 тыс., в 1948 – 9,0 тыс. и в 1949 г. – 9,9 тыс. семей³.

Восстановлению и развитию пчеловодства в немалой степени способствовало и принятие постановления СНК СССР от 26 февраля 1945 г. № 371 «О мероприятиях по развитию пчеловодства»⁴. В нем отмечалось, что пчеловодство имеет большое значение для всего народного хозяйства, не только как источник получения высокоценного продукта питания и важного сырья для промышленности, но и особенно как средство повышения урожайности и развития сеномановодства сельскохозяйственных культур.

Постановлением устанавливался план увеличения количества пчелосемей в колхозах на 1945 г. К концу года в РСФСР планировалось иметь 2 610 тыс. пчелосемей, а в целом по стране – 3 436 тыс. План пред-

² См.: Народное хозяйство Башкирской АССР: стат. сб. Уфа, 1967.

³ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 3–6, 26; Д. 191. Л. 7, 31; Д. 298. Л. 14, 18; Д. 545. Л. 80–88; Д. 791. Л. 29–31; Д. 1257. Л. 35–38; Д. 1672. Л. 20, 53; Д. 2029. Л. 52, 120; Д. 2468. Л. 48; Д. 2983. Л. 42.

⁴ См.: Документы советской эпохи. Документальные комплексы. Великая Отечественная война. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/> (дата обращения: 18.02.2023).

усматривал иметь в колхозах БАССР 210 тыс. пчелосемей, в Молотовской области – 107 тыс., в УАССР – 60 тыс., в Чкаловской области – 34 тыс., в Свердловской области – 30 тыс., в Челябинской области – 20 тыс. и в Курганской области – 12 тыс. пчелосемей. В постановлении был также установлен валовой выход меда и воска на одну семью. Для Башкирии, Молотовской, Свердловской и Чкаловской областей он составлял 30 кг меда и 0,4 кг воска, для Удмуртии и Курганской области – соответственно 27 и 0,4 кг. СНК СССР также ввел обязательную проверку колхозных пасек к зимовке с составлением актов проверки, возложив данную работу на районные земельные отделы.

Было также установлено, что 50 % собранного меда, за вычетом кормов, оставляемых пчелам на зиму и отчислений в страховые фонды, необходимо выдавать колхозникам на трудодни. Остальной мед разрешалось расходовать по усмотрению общих собраний колхозников. Правительство также обязало Наркомзем СССР и СНК БАССР восстановить деятельность государственных племенных рассадников по разведению пчелиных маток. В целях развития индивидуального пчеловодства у колхозников, рабочих и служащих на 1945 г. был установлен план продажи пчелиных роев из колхозов в индивидуальное пользование в количестве 115 тыс. роев, в том числе в Башкирии – 10 тыс., в Молотовской области – 5 тыс. и в Свердловской и Чкаловской областях – по 1 тыс. Местным советским органам было запрещено устанавливать колхозникам и другим имеющим пчел лицам задания по продаже меда, воска, роев и пчелосемей, начиная с 1945 г. уменьшить размер сельскохозяйственного и подоходного налогов с пчеловодства граждан, имеющих приусадебные пасеки до 15 пчелосемей – на 50 %, и имеющих от 15 до 25 пчелосемей – на 25 %⁵.

Направленные на развитие пчеловодства решения неоднократно принимались и на местах. Так, Пленум Верхнеуральского РК ВКП (б) Челябинской области в апреле 1945 г. своим решением обязал в каждом колхозе и совхозе района организовать пасеку с количеством не менее 20 пчелосемей. В результате принимаемых мер к концу войны на Урале количество пчелосемей осталось практически на довоенном уровне, а в колхозах некоторых областей даже возросло. Правда, такая тенденция отмечалась не везде. Так, в Молотовской области количество пчелосемей в колхозах составило только 95,6 тыс., или 87,8 % от уровня 1940 г.⁶ Содержали пасеки и многие деревенские жители, вместе с собранными в лесу ягодами и грибами мед служил хорошим подспорьем в питании сельчан.

Восстановлению и дальнейшему развитию пчеловодства в первые послевоенные годы способствовало и то, что в марте 1946 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.»⁷. Планом предусматривалось не только восстановить довоенный уровень развития промышленности и сельского хозяйства, но и превзойти его. В частности, в том, что касалось пчеловодческой отрасли, было отмечено: «Всемерно развить пчеловодство в колхозах, совхозах, а также у рабочих, крестьян и служащих; принять меры к повышению продуктивности пчеловодства. Увеличить производство ульев, пчеловодного инвентаря и искусственной вошины».

Большое внимание пчеловодству уделялось в Башкирии, что позволило ему стать одной из ведущих отраслей сельского хозяйства республики [5, с. 165–168]. На заключительном этапе войны в республике был осуществлен целый ряд мероприятий по подъему пче-

⁵ См.: Документы советской эпохи. Документальные комплексы. Великая Отечественная война.

⁶ См.: Аграрное производство Пермского края в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: справ. Пермь, 2020. С. 167.

⁷ См.: Закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.». М., 1946. С. 43.

ловодства. В частности, была восстановлена и работала пчеловодческая контора Наркомзема БАССР, созданы необходимые условия для работы Юматовского пчеловодческого техникума, организована областная школа по пчеловодству, в которой в 1944 г. обучалось 350 чел., через краткосрочные курсы были подготовлены еще 2 тыс. колхозных пчеловодов. В республике восстановили пункты по переработке искусственной вощины и перетопке воскосьря, Уфимский завод искусственной вощины и четыре воскобойные мастерские, организовано производство ульев и мелкого пчелонинвентаря. Для лучшего обслуживания пчеловодства также организовали 7 межрайонных баз и 50 районных заготовительно-снабженческих пунктов. В марте 1945 г. во исполнение распоряжения Совнаркома РСФСР от 6 января 1945 г. СНК БАССР обязал организовать в 1945 г. в системе Наркомата пищевой промышленности республики специализированный пчеловодческий совхоз на территории Гафурийского и Макаровского районов⁸.

В начале 1945 г. в целях упорядочения реализации пчел было принято решение допускать их продажу из колхозов Башкирской АССР как внутри республики, так и за ее пределы только по нарядам Наркомзема БАССР. Таким образом, правлениям колхозов и районным организациям продажа пчел без нарядов Наркомзема была запрещена. Было также установлено, что продажа пчел может производиться, как правило, в течение мая в тару покупателя и вывозка пчелосемей должна производиться транспортом покупателя. Виновные в бесплановой, безнарядной продаже пчел будут привлекаться к судебной ответственности⁹.

Пчеловодству было посвящено и постановление Совета министров РСФСР от 29 мая 1946 г. № 360 «О мерах по развитию пчеловодства в колхозах, совхозах Министерства земледелия РСФСР, Министерства животноводства РСФСР и Министерства пищевой промышленности РСФСР на 1946 год». Соответствующие постановления принимались и республиканскими совнаркомами, и областными исполкомами. Так, Советом министров БАССР был установлен план развития пчеловодства по колхозам Башкирии на 1 января 1947 г. в количестве 200 тыс. пчелосемей, утверждены задания по валовому сбору меда и товарному выходу воска с одной пчелосемьи на колхозных пасеках, утвержден план производств на заводах Башпчелконторы и в колхозах искусственной вощины. Кроме того, постановление обязывало исполкомы райсоветов установить колхозам план вывозки пчел на поля, засеянные гречихой, люцерной, клевером, горчицей и медоносами в период их цветения в целях повышения семян этих трав. За выполнение и перевыполнение заданий развития пчеловодства постановлением Совета министров РСФСР были утверждены три переходящих знамени Министерства земледелия РСФСР для областей, краев и республик и десять Красных знамен для районов, добившихся лучших показателей по развитию пчеловодства. При вручении переходящего Красного знамени Министерства земледелия РСФСР выдавалась премия в размере 15 тыс. руб. для премирования лучших работников пасек и специалистов по пчеловодству¹⁰.

В первые послевоенные годы с целью развития пчеловодства в пригодные для

⁸ См.: [Письмо] Заместителю Председателя Совнаркома РСФСР товарищу Гриценко В. А. «О выделении транспорта республиканских пчеловодческим организациям» // Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 25. 1945 год. Уфа, 2020. С. 243.

⁹ См.: Постановление Совета Народных Комиссаров БАССР от 16 января 1945 г. «Об урегулировании продажи пчел колхозами Башкирской АССР» // Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 25. 1945 год. С. 244, 246.

¹⁰ См.: Постановление Совета министров БАССР от 21 июня 1946 г. «О мерах по развитию пчеловодства в колхозах БАССР» // Свод нормативно-правовых актов Башкортостана. Т. 26. 1946–1950 годы. Уфа, 2021. С. 371–372.

Таблица 1
Производство меда всеми категориями хозяйств, т.*
Table 1
Honey production by all categories of farms, tons

Год / Year	СССР / USSR	РСФСР / RSFSR	Республики / Republics		Области / Regions					Весь Урал / Ural in total
			Башкирия / Bashkiria	Удмуртия Udmurtia	Курганская / Kurgan	Молотовская / Molotov	Свердловская / Sverdlovsk	Челябинская / Chelyabinsk	Чкаловская / Chkalovskaya	
1940	163800 47200	н/св	9861 3020	2644 790	—	5237 920	1342 715	1081** 145**	879 171	21044 5761
1946	126606 42007	н/св	7721 2967	2401 1211	468 105	3045 1374	970 253	860 208	1457 282	16922 6400
1947	130848 48677	92638 29686	6920 2731	2013 811	328 80	3437 1399	737 226	814 202	1471 507	15720 5956
1948	149182 64608	99755 37713	7400 3382	1875 859	342 100	3338 1513	645 239	718 231	1461 644	15779 6968
1949	179981 78694	119066 44044	9626 4551	2357 925	290 79	4117 1496	764 307	644 206	1641 673	19439 8511
1950	181660 86074	113799 45044	7885 3866	2071 1034	309 106	3022 1316	643 238	587 206	1671 600	16188 7366

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 57. Л. 24; Оп. 324. Д. 55. Л. 47. Д. 483. Л. 53–54; Д. 691. Л. 36–37; Д. 971. Л. 22–23; Д. 1238. Л. 49; Д. 1672. Л. 30; Д. 1872. Л. 30; Д. 3754 Л. 51–51; Д. 5701. Л. 56; Д. 7098. Л. 33; Оп. 44. Д. 1577. Л. 37. Д. 2694. Д. 3237. Л. 33; Д. 3754. Л. 37. В числителе – валовое производство, в знаменателе – продукция хозяйств граждан.

** Вместе с Курганской областью.

обитания пчел районы стали завозить пчелосемьи из мест, где пчеловодство было хорошо развито. В 1949–1950 гг. в Свердловскую область завезли 1 818 пчелосемей из Башкирии и 1 285 семей из Татарии. Их распределили между колхозами, расположеннымными на восточных склонах Уральских гор – в Ирбитском, Каменском, Камышловском, Талицком, Туринском районах и в пригородных хозяйствах Нижнего Тагила [8, с. 29].

Для того чтобы дать представление о валовых показателях производства меда в СССР, РСФСР и УЭР в исследуемом периоде, мы составили табл. 1. Из ее данных следует, что самым крупным сборщиком меда на Урале была Башкирия. За годы четвертой пятилетки на ее долю пришлось около половины – 39,6 тыс. т (47,1 %) собранного на Урале меда. При этом за все эти годы республика не вышла на уровень довоенного

1940 г. Неплохо было развито пчеловодство и в нечерноземных районах Приуралья: за 1946–1950 гг. в Молотовской области собрали 17 тыс. т (20,2 %), в Удмуртии – 10,7 тыс. (12,8 %). Все остальные уральские территории на их фоне выглядели очень скромно, особенно Курганская область. Необходимо также отметить, что сбор меда в значительной степени зависел от погодных условий каждого года, поэтому общая нестабильная, «волнообразная» динамика производства меда в табл. 1 прослеживается достаточно хорошо.

Из данных табл. 1 следует, что в исследуемом пятилетии для большинства регионов Урала, были, по крайней мере, два явно неблагоприятных года – 1947 и 1950. Например, в 1947 г. серьезный рост валового производства меда наблюдался лишь в Молотовской области (примерно на 13 %). Кроме того, в Чкаловской области очень

Таблица 2
Производство меда в общественном секторе сельского хозяйства, т*
Table 2
Honey production in the public sector of agriculture, tons*

Год / Year	СССР / USSR	РСФСР / RSFSR	Республики / Republics		Области / Regions					Весь Урал / Ural in total
			Башкирия / Bashkiria	Удмуртия / Udmurtia	Курганская / Kurgan	Молотовская / Molotov	Свердловская / Sverdlovsk	Челябинская / Chelyabinsk	Чкаловская / Chkalovskaya	
1940	9600 105900	н/св	110 6731	65 1789	—	120 3697	40 587	60** 876**	36 672	431 14352
1946	10254 74345	н/св	177 4577	99 1091	3 360	186 1485	170 547	163 489	83 1092	881 9641
1947	9815 72356	7877 55075	146 4043	75 1127	17 231	156 1882	71 440	182 430	74 890	721 9043
1948	10065 74509	7598 54444	113 3905	46 970	14 228	123 1762	27 379	122 365	57 760	502 8309
1949	12458 88829	9979 65043	109 4906	33 1399	17 194	117 2230	54 463	127 311	58 910	515 10413
1950	12141 83445	9723 59032	92 3900	21 1016	24 179	83 1623	46 359	133 248	77 994	476 8319

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 57. Л. 24; Оп. 324. Д. 55. Л. 47; Д. 483. Л. 53, 54. Д. 691. Л. 36, 37; Д. 971. Л. 22, 23; Д. 1238. Л. 49; Д. 1672. Л. 30; Д. 1872. Л. 30; Д. 3754. Л. 51; Д. 5701. Л. 56; Д. 7098. Л. 33; Оп. 44. Д. 1577. Л. 37; Д. 2694. Л. 56; Д. 3237. Л. 33; Д. 3754. Л. 37. В числителе – государственные хозяйства, в знаменателе – колхозы.

** Вместе с Курганской областью.

значительно (на 80 %) повысился сбор меда в хозяйствах граждан. На остальных же территориях, как и по Уралу в целом, произошел спад производства (прежде всего по причине затяжных дождей). В 1950 г. спад производства не произошел только в двух областях – Курганской и Чкаловской (правда, и прироста там практически не было). Но при этом хозяйства граждан лучше «держали удар»: в Удмуртии и (опять-таки) Курганской области здесь произошло довольно существенное увеличение производства, а в Челябинской области индивидуальные пасеки повторили объем предыдущего года.

Интересно, что в целом по всему СССР и валовое производство меда, и его производство в индивидуальных хозяйствах росло в течение всего исследуемого пятилетия. Например, валовой сбор меда по всем категориям хозяйств за пять лет вырос на 43 %, в том числе в частном секторе – сразу на 105 %,

т. е. более чем вдвое. На Урале же пик производства меда пришелся на 1949 г., когда оно на 15 % превысило показатель 1946 г. Следующий, 1950 г., оказался для уральского пчеловодства провальным. Если говорить о причинах нестабильности производства меда как продукта сельского хозяйства, то их, как это часто бывает, было несколько. Из наиболее же значимых причин выделим две. Во-первых, это государственная политика в отношении сельского хозяйства в целом и пчеловодства в частности. Во-вторых, климатические (погодные) условия. Здесь необходимо отметить, что большая часть территории УЭР относится к зоне так называемого рискованного земледелия. Пчеловодство же во многом зависит от условий произрастания растений, т. е. от погодных условий.

Чтобы представить картину производства меда в общественном секторе, мы составили табл. 2, в которую свели стати-

Таблица 3
Производство меда в хозяйствах граждан, т.*
Table 3
Honey production in households of citizens, tons*

Год / Year	СССР / USSR	РСФСР / RSFSR	Республики / Republics		Области / Regions					Весь Урал / Ural in total
			Башкирия / Bashkiria	Удмуртия / Udmurtia	Курганская / Kurgan	Молотовская / Molotov	Свердловская / Sverdlovsk	Челябинская / Chelyabinsk	Чкаловская / Chkalovskaya	
1940	36800 10400	н/св	2820 200	670 120	—	520 400	365 350	115 30	121 50	4611 1150
1946	37403 4604	н/св	2693 274	1092 119	76 29	1186 188	183 70	132 76	246 36	5608 792
1947	43229 5448	25397 4289	2445 286	710 102	58 22	1187 212	168 58	131 71	440 67	5139 818
1948	56236 8372	31462 6251	2963 419	714 114	69 28	1237 238	165 61	115 94	532 106	5795 1060
1949	68077 5619	36483 7561	3912 639	770 137	52 26	1460 289	211 88	96 95	538 130	7039 1404
1950	73824 12250	36784 8260	3258 608	864 170	69 37	1070 246	165 73	101 105	460 140	5987 1379

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 57. Л. 24; Оп. 324. Д. 55. Л. 47; Д. 483. Л. 53, 54; Д. 691. Л. 36, 37; Д. 971. Л. 22, 23; Д. 1238. Л. 49; Д. 1672. Л. 30; Д. 1872. Л. 30; Д. 3754. Л. 51; Д. 5701. Л. 56; Д. 7098. Л. 33; Оп. 44. Д. 1577. Л. 37; Д. 2694. Л. 56; Д. 3237. Л. 33; Д. 3754. Л. 37. В числителе – хозяйства колхозников и единичников, в знаменателе – рабочих и служащих.

стические данные по двум компонентам упомянутого сектора, а именно государственным и коллективным хозяйствам. К первым из них относились советские хозяйства, а также крупные животноводческие комплексы и птицефабрики, овощеводческие комбинаты и другие специализированные сельскохозяйственные предприятия, племенные и селекционные хозяйства, на конец, учебно-производственные хозяйства техникумов и вузов. Ко вторым же (т. е. к колхозам) относились предприятия, созданные для добровольно-коллективного ведения сельского хозяйства на принципах сельскохозяйственной артели.

Изучение данных табл. 2 свидетельствует, что в первые послевоенные годы в пчеловодческой сфере животноводства наблюдалось господство колхозов, основная

масса меда и другой продукции пчеловодства поступала с колхозных пасек. По нашему мнению, одной из главных причин такого положения было то, что именно в колхозных деревнях были сохранены традиции пчеловодства и не был утрачен вековой опыт отрасли. Однако на протяжении 1940 г. их роль постепенно снижалась. Если в 1940 г. на долю колхозов приходилось 68,2 % валового сбора меда, то в 1946 г. – 57,0, а в 1950 г. – 51,3 %. Данные табл. 2 показывают, насколько незначительным был вклад государственных сельскохозяйственных предприятий в производство продукции пчеловодства, составив в среднем за годы четвертой пятилетки 3,7 % валового сбора меда за эти годы¹¹. В госхозах большая часть меда приходилась на долю совхозов и подсобных хозяйств. Так, в 1948 г., напри-

¹¹ Подсчитано по данным табл. 1 и 2.

мер, в государственном секторе было получено 502 т меда, из них 179 т дали совхозы и 119 т – подсобные хозяйства; в 1949 г. соотношение оставалось примерно таким же – 515, 226 и 109 т соответственно¹².

На этом фоне гораздо более весомым выглядит вклад индивидуальных пчеловодов: колхозников, единоличников, рабочих и служащих, который демонстрирует табл. 3. Нетрудно заметить, что динамика цифр, представленных в данной таблице, очень напоминает динамику цифр табл. 1. Здесь мы видим все те же уже знакомые нам волнообразные «погодно-климатические» колебания, присущие пчеловодческой отрасли. Точно так же в табл. 3 хорошо различаются два неблагоприятных года – 1947 и 1950. Наконец, динамика производства «индивидуального» меда в целом по СССР так же стабильна на протяжении всех пяти послевоенных лет.

При этом интересным фактом является то, что, в отличие от данных по стране в целом, производство меда в хозяйствах граждан на Урале в исследуемом периоде увеличилось незначительно. Примерно то же можно сказать и о пчеловодстве в РСФСР. Сравнивая данные табл. 1 и 3, нетрудно заметить, что хозяйства граждан производили довольно значительную часть валовой продукции меда на Урале. По годам исследуемого периода это выглядит так: 1946 и 1947 гг. – 33 %, 1948 г. – 37, 1949 г. – 36 и 1950 г. – 37 %. Как видно из представленного цифрового ряда, роль индивидуального сектора в исследуемом периоде нисколько не снизилась, скорее наоборот. Основную часть меда в нем давали хозяйства колхозников, однако данные табл. 3 свидетельствуют о развитии пчеловодства в хозяйствах рабочих и служащих, сбор меда в них из года в год возрастал.

Заключение

Пчеловодство представляет собой до-

статочно специфическую и, конечно, никак не определяющую отрасль животноводства, тем более сельского хозяйства в целом. Помимо этого, погодно-климатические условия на значительной части территории Уральского региона во многом препятствуют развитию пчеловодства. Опять-таки исследуемый период – первое послевоенное пятилетие – был в силу понятных причин очень тяжелым для аграрной сферы Урала, что требовало развития в первую очередь более значимых для экономики отраслей. Поэтому неудивительно, что в течение всего исследуемого пятилетия существенного прироста сбора меда на Урале не произошло. Но, как нам представляется, для отсутствия существенных темпов прироста пчеловодческой продукции была еще одна причина. Дело в том, что именно в исследуемые нами годы произошло резкое и по-всеместное увеличение потребления сахара, о чем в своей монографии писал один из авторов данной статьи [9, с. 13, 14]. Так, в 1948 г. по сравнению с 1947 г. среднедушевое потребление сахара, например, колхозниками Свердловской области возросло почти в 10 раз – с 0,24 до 2,3 кг¹³. Достаточно резким было увеличение данного показателя в 1948 г. и в других регионах: например, в Оренбургской области – в 5,7, а в Башкирии – даже в 14,7 раза¹⁴. Таким образом, сахар выступил в роли заменителя меда, тем более, что он и стоил гораздо дешевле. Наконец, если говорить об особенностях уральского пчеловодства, то одной из них было безусловное первенство в производстве его продукции одного региона – Башкирской АССР. Эта республика располагала наиболее благоприятными условиями и, что очень важно, сохранила и развивала исконные традиции медоводческого ремесла. Другой же особенностью было, на наш взгляд, то, что второй по зна-

¹² РГАЭ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 3652. Л. 37–40; Д. 3653. Л. 52–54; Ф. 1562. Оп. 324. Д. 4579. Л. 49; Д. 4972. Л. 63, 67, 68.

¹³ Рассчитано по ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 1813. Оп. 14. Д. 47. Л. 9; Д. 290. – Л. 35.

¹⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 2228. Л. 48, 49; Д. 2663. Л. 48, 49.

чению в пчеловодческой сфере на Урале являлась Молотовская область, казалось бы, с далеко не самыми лучшими условиями для развития пчеловодства.

Список источников

1. Бахтияров Р. С., Федорова А. В. Животноводство на Южном Урале в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2019. 207 с.
2. Власов В. Н. Башкортостан – медовый край. Уфа: Китап, 2009. 413 с.
3. Галеев Р. Бортевое пчеловодство – исконный промысел башкир // Пчеловодство. 1992. № 1. С. 6–8.
4. История пчеловодства. URL: [mhttps://sobstvennik.org/livestock/bee/01.php](https://sobstvennik.org/livestock/bee/01.php) (дата обращения: 19.02.2023).
5. Ишемгулов А. М., Псянчин Ю. В. К вопросу о развитии пчеловодства в Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вклад Башкортостана в Великую Победу. Уфа, 2020. С. 164–170.
6. Колбина Л. М., Осокина А. С. У истоков развития племенного репродуктора медоносных пчел Удмуртской АССР (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 2. С. 341–349.
7. Колбина Л. М., Осокина А. С. Оценка отрасли пчеловодства в годы Великой Отечественной войны на примере Большечучинского сельсовета Удмуртской АССР // Аграрная наука. 2021. № 1. С. 144–146.
8. Кузьминых А. П. История и особенности пчеловодства на Урале. Екатеринбург: БИК, 2008. 100 с.
9. Мамяченков В. Н. Роковые годы: Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. 312 с.
10. Моторевич В. П. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). Свердловск: УрО АН СССР, 1989. 52 с.
11. Пчеловодство. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15457> (дата обращения: 19.02.2023).
12. Пчеловодство в России. URL: <https://sobstvennik.org/livestock/bee/01.php> (дата обращения: 19.02.2023).
13. Развитие пчеловодческих хозяйств на Урале. URL: https://dom-pchel.blogspot.com/2021/01/blog-post_96.html.
14. Ульяничев Е. М. Госкомстат о пчеловодстве // Пчеловодство. 1999. № 1. С. 2, 3.
15. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 г.). Оренбург: ОГПУ, 2003. 607 с.
16. Шабаршов И. А. Русское пчеловодство. М.: Агропромиздат, 1990. 509 с.

References

1. Bakhtiyarov R. S., Fedorova A. V. Animal husbandry in the Southern Urals in the conditions of the Great Patriotic War of 1941–1945. Orenburg, Publishing house of the OGAU Center, 2019. 207 p. (In Russ.)
2. Vlasov V. N. Bashkortostan – honey land. Ufa, Kitap, 2009. 413 p. (In Russ.)
3. Galeev R. Bortevoe beekeeping – the ancestral fishery of Bashkirs. *Pchelovodstvo = Beekeeping*. 1992; 1: 6–8. (In Russ.)
4. History of beekeeping. – URL: <https://sobstvennik.org/livestock/bee/01.php> (accessed: 02.19.2023). (In Russ.)
5. Ishemgulov A. M., Psyanchin Yu. V. To the question of the development of beekeeping in the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War. Contribution of Bashkortostan to the Great Victory. Ufa, Book-Print, 2020, P. 164–170. (In Russ.)
6. Kolbina L. M., Osokina A. S. At the origins of the development of the breeding reproductor of honey bees of the Udmurt ASSR (the second half of the 1940s – early 1950s). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*. 2021; Vol. 23, 2 (86): 341–349. (In Russ.)
7. Kolbina L. M., Osokina A. S. Assessment of the beekeeping industry during the Great Patriotic War on the example of the Bolsheuchinsky Village Council of the UdMurt ASSR. *Agrarnaya nauka = Agrarian Science*. 2021; 1: 144–146. (In Russ.)

8. *Kuzminykh A. P.* History and features of beekeeping in the Urals. Ekaterinburg: BIK, 2008, 100 p. (In Russ.)
9. *Mamyachenkov V. N.* Fateful years: The financial situation of the collective farm peasantry of the Urals in the post-war years (1946–1960). Ekaterinburg, Publishing House of USU, 2002, 312 p. (In Russ.)
10. *Motrevich V. P.* The development of agriculture in the Urals in the first post-war years (1946–1950). Sverdlovsk, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1989, 52 p. (In Russ.)
11. Beekeeping. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15457> (accessed: 02.19.2023). (In Russ.)
12. Beekeeping in Russia. URL: [mhttps://sobstvennik.org/livestock/bee/01.php](https://sobstvennik.org/livestock/bee/01.php) (accessed: 02.19.2023). (In Russ.)
13. Development of beekeeping farms in the Urals. – URL: https://dom-pchel.blogspot.com/2021/01/blog-post_96.html. (In Russ.)
14. *Ulyanichev E. M.* Goskomstat on beekeeping. *Pchelovodstvo = Beekeeping*. 1999; 1: 2–3. (In Russ.)
15. *Hisamutdinova R. R.* Agrarian policy of the Soviet state in the Urals after the end of the Great Patriotic War (June 1945 – March 1953). Orenburg, OGPU, 2003, 607 p. (In Russ.)
16. *Shabarshov I. A.* Russian beekeeping. Moscow, Agropromizdat, 1990, 509 p. (In Russ.)

Поступила 12.03.2023.

Сведения об авторах

Мамяченков Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт государственного, муниципального управления и права, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов – экономическая история России в XX в. Автор свыше 200 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6070-8746>.

E-mail: mamyachenkov@mail.ru

Submitted 12.03.2023.

Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов – аграрная и демографическая история России в XX в. Автор свыше 500 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>.

E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

About the authors

Vladimir N. Mamyachenkov – Doctor of History, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Institute of State, Municipal Administration and Law, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia). Research interests: economic history of Russia in the XX century. The author of more 200 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6070-8746>.

E-mail: mamyachenkov@mail.ru

Vladimir P. Motrevich – Doctor of History, Professor of the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia). Research interests: the agrarian and demographic history of Russia in the XX century. The author of more 500 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>.

E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.133-145

УДК 94:621.311.1(571.6)

A. B. Маклюков

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(Владивосток, Россия), e-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru*

Энергетическая система Дальэнерго в предвоенные годы (1937–1941 гг.): условия и особенности формирования

Аннотация

Введение. В исследовании анализируются исторические аспекты формирования энергосистемы Дальэнерго в предвоенные годы, выявляются предпосылки, условия и особенности этого процесса.

Материалы и методы. Исследование основано на неопубликованных архивных делопроизводственных материалах, в том числе рассекреченных документах, выявленных в фондах федеральных и региональных архивов. В исследовании использованы традиционные исторические методы и историко-экономические (системный, статистический, количественный).

Результаты исследования. Развитие электрического хозяйства в СССР в 1930-е гг. характеризовалось формированием центральных и региональных энергосистем. Самая восточная в СССР энергосистема Дальэнерго была образована распоряжением Главэнерго НКТП от 5 января 1937 г., когда еще не были завершены строительные работы по электрическим сетям и электростанциям, вошедшим в ее состав. В результате при создании энергосистемы возникли определенные трудности и проблемы.

Обсуждение и заключение. Формирование энергосистемы Дальэнерго обуславливалось удаленностью и оторванностью Дальневосточного региона от индустриально развитых районов страны, ограниченностью финансовых, материально-технических и временных ресурсов, незавершенностью строительства электростанций и линий передач, нерешенностью кадровых проблем. В ходе создания энергосистемы допускались управленические ошибки и просчеты. Энергосистема Дальэнерго отличалась от других систем СССР скромными производственными мощностями, она географически ограничивалась лишь территорией Амурского залива и слабо отвечала задачам социально-экономического развития Дальневосточного региона.

© Маклюков А. В., 2023

Ключевые слова: энергетическая система, выработка электроэнергии, электрификация, народное хозяйство, Дальний Восток, СССР.

Для цитирования: Маклюков А. В. Энергетическая система Дальэнерго в предвоенные годы (1937–1941 гг.): условия и особенности формирования // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 133–145. DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.133-145.

Aleksey V. Maklyukov

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia),
e-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru*

Energy System of Dalenergo in the Prewar Years (1937–1941): Conditions and Features of Formation

Abstract

Introduction. The study analyzes the historical aspects of the formation of the energy system of Dalenergo in the prewar years, identifies the prerequisites, conditions and features of this process.

Materials and Methods. The study is based on unpublished archival records, including declassified documents found in federal and regional archives. The study used traditional historical methods and historical and economic (systemic, statistical, quantitative).

Results. The development of the electrical economy in the USSR in the 1930s characterized by the formation of central and regional energy systems. Dalenergo, the easternmost energy system in the USSR, was formed by the order of Glavenergo NKTP dated January 5, 1937, when construction work on the electrical networks and power plants that became part of it had not yet been completed. As a result, certain difficulties and problems arose during the creation of the energy system.

Discussion and Conclusion. The formation of the energy system of Dalenergo was determined by the remoteness and isolation of the Far East region from the industrialized regions of the country, the limited financial, material, technical and time resources, the incomplete construction of power plants and transmission lines, and the unresolved personnel problems. During the creation of the energy system, managerial errors and miscalculations were made. The energy system of Dalenergo differed from other systems of the USSR in its modest production capacities, was geographically limited only by the territory of the Amur Bay and poorly met the tasks of the socio-economic development of the Far East region.

Keywords: power system, power generation, electrification, the national economy, the Russian Far East, USSR.

For citation: Maklyukov A. V. Energy system of Dalenergo in the Prewar Years (1937–1941): Conditions and Features of Formation. *Ekonicheskaya istoriya = Russian Journal of Economic History*. 2023; 19(2): 133–145. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.133-145.

Введение

Энергетическая система состоит из предприятий электроэнергетики, связанных единым процессом производства и передачи электроэнергии в условиях централизованного диспетчерского управления. В СССР технологические условия для появления первых энергосистем сложились в 1920-е гг., в период реализации плана ГОЭЛРО, когда началось строительство государственных районных электростанций (ГРЭС) и протяженных линий электропередач.

В 1926 г. создана первая в стране центральная диспетчерская служба, ставшая основой для Московской энергосистемы (Мосэнерго) [5, с. 168].

Развитие электрического хозяйства в СССР в 1930-е гг. характеризовалось формированием центральных и региональных энергосистем. К началу 1930-х гг. появились новые энергосистемы: Ленэнерго, Донэнерго и Днепроэнерго. Во второй половине 1930-х гг. созданы региональные энергосистемы в Поволжье (Сталинград-

энерго), на Урале (Уралэнерго), в Западной Сибири (Новосибирскэнерго) и на Дальнем Востоке (Дальэнерго) [1, с. 133; 2, с. 3; 7, с. 181]. Самая восточная в СССР, энергосистема Дальэнерго отличалась по многим экономическим и технологическим показателям от других, при ее создании возникло немало трудностей и проблем.

В настоящем исследовании анализируются исторические аспекты формирования энергосистемы Дальэнерго в предвоенные годы, выявляются предпосылки, условия и особенности этого процесса.

Обзор литературы

Исторические аспекты формирования и развития энергетических систем в СССР в 1930-е гг. подробно рассматривались как в исследованиях экономистов [2; 5], так и историков [1; 8]. Проблемы создания энергосистемы Дальэнерго освещались лишь фрагментарно в экономических [3; 4; 9; 10] и исторических публикациях [6; 7]. Автор последних давал общую характеристику развития топливно-энергетической базы Дальнего Востока в предвоенный период. Однако организационным, кадровым и материально-техническим вопросам, касающимся создания и формирования энергосистемы Дальэнерго, должного внимания в литературе еще не уделялось.

Материалы и методы

Исследование основано на корпусе неопубликованных архивных делопроизводственных материалов, в том числе рассекреченных, выявленных в фондах федеральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Приморского края, Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Главными компонентами изученных документальных материалов стали постановления центральных органов власти, приказы Наркомата электростанций СССР, распоряжения Главэнерго, Главвостокэнерго, годовые отчеты Даль-

энерго, Дальэнергостроя, планы развития электроэнергетики Дальнего Востока, аналитические и докладные записки, подготовленные специалистами Дальэнерго, переписка.

В исследовании используются традиционные исторические методы, а также историко-экономические. Системный метод позволил рассматривать Дальэнерго как элемент экономической системы СССР конца 1930-х – начала 1940-х гг. Статистический метод использовался для анализа общих изменений и внутренних механизмов развития энергосистемы Дальэнерго. Числовенный метод – для выявления численных характеристик и исторического анализа.

Результаты и обсуждение

Новый этап развития электроэнергетики в СССР начался в конце 1920-х гг., с реализацией политики индустриализации страны. Ее составной частью стал курс на ускоренное промышленное освоение восточных районов СССР, богатых природными ресурсами и полезными ископаемыми. Государство стало строить крупные электростанции типа ГРЭС во всех районах страны. Однако на Дальнем Востоке на организацию, ход, темпы и результаты энергетического строительства оказывали влияние неоднозначные факторы: 1) удаленность региона от экономического потенциала европейской части СССР; 2) изначальное отсутствие плана электрификации региона; 2) частые структурные ведомственные изменения в управлении региональным энергетическим строительством; 3) допускаемые управлеческие ошибки и просчеты; 4) стремительно ухудшающаяся внешнеполитическая ситуация на дальневосточных границах.

Первой крупной энергетической стройкой на Дальнем Востоке стала Артемовская ГРЭС на юге Приморья. В начале 1930-х гг. правительственные решения о строительстве электростанции то принимались, то отменялись. СНК СССР в постановлении от 13 августа 1930 г. поручал Главэнерго НКТП ввести в строй первую очередь

ГРЭС в октябре 1932 г.¹ Лишь 22 марта 1932 г. Главэнерго утвердило генеральный проект станции мощностью 24 тыс. кВт и начало строительные работы. Однако СТО постановлением от 13 марта 1933 г. исключил электростанцию из титула строящихся объектов, а заложенные средства перераспределил в пользу других энергостроек в западных районах СССР². Только 3 марта 1934 г. приказом наркома НКТП О. С. Орджоникидзе строительство Артемовской ГРЭС передавалось Главному военно-мобилизационному управлению, выделялись 40 инженеров из Главэнерго, три строительных военизированных батальона численностью 1 000 чел. и отгружалось необходимое оборудование³.

Строительство Артемовской ГРЭС проходило с большими трудностями. Не хватало кадров, стройматериалов, оборудования, спецтехники. В первую очередь станции было вложено 104,7 млн руб. В пояснительной записке Госплана СССР о причинах завышения стоимости работ указывалось, что электростанция возводилась в сложных природно-климатических условиях, при полном бездорожье, удаленности стройки от крупных населенных центров, слабости местной стройиндустрии⁴. Генеральным подрядчиком монтажа оборудования Артемовской ГРЭС выступило Северо-Западное отделение треста Теплоэлектропроект НКТП (г. Ленинград). В 1936 г. специалисты отделения установили первый турбогенератор мощностью 24 тыс. кВт завода «Электросила». В феврале 1937 г. ГРЭС приняли во временную эксплуатацию, однако с грубыми нарушениями⁵.

Важнейшей предпосылкой для образования будущей дальневосточной энергоси-

стемы, помимо строительства Артемовской ГРЭС, стало решение правительства о развитии транспортных предприятий Владивостока. Согласно постановлению СНК и ЦК ВКП(б) от 17 мая 1935 г., развернулись работы по модернизации Владивостокского торгового порта, которые предусматривали установку нового электрического оборудования⁶.

В октябре 1935 г. во Владивосток прибыла специальная комиссия Главэнерго НКТП для инспектирования работ по расширению Владивостокской городской электростанции. Комиссия ходатайствовала перед правительством об ускорении строительства Владивостокских электрических сетей, сооружении и монтаже линии электропередач 110 кВ от Владивостока до Артемовской ГРЭС. В заключении комиссия рекомендовала для правильной эксплуатации Владивостокской электросети организовать районное энергетическое управление. В его функции следовало включить: 1) организацию эксплуатации электрической системы; 2) плановую работу; 3) учетно-коммерческую часть; 4) снабжение; 5) сетевое и монтажное строительство. Комиссия настаивала на передаче Владивостокской станции из коммунального хозяйства НКХХ в ведомство Главэнерго НКТП с новым статусом ГРЭС⁷.

Владивостокская электростанция 1912 г. постройки до ввода в строй Артемовской ГРЭС являлась самой мощной (11 тыс. кВт на 1935 г.) на Дальнем Востоке. Она прошла несколько этапов модернизации, на ней работали агрегаты разных стран-производителей (Германия, Япония, Чехия, СССР). С 1929 по 1936 г. выработка электроэнергии увеличилась почти в 10 раз – с 6,7 до 65,3 млн кВт·ч. Электростанция

¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 14. Д. 220. Л. 5.

² РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 4372. Оп. 31. Д. 420а. Л. 79, 162; РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Р-2848. Оп. 1. Д. 343. Л. 30.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-716. Оп. 1. Д. 20. Л. 108.

⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337. Л. 27.

⁵ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 11. Л. 2; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337. Л. 27.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18. Д. 3092. Л. 1.

⁷ ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-353. Оп. 5. Д. 20. Л. 20.

обеспечивала электричеством предприятия Владивостока: Дальзавод, торговый порт, военный порт, завод «Металлист», железнодорожное депо ст. Первая речка, Артемовские шахты, городской трамвай⁸.

Постановлением СНК СССР № 1013 «О строительстве Владивостокских электросетей» от 10 июня 1936 г. Владивостокская электростанция получила новый статус ГРЭС в структуре Главэнерго НКТП. Уже во втором полугодии 1936 г. улучшились финансирование, организационно-хозяйственное руководство, плановое и производственное обеспечение предприятия⁹. Это было важное хозяйственное решение правительства, с этого момента электроэнергетика Дальнего Востока стала превращаться в самостоятельную отрасль экономики, управляемую государством, поскольку все остальные электростанции региона находились в ведомственном подчинении разных наркоматов или местных органов власти.

В том же постановлении СНК СССР обязывало НКТП «к 1 января 1937 г. создать районное управление Главэнерго в ДВК для руководства строительства и эксплуатации энергетического хозяйства края». Также Главэнерго следовало включить в план 1937 г. завершение строительства электрических сетей Владивостока¹⁰. Согласно решению СНК СССР от 11 февраля 1935 г., во Владивостоке для этого был создан специализированный трест Дальэлектромонтаж. В 1936 г. трест закончил основные работы по возведению ЛЭП 110 кВ протяженностью 48,2 км на деревянных опорах Владивостокская – Артемовская ГРЭС. К концу 1937 г. по распоряжению Главэнерго трест ввел в строй пять подстанций, городскую распределительную сеть на 22 кВ и 2,2 кВ, проложил подводную линию передач 22 кВ по дну пролива Босфор Восточный

до Крепостной электроточки (электростанции КЭТ) о. Русский. В 1938 г. трест провел 28 км ЛЭП 35 кВ до пос. Тавричанка. Общий охват централизованного электроснабжения превысил 100 км¹¹. Таким образом, создавались технологические возможности для формирования будущей энергетической системы с централизацией распределения электроэнергии.

Приказом НКТП № 1525 от 13 сентября 1936 г. и распоряжением Главэнерго № 10 от 5 января 1937 г. «Об образовании Дальэнерго» на базе Владивостокской и Артемовской ГРЭС, электросетей создано Дальневосточное районное энергетическое управление¹². На формирование управляемого аппарата и организационные расходы государство выделило 1,1 млн руб. Врио управляющего Дальэнерго был назначен директор Владивостокской ГРЭС В. В. Балашов, а его помощником – инженер станции А. П. Загоруйко. Ввиду отсутствия выделенных помещений управление разместилось прямо в корпусе станции. С самого начала возникли кадровые проблемы. В апреле – мае 1937 г. отделы Дальэнерго стали формироваться из сотрудников электростанции, многим приходилось совмещать должности. К середине 1937 г. начали работу отделы: 1) эксплуатации сетей и подстанций; 2) строительно-монтажный; 3) сбыта электроэнергии; 4) жилищно-коммунальный; 5) плановый. Однако до конца 1937 г. укомплектовать специалистами аппарат и отделы Дальэнерго удалось лишь на 40 %. Спущенний Главэнерго годовой план по реализации электроэнергии был выполнен лишь на 62 %, работа Дальэнерго была признана «неудовлетворительной», а В. В. Балашова отстранили от должности¹³.

Следует подчеркнуть, что Дальэнерго создавалось приказом Главэнерго НКТП

⁸ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 17а. Л. 8.

⁹ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 15. Д. 40. Л. 176; Государственный архив Приморского края. Ф. Р-132. Оп. 5. Д. 1. Л. 5 об.; РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 522. Л. 6.

¹² Государственный архив Приморского края. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

¹³ РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 6, 7, 12, 13.

тогда, когда еще не были завершены строительные работы по электрическим сетям и не отлажена работа Артемовской ГРЭС. В первых распоряжениях управляющего Дальэнерго озвучивались острые проблемы дефицита строительных материалов, из-за которого останавливались работы или соружались «времянки», жилищного кризиса, отсутствия автотранспорта, нехватки кадров и т. д. По сути, в первый год Дальэнерго существовало лишь на бумагах, на деле же продолжалась работа Владивостокской ГРЭС с новой функцией управления другими электростанциями, обременяющей предприятие.

Кроме того, Главэнерго НКТП, не учитывая географическую специфику Дальнего Востока, допустило управленческую ошибку, включив в подотчет Дальэнерго другие электростанции региона: Хабаровскую коммунальную станцию, Комсомольскую ТЭЦ, Дальневосточную электростанцию специального назначения (ДЭСНА) в г. Советская Гавань. Эти предприятия располагались за 1 000 км от Дальэнерго. В итоге в 1940 г. под управлением энергосистемы оставили связанные между собой единым процессом производства Артемовскую и Владивостокскую ГРЭС, КЭТ о. Русский и изолированную ДЭСНА, которая продолжала создавать множество проблем. Главный инженер Дальэнерго М. М. Козик по этому поводу отмечал: «Опыт эксплуатации ДЭСНА показал, насколько неразумна для Дальэнерго морская доставка угля, когда столько тратится на нее сил и средств... Такой путь развития энергетики нерационален, не государственный это подход. Такое развитие энергетики могут поддерживать только безграмотные и не деловые люди»¹⁴.

Организационное формирование Дальэнерго завершилось в 1938 г., когда аппарат управления получил отдельное здание во Владивостоке на ул. Ленинской, 1 (бывшая гостиница «Тихий океан»). В том же году

начали работу: технический отдел, производственно-распределительные отделы, теплотехническая и электротехническая группы. Отдел сбыта электроэнергии с 1 января 1938 г. перешел в статус самостоятельного предприятия. Дальэнерго стало крупным объединением работников энергетического хозяйства Дальнего Востока. К 1 января 1939 г. персонал энергосистемы (управление, электростанции, сети) насчитывал 1 236 специалистов: 112 инженерно-технических работников и 1 124 рабочих и служащих¹⁵.

Дальэнерго от других энергосистем СССР отличалась малой мощностью (35 тыс. кВт на 1937 г., в то время как мощность только Новосибирской ГРЭС составляла 100 тыс. кВт) и территориально снабжала электричеством лишь небольшой район вдоль побережья Амурского залива протяженностью 80 км (Тавричанка – Артем – Угольная – Владивосток – о. Русский). В остальных районах Приморского края и Дальневосточного края в целом электроэнергетика развивалась децентрализованно и в значительной степени отставала от темпов развития промышленности, в первую очередь оборонного значения, что в условиях ухудшения внешнеполитической ситуации в регионе создавало угрозу энергетической безопасности.

Третьим пятилетним планом развития экономики Дальнего Востока предусматривалось территориальное и производственное расширение Дальэнерго. Планировалось построить 250 км новых линий передач 110 кВ по следующим направлениям: 1) Артемовская ГРЭС – трест «Сучануголь»; 2) трест «Сучангуголь» – бухта Находка; 3) Артемовская ГРЭС – г. Ворошилов; 4) вторая линия Артемовской ГРЭС – Владивосток. Намечались строительство трех новых ГРЭС по 25 тыс. кВт (Владивостокской ГРЭС-2, Сучанской и Ворошиловской), а также расширение Артемов-

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 1. Д. 102. Л. 7, 10; Ф. 7870. Оп. 14. Д. 10. Л. 103.

¹⁵ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 47. Л. 5.

ской ГРЭС до 48 тыс. кВт. Энергосистема к 1942 г. должна была пополниться новыми мощностями на 98 тыс. кВт, охватить Сучанский и Ворошиловский промышленные районы, которые являлись крупными центрами угольной и пищевой промышленности, и район бухты Находка, где создавался укрепительный район с военными городками, аэродромами, техническими базами. Вне плана по секретному заказу штаба Тихоокеанского флота намечалось строительство ЛЭП 110 кВ 50 км от Артемовской ГРЭС до объекта № 2/600 (пос. Большой Камень) и р. Промысловки (пос. Фокино)¹⁶.

Для организации нового энергетического строительства на Дальнем Востоке заместитель наркома НКЭС СССР П. М. Сергиенко 15 мая 1939 г. ходатайствовал перед Экономическим советом при СНК СССР о создании в системе Главэнергостроя хозрасчетной строительно-монтажной конторы Дальэнергострой. Совет 22 мая удовлетворил ходатайство. 17 декабря 1939 г. контору преобразовали в «государственный союзный трест по строительству и монтажу электростанций, подстанций и линий электропередачи Дальэнергострой». На трест возлагались задачи по возведению всех крупных предприятий электроэнергетики Дальнего Востока, что являлось еще одной управлением ошибкой, ведь масштаб работ в такой географической разбросанности оказался непосильным. С апреля 1940 г. строящиеся региональные объекты электроэнергетики стали передаваться другим ведомственным стройорганизациям, а Дальэнергострой стал выполнять работы только по Хабаровской ТЭЦ и предприятиям Дальэнерго в Приморском крае¹⁷.

Однако производственная и материально-техническая база союзного треста Дальэнергострой оказалась очень слабой. В конце 1939 г. трест для начала деятельности

получил от правительства 475 тыс. руб., к началу 1940 г. имел всего 2 экскаватора, 2 крана, 8 тракторов, 1 машину «ЗИЛ», 6 камнедробилок и 16 бетономешалок. В ходе создания такой важной специализированной строительно-монтажной организации не удалось решить кадровую проблему. На 1 января 1940 г. из минимального потребного количества треста в 1 865 специалистов набрали только 533 чел. (232 строителя, 169 рабочих, 101 монтажника, 18 инженеров, 13 учеников), а на 1 января 1941 г. – 527. Планы по подбору кадров выполнялись на уровне 28 %. Причины – общий острый дефицит строительных кадров на Дальнем Востоке и отсутствие жилищного фонда у Дальэнергостроя¹⁸.

В ходе нового энергетического строительства возникало немало трудностей. Так, сложный рельеф местности и отсутствие источников пресного водоснабжения создали дополнительные проблемы при возведении Владивостокской ГРЭС-2. В 1939 г. развернулись земляные работы по строительству площадки станции на р. Лянчихе, однако выбор ее расположения оказался неудачным и в сентябре 1940 г. по приказу НКЭС работы свернули¹⁹. По итогам работы треста Дальэнергострой за 1940 г. объем строительно-монтажных работ по Артемовской ГРЭС был выполнен на 48 %, по Владивостокской ГРЭС-2 – на 22, по КЭТ о. Русский – на 18 %. К строительству таких объектов, как Сучанская и Ворошиловская ГРЭС, даже не приступили. По новым линиям электропередач были проведены только подготовительные работы. За 1940 г. работа треста Дальэнергострой была признана Главвостокэнерго НКЭС неудовлетворительной. С началом Великой Отечественной войны трест приостановил свою деятельность. Приказом НКЭС СССР от 2 октября 1941 г. трест ликвидировали²⁰.

¹⁶ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 23. Л. 230; Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 8. Л. 6.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23. Д. 371. Л. 5, 9; Оп. 25а. Д. 5563. Л. 1–2 об.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 31, 34; Д. 94. Л. 12.

¹⁹ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-510. Оп. 5. Д. 22. Л. 20; Ф. Р-34. Оп. 7. Д. 24. Л. 1, 62.

²⁰ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 1. Д. 12. Л. 34; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 5563. Л. 1–2 об.

Итак, до начала войны расширить систему Дальэнерго не удалось. Не хватило времени, трудовых и материальных ресурсов. В дальневосточных условиях для строительства ГРЭС требовалось не менее 4–5 мирных лет. Нерешенной оказалась задача по расширению Артемовской ГРЭС, на которую приходилось 70 % энергетических мощностей Дальэнерго. Резерва мощностей в системе на случай выхода из строя оборудования ГРЭС создано не было. Осталась незавершенной модернизация существующих линий передач, в первую очередь ЛЭП 110 кВ на временных деревянных опорах Артемовская – Владивостокская ГРЭС. Временные понизительные подстанции постройки 1936 г., рассчитанные на 2–3 года работы, продолжали эксплуатироваться отделом электросетей Дальэнерго²¹.

В условиях отсутствия резерва мощностей в январе 1939 г. Владивостокский городской совет принял постановление «Об экономии электроэнергии», согласно которому отдел энергосбыта Дальэнерго обязывался разработать и установить лимиты потребления электроэнергии для каждого промышленного предприятия. Отныне директора несли персональную ответственность за превышение лимитов, а за каждый перерасходованный кВт·ч вводились штрафы. Для жилищно-коммунального потребления устанавливалась норма потребления не выше 8 Вт на 1 кв. м полезной жилой площади. Электробытовыми приборами (чайниками, плитами, обогревателями) пользоваться строго запрещалось. С 1 января 1940 г. энергосбыт Дальэнерго повысил тарифы на отпускаемую электроэнергию для уличного освещения с 0,15 до 0,20 коп. за 1 кВт·ч, для освещения квартир – с 0,25 до 0,32 коп., для промышленных предприятий и бюджетных учреждений – с 0,75 до 0,94 коп.²²

Предприятия Дальэнерго удалось частично подготовить к работе в условиях военного времени. В июле 1940 г. в машинном

зале ДЭСНА запустили резервный турбогенератор 3 000 кВт, а для морской разгрузки сахалинского угля построили пирс на 150 м. Согласно приказу НКЭС, к декабрю 1940 г. были сооружены склады для хранения угля на Артемовской ГРЭС на 16,6 тыс. т, на ДЭСНА – 5,3 тыс. т, на КЭТ – 4 тыс. т, Владивостокской ГРЭС – 2 тыс. т. В сентябре – октябре 1940 г. на электростанциях установили системы противовоздушной обороны. Прорабатывались планы, проводились инструктажи и учения по пуску электростанций в разных ситуациях, например в случае выхода из строя одного или нескольких турбогенераторов. Также все станции сдали под усиленную охрану войск НКВД²³.

Нерешенной для Дальэнерго оставалась кадровая проблема. В годовых отчетах ежегодно отмечалась высокая текучесть рабочих кадров и специалистов со средним техническим образованием. Так, в 1939 г. на предприятия энергосистемы было принято 274 чел., а уволено 290, из них 172 – только по Владивостокской ГРЭС. Некоторые предприятия, например КЭТ, были укомплектованы рабочими кадрами на 70 %, а квалифицированными – на 50 %. Основная причина – нехватка ведомственного жилья. Сотрудники Дальэнерго были обеспечены жилищным фондом менее чем на 70 %, по отдельным предприятиям, в частности по электросетям, – на 50 %, по Владивостокской ГРЭС на – 40 %. На КЭТ жилье и во все отсутствовало, работники жили либо в казармах с военными, либо в не приспособленных для жизни помещениях. В 1939 г. 880 сотрудников Дальэнерго проживали в многоквартирных двухэтажных домах, общежитиях и казармах, 220 – в бараках. Общий жилищный фонд составлял 8 079 кв. м площади в капитальных домах и 1 585 кв. м в домах барачного типа. При этом, как отмечалось в отчете за 1939 г., 52 % помещений бараков были поражены грибком. На одного проживающего приходилось

²¹ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-34. Оп. 5. Д. 72. Л. 53; Ф. Р-132. Оп. 5. Д. 1.

²² Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 72; Оп. 3. Д. 67. Л. 10.

²³ Там же. Оп. 7. Д. 112. Л. 25, 42; Оп. 1. Д. 71. Л. 329, 343, 82.

Таблица 1*
Основные показатели работы энергосистемы Дальэнерго, 1937–1941 гг.
Table 1
Key indicators of the power system of Dalenergo, 1937–1941

Показатель / Indicators	Год / Year				
	1937	1938	1939	1940	1941
Мощность электростанций, тыс. кВт / Power plant capacity, thousand kW	35	44	44	47	47
Выработка электроэнергии, млн кВт·ч / Electricity generation, million kWh	109,1	119,4	144,7	162,9	163,9
% от общей выработки электроэнергии на Дальнем Востоке / % of total electricity generation in the Far East	34	33	32	25	24
% выполнения плана по выработке электроэнергии / % completion of the electricity generation plan	62	73	96	90	88
% расхода электроэнергии на собственные нужды / % of electricity consumption for own needs	17	16	16	13	12
Общая протяженность электрических сетей, км / Total length of electric networks, km	370	454	454	454	455
% потери электроэнергии в сетях / % electricity loss in networks	16	14	14	14	13
Число аварий в системе / Number of alarms in the system	—	70	75	75	64

*Составлена по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 730. Л. 13, 31; Оп. 41. Д. 818. Л. 62, 64; Ф. 1562. Оп. 54. Д. 288. Л. 43, 45; Государственный архив Приморского края. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 161. Л. 176–179; Ф. Р-34. Оп. 5. Д. 38. Л. 9, 134; Оп. 3. Д. 67. Л. 1.

Compiled according to: RGAE. F. 4372. Inv. 37. C. 730. P. 13, 31; Inv. 41. C. 818. P. 62, 64; F. 1562. Inv. 54. C. 288. P. 43, 45; State Archive of Primorsky Krai. F. P-68. Inv. 4. C. 161. P. 176–179; F. R-34. Inv. 5. C. 38. P. 9, 134; Inv. 3. C. 67. P. 1.

4,2 кв. м при минимальном нормативе 8,0 кв. м. Новое жилье строилось медленно. За 1939 г. по системе было введено всего 675 кв. м, за 1940 г. – 1 071 кв. м. Жилищный кризис был настолько тяжелым, что заместителю управляющего Дальэнерго В. Ф. Балихину приходилось отдельными приказами регулировать выделение сотрудникам ведомственных комнат или койко-место²⁴.

Остро встал перед Дальэнерго и проблема обеспечения предприятий высококвалифицированными инженерными кадрами. 10 марта 1939 г. единственный в регионе Дальневосточный политехнический институт во Владивостоке перешел в ведомство

Наркомата судостроительной промышленности. Механико-энергетический факультет, который ранее выпускал ежегодно по 10–15 инженеров-энергетиков и инженеров-теплотехников, был преобразован в судостроительный факультет. В 1939 г. состоялся последний выпуск специалистов, и подготовка местных инженерных кадров для отрасли прекратилась. Управляющий Дальэнерго Н. В. Юренский ходатайствовал перед Приморским крайкомом ВКП(б) о восстановлении факультета, но безрезультатно²⁵.

В целом в предвоенные годы из-за многих проблем энергосистема Дальэнерго развивалась слабо. Производственные планы ежегодно не выполнялись. Несмотря на

²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 54. Д. 288. Л. 34; Государственный архив Приморского края. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 3. Л. 74; Оп. 3. Д. 38. Л. 32.

²⁵ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-52. Оп. 10. Д. 234. Л. 20–21; Д. 173. Л. 3.

Таблица 2*
Крупные промышленные потребители Дальэнерго на 1941 г.
Table 2
Large industrial consumers of Dalenergo in 1941

Наименование предприятия / Factory name	Максимальная потребляемая мощность, кВт / Maximum input power, kW	Наркомат / Commissariat
Артемовское шахтоуправление / Artyomovskoye mine administration	13 000	НКТП / NKTP
Завод № 202 (Дальзавод) / Plant No. 202 (Dalzavod)	4 000	НКСП / NKSP
Завод «Металлист» / Plant Metalist	900	НКТП / NKTP
Седанкинское водохранилище и водопровод / Sedanka reservoir and water pipeline	535	НКХХ / NKKH
Главвоенпорт Владивосток / Glavvoenport Vladivostok	500	НКВМ / NKVM
Торговый порт Владивосток / Commercial port of Vladivostok	355	НКМФ / NKMF

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 313. Д. 157. Л. 79; Государственный архив Приморского края. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 11. Л. 71–71об.

Compiled according to: RGAE. F. 1562. Inv. 313. C. 157. P. 79; State Archive of Primorsky Krai. F. R-34. Inv. 1. C. 11. P. 71–71.

то что за 1937–1941 гг. выработка электроэнергии увеличилось на 44 %, удельный вес Дальэнерго в общем электробалансе Дальнего Востока снизился с 34 до 24 %. Мощность энергосистемы увеличилась незначительно (на 12 тыс. кВт) за счет ввода в строй агрегатов, достраиваемых КЭТ и ДЭСНА (табл. 1). Ежегодные отчеты Дальэнерго по капитальному и жилищному строительству оценивались Главвостокэнерго неудовлетворительно.

Следует отметить, что энергосистема Дальэнерго стала надежным поставщиком электроэнергии для некоторых крупных промышленных предприятий Приморского края (табл. 2). Так, она создала условия для технической модернизации угольных шахт Артемовского управления, которые благодаря электрификации стали самыми передовыми на Дальнем Востоке. К 1940 г. шахты обслуживали 6 врубовых электрических машин тяжелого типа, 10 электровозов,

39 легких и средних электрических транспортеров и другая электротехника²⁶.

Второй крупный потребитель Дальэнерго, судоремонтный завод № 202 (Дальзавод), накануне войны также проходил масштабную электротехническую модернизацию. Станочный парк завода удалось обновить на 52,5 %, установить три новых мостовых электрических крана грузоподъемностью 30 т каждый. Производственный фонд цехов завода на 1941 г. составлял 510 единиц металорежущих станков и 110 сварочных агрегатов. Из потребляемой заводом электроэнергии 57,0 % расходовалось на моторы машин и станков, 15,7 % – на электросварку, 14,3 % – на освещение производственных помещений, 13,0 % – на технологические нужды. В результате завод № 202 перешел на выпуск оборонной продукции, осуществлял судоремонт и восстановление военных кораблей Тихоокеанского флота²⁷.

²⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 313. Д. 157. Л. 95.

²⁷ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-27. Оп. 3. Д. 14. Л. 7, 9, 33; Ф. П-68. Оп. 4. Л. 63 об.; Д. 68. Л. 108, 113.

Необходимо добавить, что промышленные и коммунальные потребители энергосистемы Дальэнерго пользовались еще одним важным преимуществом – самыми низкими тарифами на электроэнергию на Дальнем Востоке. Так, если в Дальэнерго на 1939 г. себестоимость 1 кВт·ч составляла 23 коп., то на дизельных ведомственных электростанциях Хабаровска – 54 коп., на локомобильных станциях, работающих на дровах или нефтепродуктах в северных труднодоступных районах края, – от 60 коп. до 1 руб.²⁸ Потребители Дальэнерго получали электрический ток по единому государственному тарифу, поэтому расходы на электроснабжение были значительно ниже, чем у предприятий, снабжающихся от ведомственных или других изолированных энергоисточников.

Благодаря работе энергосистемы Дальэнерго в Приморском крае по такому показателю, как производство электроэнергии на душу населения, в 1940 г. вырабатывалось 256,8 кВт·ч, тогда как в соседнем Хабаровском крае – 130,7 кВт·ч. Однако, если же сравнить со средними показателями на этот год по СССР (284,1 кВт·ч на 1 чел.), можно увидеть разницу, которая свидетельствует о том, что в развитии электрического хозяйства на Дальнем Востоке происходили значительные отставания, в том числе в региональной энергосистеме Дальэнерго²⁹.

Итак, в предвоенные годы энергосистема Дальэнерго лишь отчасти была подготовлена к военному времени, многое сделать и завершить не удалось. Поэтому с началом Великой Отечественной войны, когда в регионе разразился энергетический кризис, а оборонные предприятия стали снабжаться электроэнергией на уровне 70–80 %, партийно-хозяйственным органам пришлось вернуться к решению накопившихся проблем. Ежегодно возрастали капиталовложения на развитие энергосисте-

мы. Если в 1940 г. они составляли 600 тыс. руб., то в 1943 – 1,6 млн, в 1944 – 2,2 млн, в 1945 г. – 3,09 млн руб. НКЭС стало уделять больше внимание материально-техническому снабжению предприятий Дальэнерго, в первую очередь снабжая за счет импорта. В результате по показателям эффективности эксплуатации электростанций Дальэнерго в годы войны вошло в число лучших в стране энергосистем [7, с. 207, 209]. Также в августе 1944 г. управляющему Дальэнерго Н. С. Белову наконец удалось добиться от правительства открытия в ДВПИ энергетического факультета с двумя специальностями: «Электростанции, сети и системы» и «Теплоэнергетические установки»³⁰.

Заключение

Формирование в предвоенные годы самой восточной в СССР энергосистемы Дальэнерго обусловливалось удаленностью и оторванностью Дальневосточного региона от индустриально развитых районов страны, ограниченностью финансовых, материально-технических и временных ресурсов, незавершенностью строительства электростанций и линий передач, нерешенностью кадровых проблем. В ходе создания энергосистемы допускались управленческие ошибки и просчеты со стороны Главэнерго и НКЭС. Энергосистема Дальэнерго отличалась от других систем СССР скромными производственными мощностями, она географически ограничивалась территорией Амурского залива и слабо отвечала задачам социально-экономического развития региона. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала работы по расширению Дальэнерго. Энергосистема работала на пределе возможностей, но, несмотря на все трудности военного времени, справилась с задачами. Нереализованные в предвоенные годы планы по энергетическому строительству и развитию Дальэнерго были выполнены уже в 1950–1970-е гг.

²⁸ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 53. Л. 8, 23.

²⁹ РГАЭ. Ф. 4273. Оп. 41. Д. 818. Л. 62.

³⁰ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-52. Оп. 10. Д. 173. Л. 5.

Список источников

1. Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1 (1885–1950). Новосибирск: Наука, 1973. 284 с.
2. Барabanova O. O. Эволюция энергетической системы Волгоградского региона в конце XIX – 80-х гг. ХХ в.: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2005. 200 с.
3. Виленский M. A. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М.: АН СССР, 1954. 159 с.
4. Калашников V. D., Демина O. V. Особенности формирования и развития энергетической системы Дальнего Востока // Регионалистика. 2014. Т. 1, № 4. С. 36–49.
5. Липенский Г. В. Мосэнерго. Этапы становления. М.: Энергоатомиздат, 2000. 502 с.
6. Маклюков A. B. Топливно-энергетическая база Дальнего Востока накануне и в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и развития // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 1. С. 84–96.
7. Makljukov A. B. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.): моногр. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. 282 с.
8. Симонов N. S. Начало электроэнергетики Российской Империи и СССР, как проблема техногенеза. М.: Инфа-Инженерия, 2017. 640 с.
9. Tarasov P. V. On the initial stage of development of the electric power industry of Primorye // Вопросы экономики Дальнего Востока. Благовещенск, 1960. Т. 2. С. 75–84.
10. Турбин M. Z. История развития экономики энергетики Дальнего Востока // Сборник трудов Хабаровского политехнического института. Хабаровск, 1966. Вып. 3. С. 103–110.

References

1. Alekseev V. V. Electrification of Siberia. Historical research. Vol. 1 (1885–1950). Novosibirsk, 1973, 284 p. (In Russ.)
2. Barabanova O. O. The evolution of the energy system of the Volgograd region in the late XIX – 80s XXth century. Volgograd, 2005, 200 p. (In Russ.)
3. Vilenskij M. A. Problems of development of the electric power industry of the Far East. Moscow, 1954, 159 p. (In Russ.)
4. Kalashnikov V. D., Demina O. V. Features of the formation and development of the energy system of the Far East. *Regionalistika = Regional studies*. 2014; Vol. 1 (4): 36–49. (In Russ.)
5. Lipenskij G. V. Mosenergo. Stages of formation. Moscow, 2000, 502 p. (In Russ.)
6. Makljukov A. V. Fuel and energy base of the Far East on the eve and during the Great Patriotic War: problems of formation and development. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: istorija, filologija = Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istorija, Filologiya*. 2020; Vol. 19. (1): 84–96. (In Russ.)
7. Makljukov A. V. Electrification of the Russian Far East (the end of the 19th – the middle of the 20th centuries). Vladivostok, 2018, 282 p. (In Russ.)
8. Simonov N. S. The beginning of the electric power industry of the Russian Empire and the USSR as a problem of technogenesis. Moscow, 2017, 640 p. (In Russ.)
9. Tarasov P. V. On the initial stage of development of the electric power industry of Primorye. *Voprosy jekonomiki Dal'nego Vostoka = Issues of the economy of the Far East*. Blagoveshchensk, 1960; Vol. 2: 75–84. (In Russ.)
10. Turbin M. Z. The history of the development of the energy economy of the Far East. *Sbornik trudov Habarovskogo politehnicheskogo instituta = Collection of works of the Khabarovsk Polytechnic Institute*. Khabarovsk, 1966; Vol. 3: 103–110. (In Russ.)

Поступила 17.01.2023.

Сведения об авторе

Маклюков Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (Владивосток, Россия). Сфера научных интересов – региональная экономическая история конца XIX – XX в. Автор более 60 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Submitted 17.01.2023.

About the author

Aleksey V. Maklyukov – Candidate of History, Head of the Department of the History of the Russian Far East Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia). Research interests: regional economic history of the late 19th – 20th centuries. The author of more than 60 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия), e-mail: klinowa.m@yandex.ru*

Социалистическое соревнование: организация, динамика премиальных выплат (вторая половина 1940-х гг.)

Аннотация

Введение. Одним из методов восстановления разрушенного войной хозяйства и ликвидации экономических последствий войны являлось социалистическое соревнование. Цель статьи – охарактеризовать политику проведения социалистических соревнований в советском городском социуме, проанализировать объемы премиальных выплат в различных отраслях индустрии, выявить их динамику, произошедшую во второй половине 1940-х гг.

Материалы и методы. Методологической основой исследования является модернизационная историческая парадигма. При написании статьи автор руководствовалась принципами историзма и объективности. Работа с историческими источниками осуществлялась посредством общенаучных и исторических методов.

Результаты и обсуждение. Рассмотрены организационные механизмы проведения социалистических соревнований, проанализированы премиальные выплаты за победу на предприятиях различных отраслей индустрии. Выявлено, что наибольшие выплаты и количество премий за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании фиксировалось на предприятиях Министерства путей сообщения, предприятиях и стройках угольной промышленности, электропромышленности. Размеры индивидуальных премий тружеников варьировались в зависимости от отрасли индустрии, статуса соревнования, должности работника. В 1948 г. премии за победу в социалистическом соревновании были сокращены на 50 %.

Заключение. Социалистическое соревнование как практический метод интенсификации производства и повышения производительности труда в послевоенные годы продемонстрировало эффективность и результативность в решении экономических задач, стоящих перед государством.

Ключевые слова: СССР, городское население, социалистическое соревнование, премии, 1946–1950 гг.

Для цитирования: Клинова М. А. Социалистическое соревнование: организация, динамика премиальных выплат (вторая половина 1940-х гг.) // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 146–158.
DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.146-158.

Marina A. Klinova

*Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia), e-mail: klinowa.m@yandex.ru*

Socialist Competition: Organization, Dynamics of Premium Payments (the Second Half of the 1940s)

Abstract

Introduction. One of the methods of restoring the economy destroyed by the war and eliminating the economic consequences of the war was socialist competition. The purpose of the work: to characterize the policy of socialist competitions in Soviet urban society, to analyze the volume of bonus payments in various industries, to identify their dynamics that occurred in the second half of the 1940s.

© Клинова М. А., 2023

Materials and Methods. The methodological basis of the research is the modernization historical paradigm. When writing the article, the author was guided by the principles of historicism and objectivity. Work with historical sources was carried out through general scientific and historical methods.

Results and Discussion. The organizational mechanisms of socialist competitions are considered, bonus payments for victory at enterprises of various industries are analyzed. It was revealed that the largest payments and the number of bonuses for winning the All-Union socialist competition were recorded at the enterprises of the Ministry of Railways, enterprises and construction sites of the coal industry, electrical industry. The size of individual bonuses of workers varied depending on the industry, the status of the competition, the position of the employee. In 1948, the prizes for winning the socialist competition were reduced by 50 %.

Conclusion. Socialist competition, as a practical method of intensifying production and increasing labor productivity, in the post-war years demonstrated its effectiveness and efficiency in solving economic problems facing the state.

Keywords: USSR, urban population, socialist competition, prizes, 1946–1950.

For citation: Klinova M. A. Socialist Competition: Organization, Dynamics of Premium Payments (the Second Half of the 1940s). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(2): 146–158. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302146-158.

Введение

В послевоенный период основные векторы социально-экономического регулирования определялись необходимостью решения важнейшей задачи, стоящей перед государством, – ликвидировать экономические последствия войны и восстановить разрушенное войной хозяйство. Одним из методов решения данной задачи являлось социалистическое соревнование.

Проблематика трудовой активности советского населения, проявляющейся в стахановском движении и социалистических соревнованиях, активно изучалась в рамках советского историографического этапа в русле материалистической теоретической парадигмы. В советской историографии получили рассмотрение как теоретические аспекты организации социалистических соревнований, так и их фактическое проявление в различных отраслях народного хозяйства [2; 5–7; 25].

Сегодня также ведутся разработки по данной тематике. В ряде публикаций предпринимается сравнение механизмов рыночной конкуренции и социалистического соревнования, оценивается современный потенциал данного метода организации труда [1; 3; 16]. В работах Н. Н. Калинкиной, О. К. Синдянкиной, Н. Н. Ращевской, С. Г. Сизова, В. Н. Новикова, В. В. Коровина, М. Н. Федченко рассматриваются практики труда граждан по восстановлению

предприятий, реализованные в послевоенные годы [8; 15; 18; 20; 21; 26]. В исследованиях А. М. Маркевича, А. К. Соколова изучаются проблемы мотивации труда граждан [13; 23; 24]. В работе А. П. Скорика и М. И. Поповой социалистическое соревнование рассматривается как метод неправового воздействия государства на общество [22]. В большинстве означенных конкретно-исторических публикаций проблематика социалистического соревнования рассматривается в рамках отдельных предприятий, отраслей производства; тематике материального стимулирования трудящихся за победу в социалистическом соревновании уделяется недостаточное внимание, что определяет актуальность проводимого исследования.

Цель статьи – охарактеризовать политику проведения социалистических соревнований в советском городском социуме, проанализировать объемы премиальных выплат в различных отраслях индустрии, выявить их динамику, произошедшую во второй половине 1940-х гг.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является модернизационная историческая парадигма, представляющая собой методологию, «ориентированную на изучение социальных перемен, трансформаций и инновационных мероприятий, фиксируемых

в процессе развития обществ» [17, с. 36]. Работа с источниками реализовывалась с помощью общенаучных, а также исторических методов.

Результаты и обсуждение

Одной из приоритетных социально-экономических задач, зафиксированных в тексте плана четвертой пятилетки, являлась организация «мощного подъема производства и повышения производительности труда» в промышленных отраслях¹. Одним из методов повышения производительности труда являлось социалистическое соревнование. Принципы социалистического соревнования были сформулированы И. В. Сталиным еще в 1929 г.: «...товарищеская помощь отставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема... одни работают плохо, другие хорошо, трети лучше, — догоняй лучших и добейся общего подъема»². Социалистическое соревнование отвечало задачам мобилизационной экономики — склонявшему восстановлению производства.

В Постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР» от 18 мая 1946 г. указывалось на важность данного метода в развитии «творческой инициативы трудящихся в борьбе за повышение производительности труда и досрочное выполнение производственных планов»³. В тексте указывалось на «народную инициативу» проведения социалистическо-

го соревнования в масштабах всего СССР: «...рабочие, инженерно-технические работники и служащие передовых предприятий промышленности обратились ко всем трудящимся Советского Союза с призывом организовать Всесоюзное социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение плана новой пятилетки»⁴.

Как правило, пропагандистские кампании в СМИ, направленные на активизацию социалистических соревнований различного уровня, приурочивались к праздникам⁵ или важным политическим событиям⁶.

Условия проведения всесоюзных и всероссийских социалистических соревнований утверждались постановлениями СМ СССР и СМ РСФСР. В текстах обозначались количество премий победителям, суммы премиальных выплат, оговаривались критерии определения предприятий-победителей. Эти постановления СМ СССР и СМ РСФСР являлись первичным импульсом социалистического соревнования, вслед за которым организовывались соревнования между регионами, внутри предприятий, строек и т. д. Развивалось социалистическое соревнование в торговле, среди секретарей и делопроизводителей народных судов⁷, работников органов цензуры, фармацевтических работников, сотрудников вузов и др. [4; 12; 14].

В послевоенные годы в социалистических соревнованиях участвовало значительное количество трудящихся страны. В 1946 г. в промышленности Урала в социалистическом соревновании участвовали около

¹ См.: Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946. С. 9.

² Стalin I. B. Соревнование и трудовой подъем масс // Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 110.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1986): в 15 т. М., 1985. Т. 8. С. 21.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1986). Т. 8. С. 21.

⁵ См.: Александрович П. Работаем в счет майского плана // Под знаменем Ленина. 1948. 18 апр. С. 1; Предложение вальцовщика тов. Алексеева получает горячую поддержку // Уральский рабочий. 1948. 20 апр. С. 1; Достойно встретим 32-ю годовщину Великого Октября! // Магнитогорский металл. 1949. 20 сент. С. 1; На вахте в честь Дня Конституции // Магнитогорский металл. 1949. 19 нояб. С. 1.

⁶ См.: Соревнование плавильщиков // Уральский рабочий. 1946. 9 февр. С. 1; Ознаменуем 70-летие со дня рождения товарища И. В. Сталина новыми производственными успехами // Магнитогорский металл. 1949. 8 дек. С. 1.

⁷ См.: Корчаков М. Совещание секретарей народных судов Челябинской области // Социалистическая законность. 1948. № 3. С. 17.

30 тыс. комсомольско-молодежных бригад (более 215 тыс. чел.) [26, с. 85]. В промышленности и на транспорте в Башкирской АССР в соцсоревновании участвовал 91 % занятых рабочих, ИТР и служащих, в Чкаловской области – 89 % [8, с. 119]. По данным ВЦСПС, в социалистическом соревновании принимало участие в 1948 г. – 87,0 %, а в 1950 г. – 90,1 % рабочих страны⁸. Хотя на отдельных предприятиях уровень вовлеченности трудящихся в социалистическое соревнование был ниже, что фиксировалось современниками. Так, например, Б. И. Вронский, работавший в 1946 г. главным геологом Охотского РайГРУ, отмечал

в дневнике отсутствие социалистического соревнования на участке⁹. С. А. Кондратьев (исследователь Монголии, археолог) в 1949 г. в дневниковых записях по поводу соцсоревнования писал, что оно «проникло пока далеко не во все поры нашей жизни и применяется преимущественно в крупных промышленных и аграрных мероприятиях, не всегда близко соприкасающихся с повседневным бытом граждан»¹⁰.

Победители социалистического соревнования награждались нагрудными значками. В 1946–1948 гг. были учреждены нагрудные значки «Отличник социалистического соревнования» в ряде отраслей индустрии (табл. 1).

Учреждение нагрудных значков «Отличник социалистического соревнования» в СССР (1946–1948 гг.)¹¹

Establishment of badges “Excellent Student of the Socialist competition” in the USSR (1946–1948)

Год учреждения / Year of establishment	Предприятия министерств, главков / Enterprises of ministries, glavki	Ежегодный тираж, шт. / Annual circulation, pcs.
1946	Угольной промышленности западных районов / Coal industry of the western regions	3 000
	Угольной промышленности восточных районов / Coal industry of the eastern regions	2 500
	Строительства топливных предприятий / Construction of fuel enterprises	5 000
1947	Лесного хозяйства / Forestry	10 000
	Строительного и дорожного машиностроения / Construction and road engineering	1 000
	Медицинской промышленности / Medical industry	600
	Главнефтегазстрой / Glavnftegazstroy	3 000
1948	Геологии / Geology	1 000
1948	Металлургической промышленности / Metallurgical industry	8 000

⁸ См.: Профсоюзы СССР: документы и материалы: 1905–1963 гг.: в 4 т. Т. 3. Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937–1952 гг.). М., 1963. С. 568.

⁹ См.: Вронский Б. И. Дневники. URL: <https://prozhito.org/person/386>. Запись от 8 января 1946 г. (дата обращения: 19.02.2023).

¹⁰ Кондратьев С. А. Дневники. URL: <https://prozhito.org/person/2597>. Запись от 4 мая 1949 г. (дата обращения: 16.02.2023).

¹¹ Составлена по: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 396; Д. 277. Л. 331; Д. 308. Л. 423; Д. 310. Л. 56; Д. 312. Л. 260; Д. 316. Л. 25; Д. 347. Л. 236; Д. 353. Л. 103.

Социалистические соревнования проводились и в рамках отдельных предприятий. Победителям в соревновании ведущих профессий присуждались звания «Лучший рабочий», «Лучший мастер», «Лучший начальник смены» и т. п. В качестве примера можно привести выдержку из газеты «Магнитогорский металл»: «За достигнутые качественные и количественные показатели в октябре победителям в соревновании присвоены звания лучших рабочих и лучших мастеров комбината. Звания “Лучший рабочий” и “Лучший мастер” присвоены следующим товарищам: Спиридонову Константину Ивановичу – электросварщику котельно-ремонтного цеха. Сеноглоеву Трофиму Сергеевичу – машинисту паровоза ЖДТ. Борисову Михаилу Леонтьевичу – составителю ЖДТ... За разработку и

внедрение мероприятий по улучшению технологии, по повышению производительности труда, облегчению условий труда, улучшению качества продукции, при успешном выполнении производственных заданий признать победителями в соревновании инженерно-технических работников и присвоить звание: “Лучший электрик” Крикуха Григорию Ефимовичу – пом. начальника обжимного цеха по электрооборудованию... “Лучший начальник участка” Быкову Михаилу Александровичу – начальнику слесарно-сборочного отдела ОМЦ. “Лучший руководитель группы” Торчинскому Майору Александровичу – руководителю группы цеха КИП и автоматики. “Лучший начальник смены” Казакову Александру Ивановичу – начальнику смены мартеновского цеха № 1»¹².

Формы премирования и объем средств, расходуемых на поощрение победителей во Всесоюзном социалистическом соревновании, на предприятиях различных отраслей промышленности (1946–1948 гг.)¹³

Forms of bonuses and the amount of funds spent on encouraging winners in the All-Union socialist competition at enterprises of various industries (1946–1948)

Год	Организации, предприятия различных министерств (главков) / Organizations, enterprises of various ministries (glavki)	Объем средств, тыс. руб. в месяц / Amount of funds, in thousands of rubles per month	Количество премий / Number of awards			
			Переходящее Красное знамя СМ СССР и первая премия / The Passing Red Banner of the USSR UM and the first prize	Переходящее Красное знамя ВЦСПС и министерства и первая премия / The passing Red Banner of the VTSPS and the Ministry and the first prize	Вторая премия / The second prize	Третья премия / The third prize
1946	Министерства нефти и нефтепереработки южных и западных районов СССР / Ministry of Petroleum Industry of the Southern and Western Regions of the USSR	1 850	6	5	10	9
	Министерства электростанций / Ministries of Power Plants	4 400	10	9	17	17

¹² Победители в соревновании ведущих профессий // Магнитогорский металл. 1949. 15 нояб. С. 1.

¹³ Составлена по: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 263, 265–279, 290–297; Д. 293. Л. 73, 270; Д. 294. Л. 85; Д. 296. Л. 340; Д. 297. Л. 301; Д. 300. Л. 24; Д. 301. Л. 54, 76, 89; Д. 313. Л. 302; Д. 320. Л. 36; Д. 324. Л. 270; Д. 327. Л. 301; Д. 349. Л. 54, 312.

	Министерства медицинской промышленности / Ministries of Medical Industry	400	2	3	4	5
	Министерства угольной промышленности восточных районов СССР / Ministries of Coal Industry of the Eastern Regions of the USSR	3 900	5	17	23	26
	Министерства промышленности средств связи / Ministry of Industry and Communications	1 600	2	3	5	6
	Главного управления геодезии и картографии при СМ СССР / Main Directorate of Geodesy and Cartography under the USSR Council of Ministers	260	1	1	2	2
	Министерства финансов СССР / Ministry of Finance of the USSR	265	—	1	1	1
1946	Главного строительно-квартирного управления Вооруженных сил СССР / The Main Building and Housing Department of the Armed Forces of the USSR	400	1	2	1	1
	Министерства материальных резервов / Ministries of Material Reserves ¹⁴	145 (e/к) ¹⁵	1	2	4	4
	Министерства продовольственных резервов / Ministries of Food Reserves ¹⁶	260 (e/к)	1	2	3	4
	Главного управления гидрометеорологической службы при СМ СССР / The Main Directorate of the Hydrometeorological Service under the USSR Council of Ministers	25	—	1	1	—
	Министерства резиновой промышленности / Ministries of Rubber Industry	1 400	2	4	7	7
1947	Главное управление кислородной промышленности при СМ СССР / The Main Directorate of the Oxygen Industry under the USSR Council of Ministers	100	1	—	1	1
	Предприятия Главнефтехснаба при СМ СССР / Enterprises of Glavnftesnab under the SM of the USSR	300	1	5	4	5
	Министерства электропромышленности / Ministries of Electrical Industry	1 600	3	3	5	6

¹⁴ Промышленно-сырьевые, нефтяные, хлебоффурожные и продовольственные базы, отделения топливных складов и строительных участков.

¹⁵ е/к – ежеквартально.

¹⁶ Промышленно-сырьевые, нефтяные, хлебоффурожные и продовольственные базы, отделения топливных складов и строительных участков.

1947	Предприятия Главнефтегазстроя при СМ СССР / Enterprises of Glavneftegazstroy under the SM of the USSR	1 250	2	3	5	8
	Ремесленные и железнодорожные училища, школы ФЗО Министерства трудовых резервов / Craft and railway schools, schools of the FSO of the Ministry of Labor Reserves	600 (e/k)	3		10	30
	Горнопроходческие бригады рудников и шахт министерств черной и цветной металлургии, угольной промышленности (западных и восточных районов), строительства топливных предприятий, строительных материалов СССР, путей сообщения, химической промышленности / Mining teams of mines and mines of the Ministries of Ferrous and non-ferrous Metallurgy, coal industry (western and eastern regions), construction of fuel enterprises, construction materials of the USSR, railways, chemical industry	—	—	10 ¹⁷	15 ¹⁸	20 ¹⁹
	Министерства вкусовой промышленности союзного и республиканского подчинения / Ministries of the taste industry of the Union and republican subordination	1 800 ²⁰	6	25	19	26
	Организации и предприятия потребительской кооперации / Consumer cooperation organizations and enterprises	1 820 (e/k)	2	9	81	101
	Нефтедобывающие тресты министерства нефтяной промышленности / Oil-producing trusts of the Ministry of Petroleum Industry	550 южных, западных районов / southern, western districts 450 восточных районов / eastern districts	1 — 1	— — —	1 1 1	1 1 1

¹⁷ Размер одной премии – 25 тыс. руб. Для премирования инженерно-технических работников, непосредственно осуществляющих руководство скоростной проходкой, выделялось 20 % из суммы, присужденной бригаде.

¹⁸ Размер одной премии – 20 тыс. руб. Для премирования инженерно-технических работников, непосредственно осуществляющих руководство скоростной проходкой, выделялось 20 % из суммы, присужденной бригаде.

¹⁹ Размер одной премии – 15 тыс. руб. Для премирования инженерно-технических работников, непосредственно осуществляющих руководство скоростной проходкой, выделялось 20 % из суммы, присужденной бригаде.

²⁰ В том числе 1 500 тыс. руб. для премирования предприятий и организаций союзного подчинения и 300 тыс. руб. для премирования предприятий республиканского подчинения.

1947	Железные дороги и предприятия министерства путей сообщения / Railways and enterprises of the Ministry of Railways	10 600	16	70	22	26
	Предприятия торговли и общественного питания / Trade and catering enterprises	2 300 (е/к)	3	25	118	189
1948	Лесхозы министерства лесного хозяйства СССР / Forestry enterprises of the Ministry of Forestry of the USSR	600 (е/к)	1	4	6	9
	Угольные шахты министерства угольной промышленности / Coal Mines Ministry of Coal Industry	1 520	—	25 ²¹	40 ²²	42 ²³
	западных районов / western districts					
	восточных районов / eastern districts	1 075	—	15 ²⁴	25 ²⁵	40 ²⁶
	Стройки и предприятия Главмашстроя / Construction sites and enterprises of Glavmosstroy	525	1	2	3	4
	Базы топливных складов, кустовых ремонтных мастерских и строительных участков министерства государственных продовольственных и материальных резервов / Bases of fuel depots, cluster repair shops and construction sites of the Ministry of State Food and Material Reserves	280 (е/к)	2	6	10	11
	Строительно-монтажные организации министерства строительно-го и дорожного машиностроения / Construction and installation organizations of the Ministry of Construction and Road Engineering	110	—	1	1	

Предприятия, победившие во Всесоюзном социалистическом соревновании, награждались переходящими Красными Знаменами (СМ СССР, ВЦСПС) и денежными премиями. Количество премий и их суммы существенно разнились по отраслям индустрии (табл. 2).

Наибольшие выплаты и количество премий фиксировалось в послевоенные годы на предприятиях МПС, Министерства

электростанций, а также на предприятиях и стройках угольной промышленности. Премии, выплачиваемые предприятиям-победителям, направлялись не только работникам, но и на мероприятия по улучшению их культурно-бытового обслуживания.

Проблематики объемов премиальных выплат за победу в социалистическом соревновании (внутризаводском) касается в своей работе И. В. Козлов [10]. Опираясь на

²¹ Размер одной премии – 20 тыс. руб.

²² Размер одной премии – 15 тыс. руб.

²³ Размер одной премии – 10 тыс. руб.

²⁴ Размер одной премии – 20 тыс. руб.

²⁵ Размер одной премии – 15 тыс. руб.

²⁶ Размер одной премии – 10 тыс. руб.

данные по Авиазаводу № 1 (г. Куйбышев), он отмечает, что «звание “Лучший бригадир” получали те, кто удерживал первое место по заводу все три месяца квартала. Бригадир получал 300 руб., члены бригады – по 150 руб. За второе место объем премий составлял 300 и 100 руб., за третье – 160 и 50 руб. соответственно. Номинанты звания “Лучший мастер завода”, “Лучший технолог завода”, “Лучший конструктор завода” и “Лучший механик завода” получали места по той же схеме, но размер премий был выше. За первое место – 700 руб., за второе – 400 руб., за третье – 200 руб.» [10, с. 133].

В целом размеры премий, выплачиваемых рабочим, были небольшими, а, учитывая неоднократное повышение норм выработки, проведенное во второй половине 1940-х гг. фактически во всех отраслях советской индустрии [9], можно сказать, что получение премий требовало значительных трудовых усилий. Существовала проблема с выплатами премий. В 1948 г. СМ СССР было утверждено требование: «Обязать министерства и другие центральные учреждения СССР обеспечить до 1 апреля 1948 г. ликвидацию задолженности по премиям, присужденным предприятиям – победителям во Всесоюзном социалистическом соревновании»²⁷. Помимо этого, во втором – третьем квартале 1948 г. государством было произведено снижение объемов премиальных выплат гражданам за перевыполнение планов и победу в социалистическом соревновании. В постановлении СМ СССР констатировалось, что «расходы на премирование по народному хозяйству чрезвычайно возросли, а именно: с 3,2 млрд рублей в 1940 году до 6,9 млрд рублей в 1946 году и 9,2 млрд рублей в 1947 году. СМ СССР считает действующие размеры премий завышенными, … кроме того, в настоящее время уже преодолены трудности послевоенной

перестройки народного хозяйства и условия для выполнения и перевыполнения планов стали более благоприятными»²⁸. Премии предприятиям-победителям в социалистическом соревновании сокращались на 50 % (от сумм действующих премий за три месяца). В результате предпринятых во второй половине 1940-х гг. мероприятий: повышения норм выработки, сокращения объемов премий – выплаты гражданам за победу в социалистическом соревновании сократились.

Заключение

Социалистическое соревнование являлось методом морального и материального стимулирования труда. В соответствии с принципом главного звена, реализуемым в рамках мобилизационной модели экономики [19, с. 21–22], объемы премий за победу в социалистическом соревновании были дифференцированы. В приоритетных отраслях (тяжелая, топливная промышленность), фиксировались максимальные объемы выплат, призванные стимулировать производительность труда.

А. К. Соколов, рассуждая о стахановском движении 1930-х гг., пишет: «Пока сохранялись действующие нормы и расценки и увеличивался фонд заработной платы, стахановское движение давало эффект. Их пересмотр в сторону повышения интенсивности труда вел к… выходащанию его содержания. В то время как стахановцы разъезжали по всей стране, делясь опытом установки своих рекордов, реализация их достижений выпадала на плечи остающихся за станками рабочих, вызывая с их стороны пассивное сопротивление или фиктивный показушный энтузиазм» [24, с. 56]. На наш взгляд, данное замечание применимо и к послевоенному периоду. Повышение норм выработки и снижение сдельных расценок, а также сокращение объемов премий

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 324. Л. 125. Постановление СМ СССР № 503 от 1 марта 1948 г. «Об обеспечении своевременной выплаты премий предприятиям – победителям во Всесоюзном социалистическом соревновании».

²⁸ Там же. Д. 338. Л. 138. Постановление СМ СССР № 2395 от 3 июля 1948 г. «О частичном сокращении размеров премий».

трудящимся в 1948 г. способствовало снижению материальной заинтересованности работников в повышении производительности труда.

Тем не менее следствием проведения в СССР различных форм социалистического соревнования стало повышение производительности труда. По данным официальной статистики, производительность труда рабочих в государственной и кооперативной промышленности СССР в 1950 г. составила 198 % к уровню 1940 г.²⁹ По расчетам Г. И. Ханина, «производительность труда в электроэнергетике превзошла довоенный

уровень на 42 %, в черной металлургии более чем на 20 %, также был превзойден уровень 1940 г. в машиностроении, химической и асбестовой промышленности. На 10 % выросла производительность труда на железнодорожном транспорте» [27, с. 78]. В целом социалистическое соревнование как метод интенсификации производства и повышения производительности труда, подменявший собой конкуренцию [11, с. 205], в послевоенные годы продемонстрировал эффективность и результативность в решении экономических задач, стоящих перед государством.

Список источников

1. Будович Ю. И. Сущность социалистического соревнования с точки зрения теории альтернативных финансов // Экономические науки. 2022. № 206. С. 28–37.
2. Веселков Ф. С., Добрусина М. Е. О сущности социалистического соревнования и механизме его функционирования // Исследование закономерностей регионального процесса воспроизводства. Л., 1976. С. 57–61.
3. Горбачева В. Ю. Экономические формы состязательности: рыночная конкуренция и социалистическое соревнование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2008. № 2. С. 145–149.
4. Дианов С. А. Социалистическое соревнование в органах советской цензуры в эпоху «сталинизма» (по материалам Урала) // Научный диалог. 2013. № 1. С. 35–45.
5. Евстафьев Г. Н. Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М.: Госполитиздат, 1952. 344 с.
6. Живое творчество масс: документальная летопись трудового героизма и социалистического соревнования трудящихся Ивановской области 1917–1982 гг. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1984. 398 с.
7. Ильин И. В. Теоретически аспекты организации социалистического соревнования смежных коллективов // Проблемы комплексной организации труда работников промышленности в условиях научно-технического прогресса. Свердловск, 1984. С. 76–78.
8. Калинкина Н. Н. Социалистическое соревнование и стахановское движение на промышленных предприятиях Южного Урала в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 116–120.
9. Клинова М. А. Изменение норм выработки и сдельных расценок оплаты труда на промышленных предприятиях СССР (1946–1949 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. 2021. № 21. С. 133–145.
10. Козлов И. В. К вопросу о роли нормирования труда и заработной платы в повышении производительности труда на авиазаводе № 1 (г. Куйбышев) в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 6-1. С. 129–135.
11. Кораблева И. Г. Рецензия на: Роберт Майер. Стахановское движение 1935–1938 гг. Стахановское движение как катализирующий фактор сталинизации советского общества // Отечественная история. 1992. № 6. С. 205.
12. Курасов С. А. Социалистическое соревнование как способ организации повседневной жизни советских вузов (на материалах Владимирской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-3. С. 96–100.
13. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца». Стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот». 1883–2001. М.: РОССПЭН, 2005. 367 с.

²⁹ См.: Народное хозяйство СССР в 1956 году. М., 1956. С. 52.

14. Митрофанова А. А. Социалистическое соревнование ульяновских фармацевтических работников в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 9. С. 2536–2540.
15. Новиков В. Н., Коровин В. В. Социальные инициативы молодых работников Курского железнодорожного узла в ходе восстановления разрушенного войной транспортного хозяйства (1940-е – начало 1950-х гг.) // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Боронеж, 2018. С. 210–216.
16. Плещенко В. И. Мотивационный потенциал социалистического соревнования в современных условиях // Управление корпоративной культурой. 2017. № 1. С. 54–59.
17. Побережников И. В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 36–46.
18. Раиевская Н. Н. Организация социалистического соревнования на Тюменском заводе «Механик» в послевоенные годы // Колпинские чтения по краеведению и туризму. СПб., 2018. С. 176–182.
19. Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: ЧелГУ, 2003. 177 с.
20. Сизов С. Г. Трудовые подвиги омичей в первые послевоенные годы (1945–1953) // Великая Отечественная война: экономика, политика, общество, культура. Омск, 2015. С. 26.
21. Синяянина О. К. Участие профсоюзных организаций Мордовии в социалистическом соревновании в годы восстановления народного хозяйства (1945–1953 гг.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 10. С. 150.
22. Скорик А. П., Попова М. И. Социалистическое соревнование как метод неправового воздействия советского социалистического государства в 30-е годы XX века // Актуальные проблемы государства и права. Новочеркасск, 2003. С. 17–23.
23. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис. Конец 1930-х – середина 1950-х годов // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 74–100.
24. Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. 2000. № 4. С. 39–80.
25. Социалистическое соревнование в СССР. 1918–1964. М.: Профиздат, 1965. 495 с.
26. Федченко М. Н. Трудовая активность молодежи промышленных предприятий Урала (1946–1950 гг.) // Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики. Курган, 2011. С. 85.
27. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. 516 с.

References

1. Budovich Yu. I. The essence of socialist competition from the point of view of the theory of alternative finance. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences*. 2022; (206): 28–37. (In Russ.)
2. Veselkov F. S., Dobrusina M. E. On the essence of socialist competition and the mechanism of its functioning. *Issledovanie zakonomernostej regional'nogo processa vosproizvodstva = Investigation of the regularities of the regional reproduction process*. Leningrad; 1976; 57–61. (In Russ.)
3. Gorbacheva V. Yu. Economic forms of competition: market competition and socialist competition. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of St. Petersburg University. Economy*. 2008; (2): 145–149. (In Russ.)
4. Dianov S. A. Socialist competition in the organs of Soviet censorship in the era of “Stalinism” (based on the materials of the Urals). *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*. 2013; 1(13): 35–45. (In Russ.)
5. Evstafyev G. N. Socialist competition – the regularity and driving force of the economic development of Soviet society. Moscow, 1952, 344 p. (In Russ.)
6. The living creativity of the masses: a documentary chronicle of labor heroism and socialist competition of the workers of the Ivanovo region 1917–1982. Yaroslavl, 1984, 398 p. (In Russ.)
7. Ivliev I. V. Theoretically aspects of the organization of socialist competition of related collectives. *Problemy kompleksnoj organizacii truda robotnikov promyshlennosti v usloviyah nauchno-tehnicheskogo progressa = Problems of complex organization of labor of industrial workers in the conditions of scientific and technological progress*. Sverdlovsk; 1984:76–78. (In Russ.)

8. *Kalinkina N. N.* Socialist competition and the Stakhanov movement in the industrial enterprises of the Southern Urals during the IV Five-year plan (1946–1950). *Intellekt. Innovacii. Investicii* = Intellect. Innovation. Investment. 2012; 1: 116–120. (In Russ.)
9. *Klinova M. A.* Change in the norms of production and piecework rates of wages at industrial enterprises of the USSR (1946–1949). *Dokument. Arhiv. Istorya. Sovremennost'* = Document. Archive. History. Modernity. 2021; 21: 133–145. (In Russ.)
10. *Kozlov I. V.* On the role of labor and wage rationing in increasing labor productivity at Aircraft Factory No. 1 (Kuibyshev) in the late 1940s – early 1950s. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* = Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010; (6-1): 129–135. (In Russ.)
11. *Korableva I. G.* Review of: Robert Mayer. The Stakhanov Movement of 1935–1938. The Stakhanov movement as a catalyzing factor in the Stalinization of Soviet society. *Otechestvennaya istoriya* = Domestic history. 1992; 6: 205. (In Russ.)
12. *Kurasov S. A.* Socialist competition as a way of organizing the daily life of Soviet universities (on the materials of the Vladimir region). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2015; 3-3(53): 96–100. (In Russ.)
13. *Markevich A. M., Sokolov A. K.* “Magnitogorsk near the Garden Ring”. Incentives to work at the Moscow plant “Hammer and Sickle”. 1883–2001. Moscow, 2005, 367 p. (In Russ.)
14. *Mitrofanova A. A.* Socialist competition of Ulyanovsk pharmaceutical workers during the Great Patriotic War. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij* = Issues of national and federal relations. 2021; (9(78)): 2536–2540. (In Russ.)
15. *Novikov V. N., Korovin V. V.* Social initiatives of young workers of the Kursk railway junction during the restoration of the transport economy destroyed by the war (1940s – early 1950s). *Lichnost', obshchestvo, vlast': proshloe i sovremennost'* = Personality, society, power: past and present. Voronezh; 2018: 210–216. (In Russ.)
16. *Pleshchenko V. I.* Motivational potential of socialist competition in modern conditions. *Upravlenie korporativnoj kul'turoj* = Corporate culture management. 2017; 1: 54–59. (In Russ.)
17. *Berezhnikov I. V.* Modernization in the history of Russia: directions and problems of study. *Ural'skij istoricheskij vestnik* = Ural Historical Bulletin. 2017; 4: 36–46. (In Russ.)
18. *Rashevskaya N. N.* Organization of socialist competition at the Tyumen plant “Mechanic” in the post-war years. *Kolpinskie chteniya po kraevedeniyu i turizmu* = Kolpinsky readings on local lore and tourism. St. Petersburg; 2018:176–182. (In Russ.)
19. *Sedov V. V.* Mobilization economy: the Soviet model. Chelyabinsk, 2003, 177 p. (In Russ.)
20. *Sizov S. G.* Labor exploits of the Omsk people in the first post-war years (1945–1953). *Velikaya Otechestvennaya vojna: ekonomika, politika, obshchestvo, kul'tura* = The Great Patriotic War: economy, politics, society, culture. Omsk; 2015: 26. (In Russ.)
21. *Sindyankina O. K.* Participation of trade union organizations of Mordovia in the socialist competition during the restoration of the national economy (1945–1953). *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2012; 10: 150. (In Russ.)
22. *Skorik A. P., Popova M. I.* Socialist competition as a method of illegal influence of the Soviet socialist state in the 30s of the XX century. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = Actual problems of the state and law. Novocherkassk; 2003: 17–23. (In Russ.)
23. *Sokolov A. K.* Forced labor in Soviet industry and its crisis. Late 1930s – mid-1950s. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* 2003 = Economic history. Yearbook. 2003. Moscow; 2003: 74–100. (In Russ.)
24. *Sokolov A. K.* Soviet policy in the field of motivation and stimulation of labor (1917 – mid-1930s). *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie* = Economic history. Review. Moscow. 2000; (4): 39–80. (In Russ.)
25. Socialist competition in the USSR. 1918–1964. Moscow, 1965, 495 p. (In Russ.)
26. *Fedchenko M. N.* Labor activity of the youth of industrial enterprises of the Urals (1946–1950). *Metodologicheskie aspekty sovremennoj istoriopisaniya i istoricheskoy lokalistiky* = Methodological aspects of modern historiography and historical localism. Kurgan, 2011: 85. (In Russ.)

27. Khanin G. I. The Economic history of Russia in modern times: In 2 vols. Vol. 1: The Economy of the USSR in the late 30s – 1987. Novosibirsk, 2008; 516 p. (In Russ.)

Поступила 28.03.2023.

Сведения об авторе

Клинова Марина Александровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: социально-экономическая политика СССР второй половины XX в. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>.

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Submitted 28.03.2023.

About the author

Marina A. Klinova – Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia). Research interests: social and economic policy of the USSR in the second half of the 20th century. The author of more than 100 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>.

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

УДК 94(470.345)

*И. Ю. Асабин**Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Россия), e-mail: asabin_saransk@mail.ru***Особенности советского индустриального развития в 1957–1964 гг.
(на примере Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)***Аннотация*

Введение и методы. Актуальность работы обусловлена востребованностью опыта совнархозовской реформы, в том числе в ее региональном аспекте, на современном этапе российской модернизации. Основой методологии работы служит модернизационная историческая парадигма, направленная на исследование различного рода прогрессивных трансформаций социума, отмечаемых в процессе его развития. В качестве основных методов использованы сравнительно-исторический, историко-культурный, проблемно-хронологический.

Результаты и обсуждение. Совнархозы Марийского, Мордовского и Чувашского экономических административных районов уже в первые годы существования показали весьма достойные экономические результаты. Произошедшая децентрализация хозяйственной сферы, снятие бюрократических «препонов» стимулировали во всех трех республиках бурное развитие новых высокотехнологичных отраслей промышленности: электротехнической, машиностроительной, металлообрабатывающей, приборостроительной и др. Однако, придав промышленному развитию Марийской, Мордовской и Чувашской АССР максимальный оборот, совнархозовская система столь же быстро себя исчерпала. Возникшие в начале 1960-х гг. кризисные явления выразились в росте замкнутости возглавляемых совнархозами экономических районов как стремящихся к самодостаточности (автаркии) хозяйственных ячеек, что порождало целый ряд проблем, в частности в вопросах поставок между различными экономическими районами, в составлении планов и их выполнении. Региональный материал исследуемых республик красноречиво свидетельствует о типичном (всеобщем) характере подобных негативных проявлений.

Заключение. Для Марийской, Мордовской и Чувашской АССР главным итогом совнархозовской реформы стало их, по сути, синхронное превращение из аграрно-индустриальных в индустриально-аграрные регионы. Довольно быстрые темпы этого процесса (1957–1964 гг.) можно объяснить произошедшей в результате совнархозовской реформы децентрализацией экономики, что приблизило руководство непосредственно к производству и разгрузило систему управления промышленностью от излишней бюрократии. Однако эффект от децентрализации оказался крайне кратковременным, так как очень скоро проявили себя недостатки территориальной системы управления, приведшие к быстрому исчерпанию ее возможностей.

Ключевые слова: совнархозы, индустриальное развитие, промышленный рост, Марийская АССР, Мордовская АССР, Чувашская АССР, промышленно-аграрный регион.

Для цитирования: Асабин И. Ю. Особенности советского индустриального развития в 1957–1964 гг. (на примере Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 159–168. DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.159-168.

Igor Yu. Asabin

Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russia), e-mail: asabin_saransk@mail.ru

Features of Soviet Industrial Development in 1957–1964 (On the Example of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics)

Abstract

Introduction and Methods. The relevance of the work is due to the demand for the experience of the economic council reform, including its regional aspect, at the present stage of Russian modernization. The basis of the methodology of the work is the modernization historical paradigm, aimed at the study of various kinds of progressive transformations of society, noted in the process of its development. The main methods used are comparative-historical, historical-cultural, problem-chronological.

Results and Discussion. The economic councils of the Mari, Mordovian and Chuvash economic administrative regions already in the first years of their existence showed very worthy economic results. The decentralization of the economic sphere, the removal of bureaucratic “obstacles” stimulated the rapid development of new high-tech industries in all three republics: electrical, machine-building, metalworking, instrument-making, etc. However, having given the industrial development of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics a maximum exhausted itself quickly. Founded in the early 1960s the crisis phenomena were expressed in the growth of isolation of the economic regions headed by economic councils as economic cells striving for self-sufficiency (autarky), which gave rise to a number of problems, in particular in matters of supplies between different economic regions, in drawing up plans and their implementation. The regional material of the studied republics eloquently testifies to the typical (universal) nature of such negative manifestations.

Conclusion. For the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics, the main result of the economic reform was, in fact, their synchronous transformation from agrarian-industrial to industrial-agrarian regions. The rather rapid pace of this process (1957–1964) can be explained by the decentralization of the economy that occurred as a result of the economic reform, which brought management closer to production and unloaded the industrial management system from excessive bureaucracy. However, the effect of decentralization turned out to be extremely short-lived, since the shortcomings of the territorial administration system soon showed themselves, leading to the rapid exhaustion of its capabilities.

Keywords: economic councils, industrial development, industrial growth, Mari ASSR, Mordovian ASSR, Chuvash ASSR, industrial and agricultural region.

For citation: Asabin I. Yu. Features of Soviet Industrial Development in 1957–1964 (On the Example of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(2): 159–168. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.159-168.

Введение и методы

На волне индустриализации 1930-х гг. в СССР возобладала сверхцентрализованная модель управления экономикой, объективно отвечавшая потребностям развивающегося хозяйства страны на тот период. Она в еще большей мере укрепилась в ходе Великой Отечественной войны и в годы последующего восстановления народного хозяйства, достигнув апогея в первой половине 1950-х гг. Однако данный апогей имел и обратную сторону: высокоцентрализованная отраслевая система

дошла до пределов развития (пределов сложности). Управленческий аппарат становился все более громоздкой, неповоротливой структурой, что вело к снижению его эффективности. Поэтому начиная с середины 1950-х гг. перед руководством Советского Союза встала задача реформирования экономической системы, которая реализовывалась путем перехода от отраслевого к территориальному принципу управления хозяйством. Наиболее радикальные шаги в этом направлении были предприняты в 1957 г. в ходе совнархозовской реформы. Изучение опыта данной реформы,

в том числе в региональном аспекте, несомненно востребовано на современном этапе российской модернизации.

Основой методологии работы служит модернизационная историческая парадигма, направленная на исследование различного рода прогрессивных трансформаций социума, отмечаемых в процессе его развития. В качестве основных методов автором использованы: сравнительно-исторический (давший возможность сопоставить динамику промышленного развития Марийской, Мордовской и Чувашской АССР), историко-культурный (позволивший верно воспринять источники исследуемого времени), проблемно-хронологический (способствовавший изучению «эпохи совнархозов» в ее диалектическом развитии).

Результаты и обсуждение

Законом от 10 мая 1957 г. отраслевая структура управления была заменена территориальной. В стране было образовано 105 экономических районов и утверждены коллегиальные органы управления ими – советы народного хозяйства (совнархозы, СНХ). Каждый совнархоз руководил комплексным развитием промышленности на определенной территории, подчиняясь Совету министров союзной республики¹.

Ликвидация жестко централизованной системы управления хозяйством и введение совнархозов в первое время весьма существенно способствовали индустриальному прогрессу отдельных территорий, в частности ранее мало развитых в промышленном отношении. Если индустриализация 1930-х гг. в большей мере касалась наиболее крупных центров страны – Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Казани, Куйбышева, Горького и пр., то «вторая волна индустриализации» конца 1950-х – начала 1960-х гг. представляла собой развитие промышленности «вширь и вглубь», все больший охват ею провинциальной периферии. В связи с этим типичным и весьма показательным

примером могут служить национальные республики Волго-Вятского региона – Марийская, Мордовская и Чувашская АССР, на примере которых мы и рассмотрим происходившие преобразования.

Совнархозы Марийского, Мордовского и Чувашского экономических административных районов были образованы 1 июля 1957 г. в соответствии с постановлением № 435 Совета министров РСФСР, с непосредственным подчинением правительству России. Эти структуры являлись государственными органами по управлению предприятиями, стройками и организациями промышленности. Каждый из них объединял наиболее крупные индустриальные предприятия региона. Значительная часть промышленных объектов, преимущественно средних и мелких, продолжала относиться к местной промышленности [2, с. 76].

«Изначально структура СНХ не отличалась стабильностью, постепенно претерпевая изменения в области увеличения штата. Численный состав аппарата Мордовского СНХ составил 185 чел., Марийского – 220, Чувашского – 302 человека. При этом их комплектация шла достаточно долго и медленно. Так, например, на 17 июня 1957 г. центральный аппарат Марийского совнархоза был укомплектован лишь на 71 %» [3, с. 48]. В каждом совнархозе было до десяти функциональных подразделений, в том числе до пяти управлений и от пяти до восьми отделов. Основными среди управлений были: электротехнической и металлообрабатывающей промышленности, легкой промышленности, пищевой промышленности, строительства и промышленности строительных материалов, материально-технического снабжения и сбыта. Основные отделы: финансовый, планово-экономический, административно-хозяйственный, канцелярия, централизованная бухгалтерия, отдел труда и заработной платы, первый отдел, отдел кадров и учебных заведений².

¹ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 12. Л. 75–76.

² ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-1832. Оп. 2. Д. 1. Л. 88; ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 70. Л. 156, 248; Д. 12. Л. 75–76.

В состав Марийского совнархоза вошло 107 предприятий и организаций, в том числе 58 промышленных предприятий (из них 30 заводов)³. Значительная часть относилась к лесозаготовительной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, которые были ведущими отраслями индустрии республики накануне учреждения совета народного хозяйства. По объему валовой продукции в 1956 г. данные предприятия составляли 53,8 %, а по численности промышленно-производственного персонала – 64,3 %⁴.

Мордовский совнархоз объединил 72 предприятия, которые в 1958 г. произвели свыше 69 % всей валовой продукции промышленности республики. К наиболее крупным из них относились заводы «Электровыпрямитель», электроламповый, кабельный, ликеро-водочный, кирпичный, инструментальный, медицинских препаратов, молочный, консервный, ремонтно-механический, маслозавод, комбинат производственных предприятий, мясокомбинат, комбинат крученых изделий, Саранская ТЭЦ-1 и др. [4, с. 405].

В Чувашский совнархоз перешло 81 предприятие, на которые приходилось примерно 2/3 выпуска всей промышленной продукции республики. Ведущими отраслями на момент образования совнархоза были легкая и деревообрабатывающая индустрия [2, с. 76].

«Перед промышленностью республик Среднего Поволжья были поставлены весьма непростые для реализации задачи», – пишет современный исследователь А. И. Минеев. С ними уже в первый год существования совнархозов она справилась весьма успешно. «Исходя из цифровых показателей, в 1957 г. предприятия и

организации Марийского СНХ выполнили план по валовой продукции на 106,7 %, Мордовского СНХ – на 105,5 %, Чувашского СНХ – на 104,6 %. Утвержденный план по производительности труда Марийский СНХ реализовал на 107,4 %, Чувашский СНХ – на 103,6 %, Мордовский СНХ – на 102,2 %, снизив себестоимость продукции сверх плана на 4 млн рублей и освоив выпуск ряда новых изделий – люминесцентных ламп, светильников и строительных материалов» [3, с. 48].

Основные достижения и проблемы индустриальной сферы исследуемых нами республик оказались весьма четко зафиксированы в объемном документе – стенограмме совещания работников Волго-Вятского укрупненного экономического района, состоявшегося 25 декабря 1961 г.⁵ Содержащиеся в этом источнике данные (несмотря на определенную их разрозненность, «разношерстность») позволяют взглянуть на развитие промышленности трех республик как бы синхронно, в сравнении. Ниже мы рассмотрим, опираясь на данный документ, динамику индустриального развития изучаемых регионов на рубеже 1950–1960-х гг.

В рамках Марийской республики в первые годы существования совета народного хозяйства были созданы такие новые отрасли промышленности и новые производства, как приборостроение, производство искусственных кож, бытовой мебели⁶. Наибольшее же развитие получили промышленность машиностроения и индустрия строительных материалов. В 1961 г. машиностроение составило около 40 % от общего объема валовой продукции региона⁷. Было освоено более 200 новых видов изделий и промышленных материалов⁸.

³ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 692. Л. 291.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 239–348.

⁶ Там же. Л. 291–292.

⁷ Там же. Л. 291.

⁸ Там же. Л. 291–292.

В рамках Мордовского совнархоза тоже были достаточно быстро созданы новые отрасли индустрии: промышленность строительных материалов, электротехническая, полупроводниковая, машиностроительная, металлообрабатывающая, приборостроение, производство медицинских препаратов и пр.⁹ Существенно изменился и удельный вес отдельных отраслей промышленности. Например, если удельный вес в общем валовом выпуске изделий машиностроения в МАССР в 1957 г. составлял 14,5 %, то в 1961 – 40,0 %¹⁰.

Промышленность Чувашии также пережила своеобразную «революцию» в своем развитии. Со времени образования совнархозов объем промышленного производства увеличился на 80 % и составлял к исходу 1961 г. 73 % от общего объема производства республики¹¹. Основными отраслями промышленности Чувашии являлись легкая, занимающая в общем объеме выпуска валовой продукции 25 %; машиностроительная, металлообрабатывающая, занимавшие 21 %; пищевая – 20 %; лесная и деревообрабатывающая – 19 %; химическая – 8 %; промышленность стройматериалов вкупе «с некоторыми другими отраслями индустрии» – 7 %¹². Особенно интенсивно развивались электротехническая и приборостроительная отрасли промышленности. Чувашский экономический район становился важнейшим центром по производству аппаратов и приборов¹³. Электропромышленность развивалась не только в Чебоксарах. Создавались электротехнические заводы в Алатауре. Большой рост получила химическая промышленность – в 5 раз (за 1957–1961 гг.). Осуществлялось строительство очень крупного объекта «большой химии» – Чебоксарского химического комбината¹⁴.

Интересно, что при бурном развитии новой высокотехнологичной индустрии (подчиненной совнархозам) местная промышленность изучаемых регионов развивалась менее интенсивно. В ее динамике обозначились некоторые проблемы. В частности, «на фоне катастрофической нехватки товарного покрытия растущей денежной массы начался процесс упразднения промысловой кооперации, которая в значительной степени обеспечивала производства товаров народного потребления» [5, с. 230].

В целом можно говорить о практически синхронном превращении трех исследуемых республик из аграрно-промышленных в промышленно-аграрные регионы, произошедшем на коротком временном отрезке конца 1950-х – начала 1960-х гг. Столь значительные перемены в подобные рекордно короткие сроки объясняются следующими обстоятельствами, характерными для всех исследуемых регионов:

1) форсированным (благодаря поддержке союзного и федерального центров) созданием новых отраслей промышленности, что обусловило крайне высокую динамику экономического развития до того периферийных районов;

2) произошедшей децентрализацией экономики, снятием громоздких бюрократических «препонов», в конце 1950-х гг. придавших значительное ускорение развитию отдельных территорий, в том числе ранее отстававших от передовых регионов в экономическом развитии.

Впрочем, подобный экономический скачок еще не означал выход на устойчивую производственную динамику. Стремительное развитие промышленности в ранее периферийных регионах обострило в них кадровую проблему.

⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 692. Л. 307, 331.

¹⁰ Там же. Л. 304.

¹¹ Там же. Л. 316.

¹² Там же. Л. 324–325.

¹³ Там же. Л. 325.

¹⁴ Там же. Л. 318.

В Марийском совнархозе создалось тяжелое положение с инженерно-техническими кадрами. Из 4 882 должностей инженеров здесь к исходу 1961 г. имелись лишь 1 388 инженеров и 204 вакантные должности. В республике работала бригада Совета министров по этому вопросу и сделала заключение, что в Марийском совнархозе удельный вес инженерно-технических работников из года в год не удовлетворяется. В частности, на 1962 г. из 562 инженеров и 290 техников намечено было дать лишь 140 инженеров и 150 техников. «Совнархоз просит решить вопрос об инженерно-технических кадрах», — отмечалось выступающими от Марийского совнархоза в ходе совещания работников Волго-Вятского укрупненного экономического района 25 декабря 1961 г.¹⁵

Насыщенность народного хозяйства Марийской республики специалистами высшей и средней квалификации на декабрь 1961 г. оставалась низкой и составляла только 35 чел. на 1 000 чел. населения, в том числе с высшим образованием — 12 чел. и средним — 23 чел. Из 4 853 чел. руководящих работников, работающих на промышленных предприятиях республики, высшее образование имел только 1 021 чел., или 21 %, и среднее специальное — 1 808 чел., или 37 %, а всего так называемых практиков (т. е. людей без соответствующего образования) насчитывалось 2 024 чел., или 42 %. Такое положение, естественно, отражалось на развитии промышленности, на количественных и качественных показателях. При этом заявки на специалистов, оканчивающих вузы и техникумы, как правило, не удовлетворялись. «Мы просим Госплан РСФСР учесть создавшееся положение с кадрами по республике и заявку на специалистов удовлетворить полностью», — возмущался председатель Госплана Марийской АССР Кириллов¹⁶.

В Мордовском совнархозе ощущалась острая нужда в улучшении технологии разработки нового станкового оборудования научно-исследовательскими и проектными организациями. Мордовский совнархоз, как не раз с неудовлетворением отмечалось его руководством, имел недостаточное количество научно-исследовательских организаций, поэтому нуждался в привлечении таких организаций и соответствующие обученных кадров из других совнархозов. В частности, председатель Мордовского совнархоза В. Е. Махин указывал, что создание в 1962 г. координационного совета Волго-Вятского укрупненного экономического района может привести к положительным подвижкам в этом вопросе¹⁷. Но в большей мере надежды возлагались на развитие местной науки. В этом плане существенный вклад в решение кадрового вопроса в индустрии МАССР внесло открытие Мордовского университета в 1957 г. В нем обучалось около 5 000 студентов. Вуз готовил энергетиков, механиков, строителей и других специалистов¹⁸. Тем не менее подготовка кадров специалистов в республике еще далеко не отвечала задачам дальнейшего развития экономики региона. Так, на предприятиях Мордовского совнархоза в 1961 г. до 45 % состава инженерно-технических работников занимали «практики». Например, на кабельном заводе работало 46 % практиков, а на механическом заводе был всего один инженер¹⁹.

Сходная ситуация в кадровом вопросе, по словам председателя Чувашского совнархоза Н. А. Оболенского, наблюдалась и в Чувашии. Соглашаясь с коллегами из Марийской и Мордовской АССР о необходимости форсирования подготовки инженерных кадров и других высокообразованных специалистов, Н. А. Оболенский указывал и на следующий факт. По его словам, в про-

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 692. Л. 296.

¹⁶ Там же. Л. 301.

¹⁷ Там же. Л. 307.

¹⁸ Там же. Л. 331.

¹⁹ Там же. Л. 314.

мышленности и строительстве республики было занято всего 16 % населения региона²⁰ (соответственно в Марийской АССР – 39 %²¹, в Мордовии – 20 %²²). В этой связи, считал он, необходимо стимулировать урбанизационный процесс и сопроводить его соответствующими мерами по подготовке не только инженерного персонала, но и умелых рабочих специалистов низового звена: чтобы у переселяющихся в города сельчан имелась бы возможность быстро переквалифицироваться в грамотного рабочего специалиста или строителя²³.

Как бы то ни было, обострившуюся в исследуемых республиках кадровую проблему следует рассматривать как своеобразный элемент кризиса роста, когда подготовка кадров не успевала за динамикой промышленного развития.

Однако с начала 1960-х гг. на поверхность вышли принципиально иные трудности, которых не отмечалось в конце 1950-х гг. и которые оказались связаны с кризисными явлениями в совнархозовской системе. Придав промышленному развитию исследуемых регионов максимальный оборот, форсировав его, эта система столь же быстро «выгорела», исчерпала себя. Обнаружившиеся в ней кризисные явления весьма лаконично резюмировал современный исследователь профессор В. А. Юрчёнков. «Совнархозы стремились производить и перевыполнять задания по выпуску продукции для собственных нужд и отказаться от напряженных заданий по ее производству для других экономических районов. Налаживались внутрирайонные специализация и кооперация производства, но проблема отлаживания межрайонных производственных связей оставалась нерешенной», – писал он [6, с. 564]. Такое положение, выражавшееся в своеобразном

местничестве, росте замкнутости возглавляемых совнархозами экономических районов как стремящихся к самодостаточности (автаркии) хозяйственных ячеек, порождало целый ряд проблем, в частности в вопросе поставок, а также в качестве планирования и плановой дисциплине.

Примеров тому немало. Так, говоря о поставках между экономическими районами, председатель Марийского совета народного хозяйства В. М. Гаврилов отмечал, что Марийский совнархоз имеет большие претензии к Кировскому совнархозу, который срывает поставку целлюлозы. «Мы находимся в таком положении, что не знаем, как будем работать в I квартале 1962 г.», – не без эмоций отмечал он²⁴. Председатель Госплана Марийской АССР Кириллов подчеркивал нужность преодоления «вопиющих изъянов» в планировании, в частности необходимость исправления всё возрастающей нерациональности в поставках между различными экономическими районами, которую он весьма справедливо связывал с трудностями планирования на уровне РСФСР и СССР²⁵. Говоря, например, о лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности местных Советов, он настоятельно просил Госплан РСФСР и Совет по координации экономических районов рассмотреть вопрос о поставке деловой древесины в малолесные районы. По его словам, в 1961 г. Совет республики производил поставку 50 тыс. куб. м древесины в Ростовскую область; 17 тыс. куб. м – в Воронежскую, Саратовскую области и 15 тыс. куб. м рудничной стойки – в Ставропольский край. Одновременно совнархоз завозил в республику для обеспечения работы предприятий более 50 тыс. куб. м древесины из других областей и республик РСФСР. «При установке задания на 1962 г.

²⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 692. Л. 324.

²¹ Там же. Л. 291.

²² Там же. Л. 311.

²³ Там же. Л. 324.

²⁴ Там же. Л. 297.

²⁵ Там же. Л. 300.

Совету Министров Марийской республики прошу этот вопрос решить с соответствующей экономической целесообразностью», – подчеркивал чиновник²⁶. Подобные проблемы оказывались типичными для совнархозовской системы.

Усиливающаяся разобщенность между экономическими районами вносила неразбериху в функционирование хозяйственного механизма страны и регионов, вела к сбоям в выполнении плановых параметров, обусловливала снижение качества планирования. Вот какой типичный случай отмечал председатель Мордовского совнархоза В. Е. Махин: «Невыполнение плана по номенклатуре изделий произошло в связи с тем, что есть неточности в планировании. Так, по моторам, за которые нас критикуют во многих местах. Моторы планируют по квт. и штукам. Мы должны выпустить в 1961 г. 90 тыс. шт. электромоторов, или 162 тыс. квт. По киловаттам план мы выполним, а по количеству не выполним, потому что планирующие организации некорректно планируют нам выпуск моторов. Отсюда невыполнение плана по количествам и выполнение по квт. Обратная картина имеется по полупроводниковым приборам. Там – близко к количеству, но не выполняем план по квт. Здесь нужно Госплану рассмотреть вопрос с тем, чтобы иметь какой-нибудь показатель и этот показатель соответствующим образом планировался, и в связи с этим давался бы наряд на поставку того оборудования, которое изготавливается предприятием»²⁷.

Подобная ситуация наблюдалась и в Чувашском совнархозе. Например, за 1960–1961 гг. в Чувашском экономическом районе произошли очень существенные структурные сдвиги в ассортименте продукции, «что не учитывалось ни Госпланом,

ни ВСНХ. Несмотря на то, что они признают претензии совнархоза, соглашаются, а в конце концов оставляют нереальные задания», – сетовал председатель совнархоза Н. А. Оболенский²⁸. По его мнению, надо отказываться от такой практики планирования и выделения материальных ресурсов, потому что «далее осуществлять подобным образом плановое развитие промышленности фактически будет невозможно»²⁹.

Обоснованные претензии к союзному и российскому Госпланам высказывала и председатель регионального Госплана Чувашии З. А. Быстрова: «В отношении улучшения текущего планирования. У нас в этом вопросе много ненормальностей и *много времени мы тратим на согласование планов* (курсив наш. – И. А.). Только по этой причине, мне кажется, до сих пор не спущен план на 1962 г. Я также полностью согласна с выступлением председателя Горьковского облплана о необходимости составления единого плана в областях и координационного плана различных ведомств. Нам, работникам облплана, кажется, что очень целесообразным было бы, если Госплан Федерации соберет нас и посоветуется с нами, с низовыми планирующими органами. Это ускорит планирование, улучшит систему текущего планирования и руководство хозяйством»³⁰. Как видно из данных слов, порожденная совнархозовской системой хозяйственная разобщенность приводила не только к проблемным ситуациям во взаимодействии между различными ведомствами (как, например, региональным совнархозом и Госпланом РСФСР), но и между различными уровнями одной структуры (Госпланом РСФСР и региональным Госпланом).

Власти пытались бороться с подобными негативными проявлениями, однако

²⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 692. Л. 300.

²⁷ Там же. Л. 307–308.

²⁸ Там же. Л. 320.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 328–329.

преуспеть в этом в рамках действующей территориальной системы экономического регулирования не смогли. «Система управления в рассматриваемый период была нестабильной, постоянно предпринимались попытки каким-то образом улучшить или модернизировать ее. ...Инициированная сверху реформа сначала приводила к объединению нескольких, ранее автономных органов власти и учреждений, но затем выяснялось, что новая структура не облегчает планирование и оперативное управление, а напротив, слишком неповоротлива и неэффективна. После этого реорганизации начинались снова», – пишут о сущности подобных преобразований современные исследователи Е. Н. Бикейкин и П. С. Учватов [1, с. 121–122].

Таким образом, несогласованные действия различных ведомств и их территориальных подразделений и, как следствие, упущения в составлении и исполнении планов – основы советской экономики – следует рассматривать как результат не столько «просто ошибок», сколько как продукт хозяйственной децентрализации, «экономической раздробленности», при которой планирование и согласование оказывались более сложными задачами, нежели в условиях централизованной отраслевой экономики. Сказывались недостатки совнархозовской системы в целом. Это лишний раз свидетельствовало о том, что продвигаемая хрущевским руководством система децентрализованного управления экономикой, сыграв во второй половине 1950-х гг. существенную положительную роль в развитии индустриального потенциала отдельных территорий, в начале 1960-х гг. очень быстро себя исчерпала, стала тормозить последующий рост и нуждалась в коренном реформировании.

Заключение

Несмотря на столь неоднозначный исход, предпринятые в области хозяйствен-

ного управления реформы имели важные последствия. Для Марийской, Мордовской и Чувашской АССР главным их итогом стало превращение из аграрно-индустриальных в индустриально-аграрные регионы. Недаром этот этап в их истории вполне заслуженно считается «второй индустриализацией» данных регионов. Особенностью этой «второй индустриализации» стало то, что происходила она в результате развития в исследуемых республиках новых высокотехнологичных отраслей промышленности (находившихся в основном в ведении совнархозов), тогда как старые отрасли местной промышленности развивались менее интенсивно. Среди данных новых отраслей – электротехническая, машиностроительная, металлообрабатывающая, приборостроительная и др. Иными словами, это были те отрасли, в развитии которых в первую очередь было заинтересовано Советское государство. Довольно быстрые темпы перехода исследуемых республик к индустриальной фазе (1957–1964 гг.) можно объяснить произошедшей в результате совнархозовской реформы децентрализацией экономики, что на первых порах активизировало развитие отдельных территорий, в том числе периферийных, ранее находившихся в арьергарде экономического развития (каковыми являлись Марийская, Мордовская и Чувашская АССР). С другой стороны, эффект от децентрализации оказался крайне кратковременным, так как очень быстро проявили себя недостатки территориальной системы управления. Среди них местничество, относительно слабая плановая дисциплина, громоздкая система ведомственных согласований, рост местнойправленческой бюрократии и пр. Все это уже в первой половине 1960-х гг. стало тормозом для дальнейшего развития производительных сил и важным стимулом к возвращению к отраслевому принципу управления экономикой, состоявшемуся в 1965 г.

Список источников

1. Бикейкин Е. Н., Учватов П. С. Реорганизации в Совете Министров и центральных отраслевых органах управления экономикой Мордовской АССР (1953–1964 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 1. С. 114–123.
2. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. / авт. кол.: И. И. Бойко, В. Г. Харитонова, Д. А. Захаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Кн. 2. 397 с.
3. Минеев А. И. Организация хозяйственной деятельности Марийского, Мордовского и Чувашского совнархозов в первый год их существования: успехи и просчеты // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 46–51.
4. Очерки истории Мордовской АССР: в 2 т. / авт. кол.: А. Е. Захаркина, М. Г. Сафаргалиев, М. В. Дорожкин [и др.]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 2. 543 с.
5. Щербакова Т. И. Формирование новой экономической модели в постсталинском СССР // Экономическая история. 2021. Т. 17, № 3. С. 227–236.
6. Юрченков В. А. Начертание мордовской истории / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 612 с.

References

1. Bikeikin E. N., Uchvatov P. S. Reorganizations in the Council of Ministers and central sectoral economic management bodies of the Mordovian ASSR (1953–1964). *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2022; 1: 114–123. (In Russ.)
2. The history of modern Chuvashia: in 2 books / author: I. I. Boyko, V. G. Kharitonova, D. A. Zakharov. Book 2. Cheboksary, 2009. 397 p. (In Russ.).
3. Mineev A. I. Organization of economic activity of the Mari, Mordovian and Chuvash sovnarkhoz in the first year of their existence: successes and miscalculations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorya, pedagogika, filologiya* = Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2021; 4: 46–51. (In Russ.)
4. Essays on the history of the Mordovian ASSR: in 2 vol. / author: A. E. Zakharkina, M. G. Safargaliiev, M. V. Dorozhkin, etc. Vol. 2. Saransk, 1961, 543 p. (In Russ.)
5. Shcherbakova T. I. Formation of a new economic model in the post-Stalinist USSR. *Ekonomscheskaya istoriya* = Economic History. 2021; 3: 227–236. (In Russ.)
6. Yurchenkov V. A. The outline of Mordovian history / Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Saransk, 2012. 612 p. (In Russ.)

Поступила 02.02.2023.

Сведения об авторе

Асабин Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, докторант отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социально-экономическое развитие Средневолжского региона в 1950–1980-е гг. Автор 10 научных работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-1111>.

E-mail: asabin_saransk@mail.ru

Submitted 02.02.2023.

About the author

Igor Yu. Asabin – Candidate of History, Doctoral Student, Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russia). Research interests: socio-economic development of the Middle Volga region in the 1950s – 1980s. The author of 10 scientific papers. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-1111>.

E-mail: asabin_saransk@mail.ru

УДК 94(470.345)

O. I. Mariskin

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: mariskinoi@mail.ru

Сельское хозяйство Мордовии в условиях реформ начала 1990-х гг.

Аннотация

Введение. В статье исследуется трансформация аграрной отрасли России в период перехода к рыночной экономике. Суть реформ состояла в комплексном изменении всей системы аграрных отношений, включая собственность на землю и другие средства производства, системы ведения хозяйства и формы хозяйствования, преобразование межотраслевой и территориальной структуры агропромышленного производства и т. д.

Результаты и обсуждение. С целью формирования новой организационно-экономической структуры аграрного сектора в конце 1991 г. Правительством РФ были приняты постановления о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий. Предполагалось постепенное изъятие из колхозно-совхозного землепользования массивов для предоставления их фермерам без верхних ограниченных размеров наделов.

К 1994 г. более половины сельскохозяйственных предприятий России избрали новые организационно-правовые формы хозяйствования, причем предпочтение было отдано различным видам товариществ. В Мордовии большинство предприятий аграрного сектора сохранили прежний статус колхоза или совхоза.

Ход проводимых реформ сопровождался спадом производства, снижением поголовья скота, себестоимости сельскохозяйственной продукции, резким ухудшением финансового состояния сельхозпредприятий. Даже в эти сложные годы, когда реформы проводились непоследовательно, а порой одни установки противоречили другим, часть хозяйств Мордовии работала относительно стабильно, получала прибыль, регулярно выплачивала работникам заработную плату, имела неплохой показатель по рентабельности.

Заключение. В результате реорганизации коллективных сельскохозяйственных предприятий был сделан значительный шаг на пути создания многоукладной аграрной экономики на базе равноправия всех форм собственности и способов хозяйствования на земле. Однако ощутимых положительных результатов в повышении эффективности сельскохозяйственного производства в 1990-е гг. это не принесло.

Ключевые слова: реформы, крестьянство, колхозы, фермерское хозяйство, сельское хозяйство, Мордовия.

Для цитирования: Mariskin O. I. Сельское хозяйство Мордовии в условиях реформ начала 1990-х гг. // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 169–176. DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.169-176.

Oleg I. Mariskin

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),

e-mail: mariskinoi@mail.ru

Agriculture of Mordovia in the Conditions of Reforms of the Early 1990s

Abstract

Introduction. The article examines the transformation of the agricultural industry in Russia during the transition to a market economy. The essence of the reforms consisted in a comprehensive change in the entire system of agrarian relations, including land ownership and other means of production, systems of farming and economic management, the transformation of the intersectoral and territorial structure of agro-industrial production, etc.

Results and Discussion. In order to form a new organizational and economic structure of the agricultural sector, at the end of 1991, the Government of the Russian Federation adopted regulations on the reorganization of collective farms and state farms and the procedure for the privatization of state agricultural enterprises. It was assumed that the arrays would be gradually withdrawn from collective and state farm land use in order to provide them to farmers without upper restrictions on the size of allotments.

By 1994, more than half of agricultural enterprises in Russia had chosen new organizational and legal forms of management, and preference was given to various types of partnerships. In Mordovia most enterprises in the agricultural sector have retained their former status as a collective farm or state farm.

The course of the ongoing reforms was accompanied by a decline in production, a decrease in livestock, the cost of agricultural products, sharp deterioration in the financial condition of agricultural enterprises. Even in these difficult years, when reforms were carried out inconsistently, and sometimes some attitudes contradicted others, part of the farms of Mordovia worked relatively steadily, made a profit, regularly paid salaries to employees, had a good profitability indicator.

Conclusion. As a result of the reorganization of collective agricultural enterprises, a significant step was taken towards the creation of a multi-layered agrarian economy based on equality of all forms of ownership and methods of land management. However, this did not bring tangible positive results in increasing the efficiency of agricultural production in the 1990s.

Keywords: reforms, peasantry, collective farms, farming, agricultural industry, Mordovia.

For citation: Mariskin O. I. Agriculture of Mordovia in the Conditions of Reforms of the Early 1990s. *Ekonomiceskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(2): 169–176. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.169-176.

Введение

В ХХ в. длительное время для российского аграрного сектора страны было характерно наличие сохраняющихся и углубляющихся негативных тенденций его развития. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. наиболее явными проявлениями этого были спад производства сельскохозяйственной продукции, дефицит продовольствия, высокий уровень потерь производимой продукции, высокая себестоимость производства и др.

В период сложных политических изменений начала 1990-х гг. в стране стала

проводиться аграрная реформа. Ее целью стало комплексное изменение всей системы аграрных отношений, «включая собственность на землю и другие средства производства, системы ведения хозяйства и формы хозяйствования, преобразование межотраслевой и территориальной структуры агропромышленного производства и т. п.»¹.

Обзор литературы

Традиция изучения крестьянства России в ХХ в. характеризуется непрекращающимися спорами историков относительно характера и особенностей аграрной эво-

¹ Методические основы социально-экономического мониторинга аграрной реформы. М., 1993. С. 7.

люции, внутреннего строя и организации основных типов сельскохозяйственного производства. Серьезный вклад в изучение аграрных преобразований конца XX в. внесли как общероссийские [5; 6], так и региональные исследователи [1–3].

В частности, Е. Н. Бикейкин отмечает, что общесоюзные тенденции развития аграрного сектора были характерны и для поволжских регионов России: в конце 1980-х гг. агропромышленный комплекс Марийской, Мордовской и Чувашской АССР вошел в предкризисное состояние [1].

Результаты и обсуждение

Процесс преобразования в аграрной сфере начался с решения земельного вопроса. Согласно принятому в 1989 г. Верховным Советом СССР «Основам законодательства Союза ССР и союзных республик о земле», земля признавалась достоянием народов, проживающих на данной территории. Каждый гражданин СССР имел право на земельный участок, условия и порядок предоставления которого определялись «Основами», законодательством союзных и автономных республик.

В 1990–1991 гг. в РСФСР был принят ряд нормативно-правовых актов, суть которых заключалась в формировании рыночных отношений и новых организационно-правовых форм хозяйствования и владения землей: законы «О земельной реформе» (23 ноября 1990 г.), «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (22 ноября 1990 г.), «О плате за землю» (11 октября 1991 г.), Земельный кодекс РСФСР (25 апреля 1991 г.). Законы полностью отменили монополию государства на землю и определили этапы проведения аграрной реформы.

27 декабря 1991 г. Президентом РФ Б. Н. Ельциным был подписан Указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». Предполагалось, что в результате осуществляемых преобразований в аграрном секторе обра-

зуется индивидуально-частный сектор в форме крестьянско-фермерских хозяйств. Соответственно, концепция земельного передела предполагала постепенное изъятие из колхозно-совхозного землепользования массивов для предоставления их фермерам без верхних ограничений размеров наделов.

С целью формирования новой организационно-экономической структуры аграрного сектора в конце 1991 г. Правительством РФ были приняты постановления о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий. В ходе реализации этих мероприятий сельскохозяйственные коллективы получали бесплатно в собственность землю и фонды, которые подлежали разделу между работниками, включая сельских пенсионеров и работников социальной сферы. Перераспределение земли предоставляло право каждому работнику выбрать направления использования своих земельных и имущественных паев (долей).

Были приватизированы предприятия перерабатывающей промышленности, а также предприятия и организации, обслуживающие агропромышленный комплекс.

К 1994 г. более половины сельскохозяйственных предприятий России избрали новые организационно-правовые формы хозяйствования, причем предпочтение было отдано различным видам товариществ. В Мордовии большинство предприятий аграрного сектора сохранили прежний статус колхоза или совхоза. Так, в Атяшевском районе Мордовии процесс реорганизации колхозов и совхозов в сельскохозяйственные производственные кооперативы и государственные унитарные предприятия затянулся до 1998 г., а в колхозе «Искра» – еще дольше.

Новое руководство республики (президент Мордовской ССР В. Д. Гуслянников, Верховный Совет, Правительство Мордовской ССР) приоритетным направлением аграрной реформы считало развитие фер-

мерских хозяйств и заявляло, что скоро ни колхозов, ни председателей колхозов не будет, а будут только фермеры. Реорганизация колхозов и совхозов в новые формы землепользования и землевладения носила больше формальный, чем реформаторский характер, что изменило бы традиционный для советского периода колхозный строй. По этой причине многие колхозники и руководители хозяйств к этим преобразованиям относились скептически.

«В 1992 году в село Сабанчеево, – вспоминал сабанчеевец И. П. Игнатьев, – приехало все начальство, даже Президент Гуслянников. Колхоз хотели разогнать, собрали общее собрание колхозников. Но они [колхозники] единолично решили оставить колхоз. Решили даже не изменять название колхоза, так и оставили “Путь Ильича”. Оставили и председателя» [Цит. по: 4, с. 330].

На 1 января 1991 г. в Мордовии официально было зарегистрировано семь фермерских хозяйств. Первыми фермерами были А. А. Абрамов, В. П. Голышев, Б. А. Авдонин (Атюрьевский район), В. И. Матюшкин (Ковылкинский район), А. И. Парасенков, Ф. С. Ашумов (Лямбирский район), В. С. Русаев (Чамзинский район). В 1991 г. образовались еще 314 фермерских хозяйств с общей площадью земли около 11 тыс. га.

Фермерское движение в Мордовии в последующие годы количественно нарастало, как и в целом по России. В 1991 г. в России было зарегистрировано 4,4 тыс. крестьянско-фермерских хозяйств, в 1993 – 182,8 тыс., в 1994 – 270,0 тыс., в 1995 г. – 280,1 тыс.²

В 1992 г. в Мордовии были созданы 943 фермерских хозяйства (площадь земли 30,4 тыс. га)³. В 1992 г. в с. Шейн-Майдан Атяшевского района (отделение совхоза «Сараст») была попытка со сто-

роны отдельной части жителей восстановить прежний Шейн-Майданский колхоз им. В. И. Чапаева. Другая часть жителей села выступила за создание фермерских хозяйств. Дебаты шли долго, наконец, часть жителей решила выйти из совхоза и создать фермерские хозяйства, которые впоследствии объединились в фермерскую ассоциацию. Инициаторами создания ассоциации выступили В. Н. Головин и Н. Н. Головин, В. М. Кудосин и некоторые другие. Спустя время фермерская ассоциация распалась. Фермерские хозяйства в Атяшевском районе были созданы также в селах Сабанчеево, Наборные Сыреси, Чукалы-на-Вежне, Каменка, Покровское, Козловка. Всего в районе в 1992 г. насчитывалось 48 фермерских хозяйств, в их пользовании находилось 1 457 га сельскохозяйственных угодий, в том числе 1 416 га пашни; на личном подворье содержалось 165 голов скота.

К 1993 г. в Мордовии перерегистрировались 442 сельскохозяйственных предприятия, из них 62 % сохранили прежнюю организационно-правовую форму хозяйствования; были созданы более 100 акционерных обществ и товариществ с ограниченной ответственностью, 52 сельскохозяйственных кооператива, 5 ассоциаций крестьянских, фермерских хозяйств и др. [3, с. 102].

В Республике Мордовия в 1994 г. произошло сокращение численности фермерских хозяйств. На 1 июня 1994 г. действовали 1 562 хозяйства на земельной площади в 40,8 тыс. га, на 1 января 1995 г. – 1 467 хозяйств (36,0 тыс. га)⁴.

Ход проводимых реформ сопровождался спадом производства, снижения поголовья скота, себестоимости сельскохозяйственной продукции, резким ухудшением финансового состояния сельхозпредприятий. Если производство зерна в

² См.: Российский статистический ежегодник. 1997. М., 1997. С. 383.

³ См.: Мордовский статистический ежегодник. 2010. Саранск, 2011. С. 444.

⁴ См.: Там же.

России в 1990 г. составило 113,5 млн т, то в 1995 г. было собрано всего 55,5 млн т (48,9 % к уровню 1990 г.). Поголовье крупного рогатого скота за тот же период сократилось на 41,9 %: с 45,3 млн до 26,3 млн голов⁵. Валовый сбор зерна по Мордовии в 1990 г. составил 1 090,1 тыс. т, в 1994 – 978,7, а в 1995 г. – 523,5 тыс. т (48,0 % к уровню 1990 г.)⁶.

В 1991–1996 гг. поголовье крупного рогатого скота в Атяшевском районе Мордовии снизилось на 14 тыс. голов по сравнению с 1986–1990 гг., в том числе коров – почти на 6,0 тыс., свиней – на 15,0 тыс., птиц – на 10,3 тыс. голов. Среднегодовые объемы производства мяса за эти же годы снизились на 57,2 %, молока – на 33,7 % (на одну корову – на 778,5 кг), яиц – на 37,6 % (на одну голову птицы – на 53 яйца)⁷. В итоге район по поголовью скота и производству продукции животноводства оказался отброшенным на несколько лет назад. Хотя следует отметить, что животноводство в Атяшевском районе традиционно находилось на второстепенном плане. Главную роль во многих хозяйствах отводили развитию растениеводства.

Благодаря квалифицированному труду многих поколений механизаторов и полеводов, умению агрономической службы района, устоявшимся традициям в земледелии в Атяшевском районе Мордовии в 1991–1996 гг. удалось избежать резкого снижения валового сбора зерна, сахарной свеклы и других культур. Среднегодовой валовый сбор зерна за эти годы по сравнению с годами 12-й пятилетки снизился на 8,9 %, среднегодовая урожайность составила 22,7 ц/га, или снизилась на 2,7 ц/га⁸.

Передовые хозяйства района даже в условиях всеобщего спада уровня производства сельскохозяйственной продукции продолжали получать устойчивые урожаи зерновых и зернобобовых. Это сельхозпредприятия «Искра» (с. Большие Манадыши), им. Горького (с. Алово), им. А. Т. Куняева (с. Дюрки) и некоторые другие. Так, в колхозе им. Горького урожайность зерновых и зернобобовых составляла в среднем 31,5 ц/га: по сравнению с 1984–1990 гг. было допущено снижение всего на 0,5 ц/га [4, с. 330].

Сокращение уровня производства всех основных видов сельскохозяйственной продукции, практически полное отсутствие поддержки сельских товаропроизводителей со стороны государства, неэквивалентный обмен между сельским хозяйством и промышленностью, а также производителями товаров и потребителями, неудержимый рост цен на сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения, средства защиты растений, лекарства для животных, на энергоносители, налоговый пресс, инфляция и другие негативные явления стали основными спутниками перехода к рыночным отношениям.

Если в начале 1990-х гг. многие сельскохозяйственные предприятия района заканчивали финансовый год с прибылью, некоторые из них имели неплохой показатель рентабельности, а количество убыточных хозяйств не превышало четырех колхозов в районе, то в последующие годы ситуация резко изменилась: число убыточных предприятий быстро увеличивалось, росла себестоимость производимой продукции, снизился уровень рентабельности, уменьшилась сумма прибыли.

⁵ См.: Российский статистический ежегодник. 1997. С. 381.

⁶ См.: Мордовский статистический ежегодник. 2010. С. 261.

⁷ Муниципальный архив администрации Атяшевского района Республики Мордовия. Динамические ряды по сельскому хозяйству за 1991–1996 гг. Л. 24, 26, 38.

⁸ Муниципальный архив администрации Атяшевского района Республики Мордовия. Социально-экономический паспорт Атяшевского района. 1996 г. Статистические данные по сельскому хозяйству. Л. 12, 15, 68.

В 1994–1996 гг. сельскохозяйственные предприятия Атяшевского района в целом заканчивали год с убытками. «В 1994 году сумма убытков, – отмечается в отчете районного Совета народных депутатов, – составила 5 117,9 млн руб., а прибыль – только 2 345,4 млн руб. Сумма убытков в таком размере в районе еще не отмечалась... В кассы сельскохозяйственных предприятий поступило 1 215,9 млн руб., сдано в банк только 124,9 млн руб., т. е. только десятая часть. Складываются ненормальные отношения банка с клиентами...»⁹.

Даже в эти сложные годы, когда реформы проводились непоследовательно, а порой одни установки противоречили другим, часть хозяйств района работали относительно стабильно, получали прибыль, регулярно выплачивали работникам заработную плату, имели неплохой показатель по рентабельности. В 1996 г. с положительным балансом закончили хозяйственный год семь сельскохозяйственных кооперативов и один колхоз Атяшевского района: «Андреевский», «Заря», «Вечерлайский», «Светлый Путь», им. А. Т. Куняева, «Аловский», «Челпановский» и «Красный садовод». Все 1990-е гг. с прибылью и с довольно высоким уровнем рентабельности работал колхоз «Искра». В 1996 г. рентабельность производства в колхозе составила 50,9 % [4, с. 331].

«В Республике Мордовия, – отмечал Н. С. Крутов, – немало сельскохозяйственных предприятий, где за счет соответствующей современным требованиям культуры земледелия получают высокие урожаи зерновых и кормовых культур. Так, в колхозе «Искра» Атяшевского района в последние годы получают стабильный урожай зерновых культур – 30 и более центнеров с гектара при себестоимости 1 центнера зерна 60–80 рублей.

Этих результатов добиваются в результате высокой культуры земледелия, строгого соблюдения технологии возделывания сельскохозяйственных культур и учета почвенных и других природно-климатических особенностей... Рентабельность производства зерна в СХПК «Искра» самая высокая в республике» [3, с. 133].

В январе 1995 г. был введен в действие новый Гражданский кодекс Российской Федерации. Из главы IV в понятии «юридические лица» полностью исчез термин «колхозы». В связи со введением Закона «О сельскохозяйственной кооперации» (8 декабря 1995 г.) в конце 1995 г. 13 колхозов Атяшевского района были преобразованы в сельскохозяйственные производственные кооперативы, а реорганизованные в 1992 г. 11 сельхозпредприятий привели уставы в соответствие с этими законами и перерегистрировались: колхоз им. XXII съезда КПСС (с. Атяшево) был преобразован в СХПК «Атяшевский», колхоз им. Ленина (с. Батушево) – в СХПК «Батушевский», «Восход» (с. Капасово) – в СХПК «Восход», «Заря» (с. Русские Дубровки) – в СХПК «Заря», им. М. Горького (с. Алово) – в СХПК «Аловский», «Путь Ильича» (с. Сабанчеево) – в СХПК «Сабанчеевский», «Рассвет» (с. Чукалы-на-Вежне) – в СХПК «Чукальский», им. XXIII съезда КПСС (с. Низовка) – в СХПК «Низовский», «Красный садовод» (с. Мордовские Сырепси) – в СХПК «Красный садовод», «Челпановский» (с. Челпаново) – в СХПК «Челпановский», им. Свердлова (с. Каменка) – в СХПК «Каменский», «Красный Октябрь» (с. Лобаски) – в СХПК «Лобаскинский», «Рассвет» (с. Покровское) – в СХПК «Покровское». Аналогичная реорганизация колхозов в сельскохозяйственные производственные кооперативы произошла и в других районах Республики Мордовия.

⁹ Муниципальный архив администрации Атяшевского района Республики Мордовия. Материалы 1 сессии Атяшевского районного Совета народных депутатов 22 созыва от 27 декабря 1994 г. Ф. 24. Оп. 1. Д. 174. Л. 12.

Заключение

В первой половине 1990-х гг. в аграрном секторе экономики в качестве единственной альтернативной формы хозяйства государственными структурами выдвигались фермерство и реорганизация колхозов. При этом аграрная реформа была начата в условиях системного кризиса, либерализации цен на электроэнергию, горюче-смазочные материалы, сельскохозяйственную технику, неэквивалентного обмена между сельским хозяйством и промышленностью, роста налогов, тарифов и т. п., что привело к значительному ухуд-

шению финансовой, производственной, социальной и других сфер деятельности сельскохозяйственных предприятий.

В результате преобразований колхективных сельскохозяйственных предприятий, безусловно, был сделан значительный шаг на пути создания многоукладной аграрной экономики на базе равноправия всех форм собственности и способов хозяйствования на земле. Однако ощущимых положительных результатов в повышении эффективности сельскохозяйственного производства в 1990-е гг. это не принесло.

Список источников

1. Бикейкин Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР). Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 445 с.
2. Кильдюшкина И. Г. Республика Мордовия: история, экономика, проблемы (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.). Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. 254 с.
3. Крутов Н. С. Агропромышленный комплекс Мордовии, его формирование и развитие. Саранск, 2001. 361 с.
4. Марискин И. С., Марискин О. И. Летопись Атяшевской земли. Саранск, 1998. 536 с.
5. Наухацкий В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965–2000. Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2003. 199 с.
6. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энцикл. рос. деревень, 1995. 574 с.

References

1. Bikejkin E. N. Agrarian modernization and development of agriculture in the middle Volga region: 1953–1991 (on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs). Saransk, 2017, 445 p. (In Russ.)
2. Kil'djushkina I. G. The Republic of Mordovia: history, economics, problems (the second half of 1980s – the middle of 1990s). Saransk, 2011, 254 p. (In Russ.)
3. Krutov N. S. Agro-industrial complex of Mordovia, its formation and development. Saransk, 2001, 361 p. (In Russ.)
4. Mariskin I. S., Mariskin O. I. Chronicle of the Atyashev land. Saransk, 1998, 536 p. (In Russ.)
5. Nauhacij V. V. Modernization of agriculture and the Russian village. 1965–2000. Rostov-on-Don, 2003, 199 p. (In Russ.)
6. Nikonov A. A. Spiral of centuries-old drama: agrarian science and politics of Russia (XVIII–XX centuries). Moscow, 1995, 574 p. (In Russ.)

Поступила 22.03.2023.

Сведения об авторе

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – проблемы экономической истории России, Среднего Поволжья и финно-угорских народов в XIX – первой трети XX в. Автор более 200 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>.

E-mail: mariskinoi@mail.ru

Submitted 22.03.2023.

About the author

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, Department of economic History and Informational technologies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: problems of economic history of Russia, the Middle Volga region and Finno-Ugric nationalities in 19th – first half of 20th century. The author of more than 200 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>.

E-mail: mariskinoi@mail.ru

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.177-187

УДК 323.2

M. A. Елдин¹, A. A. Раслова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

¹ e-mail: eldin1974@yandex.ru

² e-mail: anastasya_ras@mail.ru

Специфика экономической традиции российского общества: от византийских истоков до постиндустриализма и постмодернизма

Аннотация

Введение. В истории российской общественной мысли вопросы хозяйственной деятельности человека рассматривали исконно сквозь призму этики справедливости. Многое было заимствовано из практики византийской религиозной морали экономического таксономизма. В византийской святоотеческой парадигме экономика – домостроительство анализировалась как поле для духовного возрастаия на ниве православного послушания. Богатство и успешность не осуждались, но оценивались в качестве вызова для испытаний. Одновременно от Иоанна Златоуста и до мыслителей Московской Руси тема экономической активности представлялась как служение высшим социальным идеалам духовного служения. В имперский период проблематика экономического быта анализировалась с позиций служения государству от С. Н. Булгакова до П. Б. Струве. Советская модель государственного регулирования оказалась уникальной и мало воспроизводила предыдущий опыт Руси – России в плане многоукладности народного хозяйства российского социума. Новейшие социокультурные тенденции с конца XX столетия породили противоречивые доминанты аксиосферы в среде россиян, связанные с отсутствием ценностных и моральных оснований экономического уклада современного общества, облеченного в конструкты постмодернизма.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологической стратегии исследования рассматривается интегративный подход, соединенный с историко-методологическим и философско-историческим анализом. Решение исследовательских задач обеспечивалось комплексом взаимодополняющих теоретических (анализ научной, исторической литературы, журналистских исследований по изучаемой проблеме, компаративистский анализ текстов, сопоставление, обобщение) и эмпирических (изучение и обобщение нормативно-правовых документов о рассматриваемых понятиях таксономизма и модернизма, а также постмодернизма) методов.

© Елдин М. А., Раслова А. А., 2023

Результаты исследования. Рассмотренная модель постмодернизма в плане его понимания в российской экономической традиции и специфике народно-хозяйственного уклада в реалиях российской истории свидетельствует о вторичном, заимствованном характере постмодернистских понятий.

Обсуждение и заключение. Ожидаемым эффектом фактического понимания процессов может стать правильно выстроенная модель государственно-общественных отношений, которая может появиться только при сбалансированном факторе разнообразных интересов акторов современной государственно-хозяйственной политики России.

Ключевые слова: таксис-порядок, консерватизм, справедливость, модернизация, имперский протекционизм, государственный капитализм, постмодернизм, логика государственно-хозяйственных отношений, конвенционалистская и сепарационная модели государственно-экономических отношений.

Для цитирования: Елдин М. А., Раслова А. А. Специфика экономической традиции российского общества: от византийских истоков до постиндустриализма и постмодернизма // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 177–187. DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.177-187.

Mikhail A. Eldin¹, Anastasia A. Raslova²

^{1, 2}National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

¹e-mail: eldin1974@yandex.ru

²e-mail: anastasya_ras@mail.ru

The Specifics of the Economic Tradition of Russian Society: from Byzantine Origins to Postindustrialism and Postmodernism

Abstract

Introduction. In the history of Russian public thought, the issues of human economic activity have been considered from time immemorial through the prism of ethics of justice. Many things have been borrowed from the practice of Byzantine religious morality of economic taxonomism. In the Byzantine patristic paradigm, economy-house-building was analyzed as a field for spiritual growth in the field of Orthodox obedience. Wealth and success were not condemned, but evaluated as a challenge to the test. At the same time, from John Chrysostom to the thinkers of Moscow Russia, the theme of economic activity was presented as serving the highest social ideals of spiritual service. In the imperial period, the problems of economic life were analyzed from the standpoint of service to the state from S. N. Bulgakov to P. B. Struve. The Soviet model of state regulation turned out to be unique and did not reproduce much the previous experience of Rus – Russia in terms of the complexity of the national economy.

Material and Methods. An integrative approach combined with historical-methodological and philosophical-historical analysis is considered as a theoretical and methodological research strategy. The solution of research tasks was provided by a complex of complementary theoretical (analysis of scientific, historical literature, journalistic research on the studied problem, comparative analysis of texts, comparison, generalization) and empirical (study and generalization of normative legal documents in the concepts of caesarpapism and secularism) methods.

Results. The considered model of postmodernism in terms of its understanding in the Russian economic tradition and the specifics of the national economic structure in the realities of Russian history testifies to the secondary, borrowed nature of postmodern concepts.

Discussion and Conclusion. The expected effect of the actual understanding of the processes can be a properly constructed model of state-public relations, which can appear only with a balanced factor of diverse interests of actors of modern state-economic policy of Russia.

Keywords: таксис-порядок, консерватизм, справедливость, модернизация, имперский протекционизм, государственный капитализм, постмодернизм, логика государственно-хозяйственных отношений, конвенционалистская и сепарационная модели государственно-экономических отношений.

For citation: Eldin M. A., Raslova A. A. The Specifics of the Economic Tradition of Russian Society: from Byzantine Origins to Postindustrialism and Postmodernism. *Ekonomicheskaya istoriya = Russian Journal of Economic History*. 2023; 19(2): 177–187. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.177-187.

Введение

Как известно, ученый-гуманитарий в исследованиях ставит в основание своих разработок не только формальный подход, но и детальный анализ духовно-социальной ситуации времени, которая ставит необходимость выбора определенной культурной позиции. В России сегодня снова со всей актуальностью обострился поиск алгоритмов, «идеальных типов» общественного развития, соответствующего культурным традициям и особенностям национального менталитета, сообразующимся с его стремлением к абсолютным ценностям бытия и моральным идеалам.

И история, и философия задаются вопросом: а есть ли такие общества, в которых реальной осью идентичности экономики и всех социосфер является духовность как высший принцип бытия? В этом контексте мы рассматриваем исторические модели преемственности региональных традиций и некоторых философских и исторических концепций анализа судеб Евразии как положительное и парадигмальное значение становления интегративного подхода в гуманитаристике. В современной России все большее значение приобретают ценности такой сферы, как информационная с процессами кибернетики и синергетики. Также определенные особенности имеют ценности и уровни других сфер. По сравнению с предыдущими историческими периодами система ценностей каждой сферы и степень ее организации получила большее развитие, прежде всего это касается материально-производственной, экономической сфер. На интенсивное развитие этих сфер и особенно информационной повлиял комплекс факторов, таких как увеличение роли и объема информации, потребность в качественном управлении и переработки больших потоков информации, усиливающиеся процессы глобализации, необходимость управления информацией в усложняющихся производственных циклах и научных ис-

следованиях. Все это является признаками перехода российской цивилизации вместе с мировым сообществом на постиндустриальный уровень развития. Для российского общества в данную эпоху в век высоких технологий необходимо интегрировать эти высокие технологии с всесторонним воздействием исконно российской духовности, задающей смысловой вектор развития нашей цивилизации.

Обзор литературы

Исследование тезауруса современной гуманитаристики на основе достигнутого базиса аксиологических, философских и исторических достижений, в том числе ценностных основ этнотрадиций, ставит целый ряд направлений в контекст диалогичности и синергизма дискурса исследований. Это особенно прослеживается в концептах историософских трудов.

Исторический анализ произведений С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, К. Н. Леонтьева, В. Н. Лосского и других представители русской общественной мысли позволяет выделить понятие доминанты национальных ценностей традиционализма на основе трудов таких современных авторов, как В. В. Аверьянов, М. А. Маслин, Т. Шпиндельк и др. Проблемы формирования и функционирования духовных ценностей экономической традиции рассматривались В. В. Катасоновым, С. Ю. Глазьевым, В. Л. Иноземцевым и др.

Материалы и методы

Анализ имеющихся исследований в духовно-культурной плоскости выявляет ряд проблем:

во-первых, между высокой социальной значимостью формирования ценностно-смысловых основ концептуализации традициосферах экономической сферы этносов Руси – России и слабой теоретической и методической разработанности данной проблемы;

во-вторых, между практической необходимостью формирования духовно-куль-

турных ценностей и недостаточной представленностью в социогуманитарной науке целостного подхода в теоретическом аспекте для развития аксиологической парадигмы будущего российской экономической традиции;

в-третьих, между объективно существующей потребностью в формировании основ ценности экономики, в частности передаточного новейшего механизма наследия (знаток, теоретик, школьный учитель, наставник) и отсутствие осознания этой потребности на всех уровнях современной системы созидания хозяйственного таксида – порядка социума.

В течение предшествующих советской эпохе периодов система ценностей российского общества последовательно формировалась на основе культуры, хозяйственных достижений общества и привела к настоящему времени к формированию имеющейся структуры ценностей России. Минуя сложные периоды, проходя исторический путь развития, система ценностей претерпевала некую трансформацию, но сохранила стержневые основания каркаса пирамиды ценностей, выраженные в духовных ценностях социально-экономического развития России. Благодаря этому открываются перспективы дальнейшего развития всех сфер общества и возможна реализация сформированной системы ценностей экономической жизни в обществе.

В греко-византийской теории общего как типично единораздельного, содержащего и реалистическое, реально существующее, и номиналистическое т. е. существующее только в языке, сущности теории (Святой Василий Великий, святитель Григорий Богослов и др.) достаточно последовательно развивалась социально-этическая парадигма единства общества. Византийская цивилизация многое сформировала на Руси, от церковных канонов до социально-нравственных традиций. Понятие народно-хозяйственной деятельности пришло на Русь также от византийцев. Со времен Иоанна Златоуста до Симеона Нового Богослова и Григория Паламы экономическая деятель-

ность православного человека рассматривалась с позиций духовного служения [12, с. 55–56]. Понятие дома (οἶκος) в Византии обозначало и частный дом, семейный очаг, и генеалогию рода, храм и общественные здания (императорские резиденции, усадьбы и поместья аристократии), городские, церковно-православные и административные структуры империи ромеев, царские и аристократические домохозяйства, Вселенскую Православную Кафолическую Церковь как сообщество подлинно верных, среду обитания людей и всю Вселенную – космос [14]. Большое количество понятий византийского происхождения в мировой экономической теории происходят от указанного понятия – икономия, экономика, эколог, экологический, ойкумена, икос и др. Исследования В. Ю Катасонова убедительно доказывают историческое значение византийской парадигмы экономического порядка, способного преодолевать кризисные события за счет регулирования экономики христианского государства [5, с. 78]. По мнению К. В. Хвостовой, само слово «ойкономия» приобрело именно тот духовный смысл, который в него вкладывал Аристотель, понимая под ним правильное, богоугодное ведение государственного и частного хозяйства.

На Руси и в России со времен митрополита Илариона Киевского сознавали неодинаковость мировоззренческих подходов к практической деятельности человека, сравнении с западной парадигмой морального устройства социума. В отличие от русских и византийцев на западе Европы нравственно-этическую проблематику рассматривали утилитарно. По словам С. В. Перевезенцева, «в западноевропейской философии моральная проблематика тоже не оставалась без внимания. Однако чаще всего мораль, нравственность рассматривались как продолжение, как одна из разновидностей разумного сознания. Этика воспринималась на Западе как практическая наука, наряду с политикой» [9, с. 46].

Таким образом, в строении и функционировании системы духовных ценностей

в разные исторические периоды имелись определенные характеристики. Можно отметить, что ценности российского общества во все времена имеют определенную структуру. Русские и византийские религиозные философы исходили из того, что положительные начала воспитания человека укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи будет иметь самые неблагоприятные последствия для русского общества [2, с. 293]. Это определяет понимание необходимости воспитания у человека социально-нравственного поведения и осуществления в обществе социальной традиции. Еще К. Н. Леонтьев полагал, что не в панславизме возможно будущее России, а в обращении к истокам – универсальному «фактору традиции» как межнациональной культуре. В этом плане его оценка западного влияния на «топику» русской духовности весьма показательна и своеобразна. По его мнению, подобное воздействие стало «разрушительным, эгалистарным» [6, с. 55].

В обращениях русской философии к темам рефлексии взаимодействия экономики и религиозной сферы бытия социума Древней Руси акцентировалось внимание к социальным проблемам общественной жизни. Еще в древнерусской общественной мысли: «В центре внимания общественно-политической мысли Средневековья находился поиск на три основные группы вопросов, связанных с происхождением государственной власти. Во-первых, следовало объяснить превосходство одних людей над другими, а также показать какое правление можно считать легитимным... Второй вопрос касался характера общественной деятельности в условиях существования неравенства и иерархии в обществе... третий вопрос относился к возникновению частной собственности» [7, с. 265].

Трансформация системы духовных ценностей российского общества представлена в виде динамики характеристик структуры ценностей в исторических периодах: царской России до 1917 г., периоде советской власти в СССР, современной России. Кар-

кас структуры и сущностные характеристики системы духовных ценностей в различные исторические периоды остаются относительно постоянными. Меняется форма выражения ценностей в обществе и деятельности людей, меняются особенности их выражения и факторы формирования.

Анализ трансформации системы духовных ценностей позволяет нам сформулировать структуру духовных ценностей в сфере экономики, которая обладает упорядоченным и иерархическим строением. Завершение модернизационного цикла происходит с распадом социокультурной общности, ради которой и затевалась модернизация. В этом заключается логика российской «догоняющей модернизации» Нового и Новейшего времени. Указанная специфика развития привела социум к так называемому феномену «среднеразвитости», который не всегда ограничен в экономическом плане, но буквально соткан из противоречивых тенденций. В условиях постмодернистской интерпретации социокультурных процессов и постиндустриализма в экономической мысли начала XXI столетия важно осмыслить контуры современного понимания экономической и социокультурной традиции российского социума. Современный швейцарский философ П. Серио указывает на кризис традиционных систем координат в концептосфере гуманитарного знания Запада в условиях постмодернизма, когда со временем М. Фуко и Ж. Деррида от традиционных концептов не сохранилось «от понятия традиция камня на камне» и девальвировалось вместе с континуитетом государств и культурных укладов бытия социума [10, с. 59].

Сегодня, например, несомненно эвристической ценностью обладает и идея Э. Тоффлера о формировании «трансрывночной» цивилизации, где рынок приобретает всеобщий характер. Изменение роли и значения рынка как механизма обмена учебный связывает с интеграцией потребителя в производственный процесс. Он отмечает, что в производстве (техносфере) обнаруживает себя практика, которая получаетши-

рокое распространение вместе с демассификацией: своего рода «ренатурализация» товарного общества – сближение процесса производства и процесса потребления, названная «прозюмеризмом» (производство для себя).

Э. Тоффлер так же, как и его предшественник, констатирует неадекватность старых экономических подходов к новым реалиям, продолжает разработку проблемы организационной революции. В отличие, впрочем, от Д. Белла Тоффлер уловил и наметил проблему трендов на глобализацию и «сетевизацию» мира.

В связи с этим он также отмечает, что «сегодня все формы рыночной экономики почти достигли своего предела» [15], тем самым «подтверждаются идеи Маркса, предвосхитившие конец традиционного капитала» [15, р. 61]. Оказавшись более прозорливым, чем Д. Белл, и в отношении развертывания интеграционно-глобализационных процессов в мировой экономике, ученый поясняет: «...рынок уже не может распространяться, захватывая новые народы, ему остаются только операции по проchesыванию местности» [15].

Ценности социальной сферы выражались в деятельности общественных организаций, обслуживающих население. Сфера характеризуется особенностями деятельности отраслей и организаций по обеспечению социального обслуживания населения, наличием определенной социальной структуры и общественных отношений. В плане структуры советского общества был наиболее развит класс пролетариата, включающий рабочих и крестьян. Класс буржуазии объявлялся враждебным, страны с капиталистической идеологией также считались недружественными. В годы советской власти были развиты система образования и воспитания, центры социальной защиты. Система образования отличалась тем, что была бесплатной, к образованию получали доступ представители всех слоев советского общества, в том числе российского. Однако в 1920-е гг. система образования страны только формировалась,

и значительная часть населения не имела доступа к обучению из-за недостаточного количества школ и других образовательных учреждений. В дальнейшем сфера образования стала стабильной и вышла вперед на международном уровне. В советский период безработица была низкой, любое уклонение от трудовой деятельности осуждалось и наказывалось. Важнейшими ценностями были труд и трудовые отношения.

Постиндустриалисты определяют их как товары, не включенные в сферу индивидуального потребления, т. е. удовлетворяющие не индивидуальные, а коммунальные потребности. Это «коммунальное общество, где скорее социальные программы, чем рынок, служат механизмом распределения благ и скорее общественный выбор, чем индивидуальный спрос, становится арбитром выбора целей» [13].

Но при этом, на наш взгляд, категория «товар» Д. Беллом и категория «рынок» Э. Тоффлером используются не в марксистском, а в неоклассическом понимании, что лишь отчасти приближает теоретиков к сути происходящих процессов [11, с. 258].

По Д. Беллу, новый вид блага не может быть назван товаром в классическом политэкономическом смысле, но в этих размышлениях он далек от понимания сути марксистских категорий. Критерий различия «товара» от «нетовара» достаточно тривиален: возможность физического владения, т. е. «вещественность». Ученый поясняет: «Промышленные товары производятся в виде обособленных, распознаваемых единиц, которые обмениваются и продаются, потребляются и используются, – как батон хлеба или автомобиль... человек покупает у продавца товар и вступает в физическое владение им... стоимость <знания> сильно отличается от соответствующих показателей промышленных товаров» [13, р. 44].

В современной России существует еще ряд нерешенных задач социальной сферы: проблема социально незащищенных слоев населения, создание равных условий для доступа к образованию и ряду медицинских услуг для всех слоев населения, излишняя

дороговизна ряда товаров и услуг, проблема беспризорности, преступности. Для их решения необходимо опираться на смысл духовности в социальных отношениях и исходящий из духовных ценностей и правовых аспектов системный подход в улучшении социальной действительности. По словам С. Ю. Глазьева, «под влиянием двух революций – научно-технической и информационной – возникла принципиально другая экономика, в создании которой решающую роль стали играть не материальные факторы, а знания, информация, инновационный тип мышления и поведения творческого человека, создающего “ноу хай”» [1, с. 73–74].

Государство делает многое для создания условий для социально незащищенных слоев населения. В частности, с 1 января 2007 г. для материальной поддержки молодых семей в воспитании детей введен материнский капитал, в ряде вузов предоставлены дополнительные бюджетные места для поступающих, создаются специальные программы для лиц с ограниченными возможностями здоровья, например принятая в 2011 г. и рассчитанная до 2020 г. государственная программа «Доступная среда», предполагающая создание доступных условий для активной жизни и деятельности для лиц с ограниченными возможностями. Молодежь привлекается к участию во многих крупных социальных проектах (широко известен Международный дискуссионный клуб «Валдай» по международному взаимодействию в крупных проектах во многих сферах общества, созданный в 2004 г. в Великом Новгороде). Однако многое в развитии новых парадигм техно-хозяйственного уклада в РФ еще предстоит усвоить: «...проблемой остается своевременное практическое освоение имеющихся научно-технических заделов в ключевых направлениях становления нового технологического уклада» [1, с. 109].

В 2019 г. ПАО «Сбербанк России» приступило к внедрению образовательной платформы для учащихся школ во взаимосвязи с общеобразовательным стандартом, в которой школьникам предоставляются необходимые знания и развиваются уме-

ния по экономике и современной системе социального взаимодействия между ведущими агентами рыночной экономики. Для осуществления многих преобразований в России необходимо, чтобы идеи духовности, вечных духовных ценностей были проникнуты в суть этих преобразований в реальной жизни людей, чтобы были глубоко осознаны населением и организациями, направлены на благо народа и носили системный, последовательный характер.

Как показал В. Л. Иноземцев, развивающий аналогичные заключениям Д. Белла и Э. Тоффлера прогрессивные мысли о «деструкции стоимости» и «преодолении товарного производства», указанные тезисы восходят к теории самоотрицания капитализма К. Маркса [11, с. 256]. В то же время «историзм» фундаментального методологического признака, положенного в основу постиндустриализма (отраслевой подход к структурации хозяйства), оказался относительно искусственным, фактически представляя отсутствие центрального методологического принципа, с помощью которого могло быть построено деление всего общественного производства [3, с. 68].

Применяемый постиндустриализмом отраслевой подход не в состоянии схватить всю глубину протекающих в современном хозяйстве процессов. Приверженность ему при игнорировании марксистского производственного подхода не позволила теории постиндустриального общества уловить суть сложной диалектики взаимопереходов между материальным и духовным производством, связать деструкцию товарного общества с формированием всеобщего труда.

По мнению В. Л. Иноземцева, стремления разграничить положения, связанные с концепцией рыночной экономики, и тезисы, касающиеся теории производства и потребления высокотехнологичных и информационных благ, находят воплощение в призывах к замене «экономической теории товаров» новой «экономической теорией продуктов» [3, с. 59]. Но и эта тенденция завела исследователей в методологический

тупик, поскольку сопряжена с принципиальным отказом от трудовой теории стоимости. Как отмечает В. В. Орлов, реальный экономический смысл заключения о знании как основе феномена стоимости остается в полном тумане [8, с. 11].

Согласно цивилизационному подходу, общество переходит в постиндустриальную стадию развития. Большое значение приобретает *информационная сфера общества*. Для этого этапа характерно преобладание таких критериев выражения, как информационные технологии, а также возрастание значения сферы услуг для народного хозяйства, т. е. транспорта, сервиса, ремонта оборудования, телекоммуникационных технологий, информатизации производства и т. д. Постиндустриальная фаза началась в конце XX – начале XXI в. Среди факторов формирования системы ценностей информационной сферы выделяются такие, как потребность в управлении большим количеством информации в связи с усложнением технологических процессов, развитием масштабов и объемов производства, информационных связей различных звеньев отраслей народного хозяйства, проявление глобальных процессов в современном мире. В настоящее время особенно актуальными являются исследования С. С. Хоружего в связи с тем, что он уделяет внимание нравственному возрождению человека согласно оживлению традиций христианской духовности, в современном мире информатизации и глобализации, в котором все острее встает проблема обезличивания личности, утери ее духовности.

Теория С. С. Хоружего позволяет выявить необходимые ключевые моменты взаимодействия человека и общества в современном мире. К ним относится установление оптимального соотношения кибернетики и синергетики в общественных отношениях. Для возрождения системы духовных ценностей при господстве информационных технологий необходимо учитывать два важнейшие процессы сферы информации: кибернетики и синергетики. *Кибернетика* – это наука, предназна-

ченная для управления информационными системами. *Синергетика* – это наука о самоуправляющихся системах, которые сложно устроены и за счет этого способны поддерживать порядок. Кибернетика позволяет корректировать и улучшать информационные системы, в то время как синергетика представляет собой некий каркас сформированных информационных связей, операций на основе выработанных достижений в этой сфере. Информационная сфера вместе с синергетикой и кибернетикой существовала во всех исторических периодах, но активное значение приобрела в постиндустриальную fazu современности – в начале III тысячелетия. В XX в. общество находилось на индустриальной стадии развития, и в тот период большое значение имела материально-производственная сфера общества [4].

Результаты исследования

Мировые стандарты в хозяйственной сфере хороши лишь до тех пор, пока не становятся причиной разрушения национальной культуры и изгнания сограждан на чужбину. Показательным в данном случае является опыт кризиса среди югославов: радикальный монетаризм и мондиализм разрушительны для многоукладной экономики [8, с. 11]. Причины, приведшие к нарастанию целого клубка социально-экономических проблем в стратегически важных регионах Евразии, многоплановы. При этом они не сводятся исключительно к имперским поискам. В определенной степени Поволжье повторяет тот опыт, который ранее уже прошли Северный Кавказ, Закавказье, Балканы, а до них и Ближний Восток. Ранее привлекательные экономические доктрины в силу разных причин теряют популярность.

Для информационных систем нужно найти оптимальное соотношение кибернетики и синергетики. Синергия С. С. Хоружего позволяет обозначить это соотношение.

Во-первых, с позиции синергетики, она выделяет систему общественных отношений по принципу «Человек как творение Бога, во взаимосвязи с современным ин-

формационным миром», вместо имеющейся в обществе модели «Обезличенные технологии и современный информационный мир, в которой место духовной сущности человека минимизировано».

Во-вторых, с позиции кибернетики дает возможность включить духовную сущность человека в процесс управления и регулирования сложных современных технологических информационных процессов и производств. Включение духовных сущностных сил человека в современный исторический процесс наполняет его глубиной и содержанием, позволяет сохранить традиции и тем самым обеспечить условия для будущего российского общества.

Для российского общества в век высоких технологий необходимо интегрировать эти высокие технологии с всесторонним воздействием исконно российской духовности, задающей смысловой вектор развития нашей цивилизации. Для общества постиндустриальной эпохи характерны ценностно-рациональное и целерациональное социальное действие с преобладанием ценностно-рационального типа социального действия. В XXI в., в начавшуюся эпоху III тысячелетия, для человечества и российского общества при активном развитии технологий важно опираться прежде всего на духовность и духовные ценности, которые станут смыслообразующими основами целесообразного развития всех технологий во благо человечества. В глобальном мире, подверженном множеству деструктивных процессов, важно сохранить идейную убежденность в сохранении и почитании духовных ценностей культуры человечества и каждого народа. В истории известны примеры трагичности использования одних только гениальных знаний техники без понимания глубоких нравственных, духовных основ культуры, важнейшей ценностью которой был, есть и будет человек. Человечеству необходимо встать на путь эволюционного развития – путь устойчивого развития человеческой цивилизации. Найти этот путь – это сложная и важнейшая задача человечества, в которой необ-

ходимо конструктивно подходить к трудам всех исследователей, системно анализируя их и предлагая ценные идеи и концепции. В современной России XXI в. важно возрождение духовности через возрождение культуры в различных областях общественной жизни. К духовным ценностям, необходимым в народно-хозяйственной сфере, можно отнести: использование информации в общественно полезных целях, использование информации для функционирования экономики, а также для воплощения парадигмы таксономии (например, в дизайне), моральных доминант, для формирования положительных нравственных качеств и свойств личности и др.

Обсуждение и заключение

Перспективно создание виртуального информационного пространства для просвещения людей в вопросах культуры России и зарубежья. Сейчас активно создаются виртуальные музеи на базе ведущих музеев России, что позволяет максимально эффективно воздействовать информационный ресурс в деле просвещения и возрождения духовности. Эти проекты позволяют посещать музеи мира, не выходя из дома, дистанционно; они открывают возможность трехмерного видения пространства музея в динамике, имея возможность перемещаться по нему. Также большие возможности и перспективы имеет внедрение современных дистанционных технологий в обучение в ведущих вузах России и раскрытие, возрождение через подобные курсы знаний о духовности России, ее культуре. Имея большую культурно-историческую, информационную и духовную ценность, использование дистанционных технологий создает практическую возможность возрождения духовности в России XXI в.

Таким образом, представлен вариант отображения системы духовных ценностей в виде шестигранной пирамиды. Рассмотрены сферы духовных ценностей вместе с уровнями ценностей, факторы и критерии формирования ценностей. Далее следует перейти к рассмотрению уровней духовных ценностей российского общества в данной структуре.

Список источников

- Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.
- Елдин М. А. Философские проблемы взаимодействия духовных традиций российских народов в Средневолжье // Историко-культурные аспекты развития полигетнических регионов России: материалы X Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 2006. С. 293–298.
- Иноземцев В. Л. Структурирование общественного производства в системе постиндустриальных координат (методологические аспекты) // Российский экономический журнал. 1997. № 11–12. С. 59–68.
- Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia: Наука, 1998. 639 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 656 с.
- Леонтьев К. Н. Избранное. М.: Моск. Рабочий: Рарогъ, 1993. 400 с.
- Общественная мысль балканских народов в эпоху раннего Средневековья / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009. 320 с.
- Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 267 с.
- Перевезентцев С. В. Русский выбор: очерки национального самосознания. М.: Рус. мир, 2007. 416 с.
- Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе. М.: Языки славян. культуры, 2001. 360 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 795 с.
- Хвостова К. В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб.: Алетейя, 2009. 206 с.
- Bell D. The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting. New York: Basic books, 1973. 507 p.
- Paul Magdalino. The Byzantine Aristocratic Oikos. Oxford, 1984. 95 p.
- Toffler A. Power shift: Knowledge, wealth, a. violence at the edge of the 21st cent. New York: Bantam books, 1990. 585 p.

References

- Glazyev S. Yu. Strategy of advanced development of Russia in the conditions of the global crisis. Moscow, 2010, 255 p. (In Russ.)
- Eldin M. A. Philosophical problems of interaction of spiritual traditions of Russian peoples in the Middle Volga region. Historical and cultural aspects of the development of polyethnic regions of Russia: materials of the X Safargaliev scientific readings. 2006; 293–298. (In Russ.)
- Inozemtsev V. L. Structuring of social production in the system of post-industrial coordinates (methodological and theoretical aspects). *Russian Economic Journal* = Russian Journal of Economics. 1997; 11–12: 59–68. (In Russ.)
- Inozemtsev V. L. Beyond the limits of economic society: Post-industrial theories and post-economic trends in the modern world. Moscow, 1998, 639 p. (In Russ.)
- Katasonov V. Yu. Economic theory of Slavophiles and modern Russia. “Paper ruble” by S. Sharapova. Moscow, 2014, 656 p. (In Russ.).
- Leontiev K. N. Favorites. Moscow, 1993, 400 p. (In Russ.)
- Public thought of the Balkan peoples in the Early Middle Ages; ed. B. N. Florya. Moscow, 2009, 320 p. (In Russ.)
- Orlov V. V., Vasilyeva T. S. Philosophy of Economics. Perm, 2013, 267 p. (In Russ.)
- Perevezentsev S. V. Russian choice: essays of national self-consciousness. Moscow, 2007, 416 p. (In Russ.)
- Serio P. Structure and integrity: On the intellectual origins of structuralism in Central and Eastern Europe. Moscow, 2001, 360 p. (In Russ.)
- Toffler E. The third wave. Moscow, 2009, 795 p. (In Russ.)
- Khvostova K. V. Byzantine civilization as a historical paradigm. Saint. Petersburg, 2009, 206 p. (In Russ.)
- Bell D. The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting. New York, 1973, 507 p. (In Eng.)

14. *Paul Magdalino.* The Byzantine Aristocratic Oikos. Oxford, 1984, 95 p. (In Eng.)
15. *Toffler A.* Power shift: Knowledge, wealth, a. violence at the edge of the 21st cent. New York, 1990, 585 p. (In Eng.)

Поступила 14.04.2023.

Сведения об авторах

Елдин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: византология, поликультурное общество. Автор более 70 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8734-0814>.

E-mail: eldin1974@yandex.ru

Раслова Анастасия Андреевна – магистрант, направление подготовки «Отечественная история», Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Автор свыше 20 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0176-1069>.

E-mail: anastasya_ras@mail.ru

Submitted 14.04.2023.

About the authors

Mikhail A. Eldin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: Byzantology, multicultural society. The author of more than 70 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8734-0814>.

E-mail: eldin1974@yandex.ru

Anastasia A. Raslova – Master's student, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). The author of more than 20 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0176-1069>.

E-mail: anastasya_ras@mail.ru

И. Н. Галушко

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия), e-mail: galushko.iolk@gmail.com*

**Анализ публицистики И. П. Мануса
с позиции поведенческих финансов:
экономическое мышление крупного биржевого деятеля
на Санкт-Петербургском фондовом рынке в начале XX в.**

Аннотация

Введение. В современной литературе по финансовой теории существует дискуссия о степени влияния поведенческих факторов на ценообразование финансовых активов. Мы считаем необходимым рассмотрение данной проблемы в рамках историко-экономической науки, поскольку биржевые цены находят широкое применение в современных исследованиях в качестве исторического источника. Обратившись к материалам профессиональной биржевой публицистики, в данной работе мы стремились определить, как участники торгов на фондовом рынке Российской империи описывали механизм ценообразования и как в соответствии с этими аналитическими установками выстраивались модели их рыночного поведения.

Материалы и методы. В качестве основного источника была выбрана книга «Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени», в которую вошли аналитические статьи И. П. Мануса (1860–1918), известного биржевого спекулянта, заработавшего на Санкт-Петербургской бирже миллионное состояние.

Результаты исследования. Публицистика И. П. Мануса демонстрирует, как в характерной для рассматриваемого периода практике экономического анализа финансовых рынков соединяются рациональная оценка финансовых результатов и перспектив отдельных предприятий и экономики в целом с учетом «неэффективных», спекулятивных факторов давления на цены со стороны заинтересованных групп. Наличие в текстах наших источников уточнений, вводящих в повествование о фондовых операциях представление о неопределенности, которую невозможно преодолеть методами формального анализа, актуализирует необходимость использования методологии поведенческих финансов при работе с материалами финансовой истории.

Обсуждение и заключение. Мы считаем, что проводить жесткую методологическую границу между «поведенческим» и «рациональным» не совсем корректно для нашего материала. Если использовать терминологию социальной истории, значительно эффективнее рассматривать эти концепции в их сложном взаимодействии, формирующем особый «фрейм» финансовой практики начала XX в.

Ключевые слова: экономическое мышление, поведенческие финансы, Санкт-Петербургская биржа, спекуляция, асимметрия информации, теория практик, теория фреймов, ценообразование на фондовом рынке, биржевая история.

Для цитирования: Галушко И. Н. Анализ публицистики И. П. Мануса с позиции поведенческих финансов: экономическое мышление крупного биржевого деятеля на Санкт-Петербургском фондовом рынке в начале XX в. // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 188–196. DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.188-196.

Ilya N. Galushko

Moscow State University (Moscow, Russia),

e-mail: galushko.iolk@gmail.com

Exchange Journalism from the Position of Behavioral Finance: Economic Thinking of a Stock Market Speculator in the Beginning of the 20th Century

Abstract

Introduction. Modern financial theory still wonders the degree of behavioral factors influence on the financial assets pricing. We assume that it necessary to consider this problem within the framework of historical and economic science, since exchange prices are widely used in modern research as a historical source. Turning to the materials of professional stock exchange journalism, in this article we sought to determine how market participants described the pricing mechanism and how their market behavior were built in accordance with these analytical settings.

Materials and Methods. We chose the book “Political, economic and financial issues of recent times” as our main source. That work includes analytical articles by I. P. Manus (1860–1918), a well-known stock speculator who made a millionth fortune on the Saint Petersburg Stock Exchange.

Results. I. P. Manus’s articles demonstrate how the practice of economic analysis of financial markets combines a rational assessment of the financial results with taking into account “inefficient”, speculative price factors. In our source we trace the idea of uncertainty that cannot be overcome by formal analysis methods. All of that actualizes the need to use the methodology of behavioral finance when working with financial history materials.

Discussion and Conclusion. We believe that it is not entirely correct for our material to draw a rigid methodological boundary between “behavioral” and “rational”. If we use the terminology of social history, it is much more effective to consider these concepts in their complex interaction, which forms a special “frame” of financial practice of the early 20th century.

Keywords: economic thinking, behavioral finance, St. Petersburg Stock Exchange, speculation, information asymmetry, practice theory, frame theory, stock market pricing, stock exchange history

For citation: Galushko I. N. Exchange Journalism from the Position of Behavioral Finance: Economic Thinking of a Stock Market Speculator in the Beginning of the 20th Century. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(2): 188–196. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.061.019.202302.188-196.

Введение

Согласно представлениям современной экономической науки, рынок как центральный элемент хозяйственного процесса можно описывать в категориях потока экономической информации. Концепция рассеянного знания Ф. фон Хайека предполагает, что рынок, устанавливая цены, аккумулирует знания всех экономических агентов, выступающих сторонами спроса и предложения: рынок учитывает их предпочтения, оценки и ожидания. Другими словами, рынок учитывает всю палитру решений индивида, сопровождающих экономический выбор. В 1960-х гг. была сформулирована гипотеза «об эффективных рынках», в рамках которой эти решения носили исключительно рациональный характер в

соответствии с представлением о том, что всякий индивид стремится максимизировать полезность своих действий и использует для этого всю публично доступную информацию. Прямыми следствием этой гипотезы стало убеждение, что цена того или иного товара является наиболее точным отражением справедливой стоимости актива. Однако исследования последних десятилетий, выполненные в рамках академического направления поведенческих финансов, показали, что экономическая деятельность человека несовершена: ему присущи фундаментальные ошибки в восприятии статистики; он нередко руководствуется иррациональными ощущениями, а не взвешенным анализом; большинство людей оказываются не способны понимать экономику ком-

плексно. В этом контексте перед наукой встал фундаментальный вопрос: какую информацию несут в себе цены? В рамках данного исследования нас будут интересовать биржевые цены, которые устанавливаются в ходе торгов на фондовом рынке.

Мы считаем необходимым рассмотрение вопросов данной дискуссии в рамках историко-экономической науки, поскольку биржевые цены находят широкое применение в современных исследованиях в качестве исторического источника. Обратившись к материалам профессиональной биржевой публистики, мы стремились определить, как участники торгов на фондовом рынке Российской империи описывали механизм ценообразования и как в соответствии с этими аналитическими установками выстраивались модели их рыночного поведения. В отечественной исторической науке практически не применялись наработки школы «поведенческих финансов». Нам представляется весьма продуктивной попытка совмещения классических методов исторического анализа с рефлексивным подходом к биржевым данным.

Обзор литературы

Важнейшей работой по истории финансовых рынков до сегодняшнего дня остается книга Ч. П. Киндербергера и Р. Алибера «Мировые финансовые кризисы: мании, паники и крахи». Данный труд увидел свет в 1978 г. и с тех пор многократно переиздавался. Материалы данного исследования показывают, насколько иррациональны могут быть рынки: им свойственны мании, создающие финансовые пузыри, и паники, вгоняющие биржевую экономику в депрессию [2, с. 19]. Оба явления несут существенный отпечаток массовой эмоциональной реакции на движение цен [2, с. 32]. В работе авторы опирались на модель Мински, описывающую развитие финансового кризиса как поэтапный процесс от «экзогенного толчка», формирующего общественный интерес к активу, через кредитную экспан-

сию и биржевой ажиотаж к финансовому истощению и краху [2, с. 52–60]. Заслуга Ч. П. Киндербергера и Р. Алибера состояла в том, чтобы проверить это утверждение на конкретном материале с помощью классических методов исторической науки (анализ широкого спектра тестов от нарратива до делопроизводственной документации и обращение к статистике без применения комплексных математических моделей).

В 1990-е гг. под влиянием американского кризиса 1990–1991 гг. и азиатского кризиса 1997 г. экономисты, осознав ограниченность предсказательного потенциала эмпирических методов анализа, обратились к наработкам в области когнитивной психологии. Опираясь на идеи А. Тверски и Д. Канемана¹ об ошибках статистической интуиции индивида и о склонностях психики к экстраполяции наблюдений настоящего на будущее, исследователи положили начало направлению поведенческих финансов. В своей работе мы опирались на теоретическую статью Р. Шиллера “From Efficient Markets Theory to Behavioral Finance”, в которой были обобщены достижения поведенческой экономики. Помимо общего декларирования ценности обращения к комплексному анализу процесса торгов как на коллективном (техническая организация и массовая психология), так и на индивидуальном (восприятие отдельного инвестора) уровне, Р. Шиллер приводит в качестве примера нового взгляда на финансы модель обратной связи, подразумевающую, что информация на рынке развивается по сетевидной схеме [10, р. 91]. Мнение о качестве той или иной инвестиции в короткие сроки распространяется среди достаточно широкого круга участников торгов, занимая все большие и большие доли инфополя. Постепенно накапливается ком слухов и ожиданий, нередко подогреваемых подключившимися СМИ, что в итоге может привести к возникновению ажиотажа.

¹ За исследования природы принятия решений и когнитивных искажений Д. Канеман, будучи психологом, в 2002 г. получил Нобелевскую премию по экономике.

Исторических работ, написанных в рамках поведенческих финансов, мало. Наиболее известна книга Э. Чанселора “Devil Take The Hindmost” [7]. В своем труде автор предпринял попытку рассмотреть развитие феномена спекуляции в историческом контексте, сосредоточив внимание на известных финансовых кризисах прошлого.

Статья “Herding in Imperial Russia: Evidence from the St. Petersburg Stock Exchange (1865–1914)” [8] – редкий пример ассоциированной с поведенческими финансами работы, сделанной на материале Российской империи. Данное исследование предлагает эмпирическое обоснование присутствия эффекта стадности на Санкт-Петербургской фондовой бирже (анализ волатильности временных рядов ежемесячных цен акций, котировавшихся на бирже в период с января 1865 по июль 1914 г.). Результаты показывают, что инвесторы на крупнейшем рынке акций Российской империи обнаружили склонность к поведению, определяемому как «стадность», – инвестирование в растущие ценности, в которые инвестирует большинство. Авторы утверждают, что стадность на фондовом рынке Российской империи является следствием значительной доли непрофессиональных инвесторов в общем количестве участников биржевых торгов, что в свою очередь согласуется с мейнстримом поведенческих финансов, в рамках которого отмечается склонность индивидуальных непрофессиональных инвесторов к стадному поведению. Однако следует заметить, что в современной отечественной историографии нет устоявшегося мнения о реальной доле непрофессиональных инвесторов в общем торговом объеме фондового рынка конца XIX в., поскольку такие оценки существенно осложняются наличием развитого небиржевого рынка. Поэтому выводы авторов следует воспринимать как гипотезу, требующую дальнейшего обоснования.

Важным методологическим инструментом для нас стала социологическая теория фреймов. На финансовом материале об-

разцом применения данного подхода является книга А. Преда “Framing Finance: The Boundaries of Markets and Modern Capitalism” [9]. Теория фреймов предполагает поиск социального конструкта, определяющего базовые представления социальной группы о правилах и структурах человеческого взаимодействия в рамках некоего социального процесса. В случае с торговыми на фондовой бирже фреймом будет вся совокупность знаний участников торгов о том, как заключаются сделки; какие реакции других участников можно ожидать при изменении конъюнктуры рынка; каким ценностям стоит отдавать предпочтение и почему и т. д. Наиболее подходящим задачам нашего исследования оказался раздел “Financial Knowledge and the Science of the Market”, в котором автор рассуждает о процессе создания инвестиционной теории во второй половине XIX в. Как пишет А. Преда, «наука о финансовых инвестициях» во многом предназначалась для того, чтобы отделить инвестиции от азартных игр. Постепенно возник новый аналитический язык, отличный от языка памфлетов и комедий. Он был пронизан метафорами, заимствованными из физики, инженерии, медицины и метеорологии, и продвигал аналогию между инвестированием и естественными науками. Язык, подчеркивающий сходство между финансовыми и физическими процессами, также предполагал, что и те и другие подчиняются одним и тем же (или сходным) законам и могут изучаться сходными средствами. Точнее, он предполагал, что каждый инвестор может выступать в роли исследователя законов финансовых рынков. В это же время возникает профессиональная литература, стремящаяся сформулировать универсальные правила работы на финансовых рынках. Так, отсутствие эмоций, способность к самоконтролю, постоянное изучение рынков и мониторинг акционерных обществ представлялись как основополагающие условия успешных инвестиций. В рассматриваемых автором руководствах и брошюрах для ин-

весторов наблюдается различие нескольких видов ценной информации: с одной стороны, это информация из газет и журналов, а также сплетни и слухи. С другой стороны, это аналитическая информация, которую инвестор мог получить из расчетов, изучая балансы и вычисляя прибыль на акцию или изучая исторические колебания цен на ценные бумаги.

Другой работой, которая, хотя прямо и не декларирует приверженность поведенческим финансам, при этом во многом касается схожей проблематики, является монография П. В. Лизунова «Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.)», где, помимо общей истории развития Санкт-Петербургской биржи, приводится подробный разбор правил и обычаев, определяющих ход биржевых торгов. П. В. Лизунов на основе комплекса источников создает картину типичного биржевого дня [4, с. 298–317]. Подобный метод описания позволяет выявить, как в ходе торгов выстраивалась иерархия влияния разных категорий участников рынка: от мелкой «публики», не имеющей права самостоятельно заключать сделки, до маклеров и крупных биржевых фигур – банковских посредников и видных представителей торгово-промышленного мира. Несмотря на огромную антропологическую точность исследования, позволяющую в деталях ознакомиться с тем, насколько значительную роль в ценообразовании на фондовом рынке может играть отдельный участник торгов, если за его спиной стоят существенные капиталы, – книга П. В. Лизунова только ставит вопрос, в какой мере цены на бирже являются инструментом спекуляции, а в какой – инструментом оценки экономической конъюнктуры исследуемой страны.

Материалы и методы

В качестве основного источника была выбрана книга «Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени», в которую вошли аналитические

статьи Игнтия Порфириевича Мануса, известного биржевого спекулянта, заработавшего на Санкт-Петербургской бирже миллионное состояние [3]. В 1902–1903 гг. И. П. Манус периодически писал в разные петербургские газеты на темы, касающиеся финансовой и экономической политики Российской империи. В своих статьях он нередко выступает критиком решений Министерства финансов; обличителем крупных спекулянтов и «дельцов», осуществляющих различные махинации на фондовом рынке; финансовым аналитиком, предлагающим решение конкретных проблем, – всего в книгу, опубликованную в 1905 г., вошло 69 статей. Для нашего исследования этот источник оказался чрезвычайно полезным из-за широкого спектра тем, затронутых в рамках биржевой проблематики. Среди них можно найти как отзывы на актуальные государственные решения (например, статья «Принесла ли пользу биржевая реформа 1900 г.?» [5, с. 10–14]), так и общие рассуждения об актуальных вопросах финансовой жизни Российской империи (статья «О необходимости изменить систему расчетов между банками, банкирами и публикой» [5, с. 35–38]).

В нашем исследовании мы сосредоточились на изучении принципов экономического анализа, которыми руководствовались крупные спекулянты на Санкт-Петербургской бирже при принятии торговых решений. Нас интересовало то, что К. Манхейм назвал «стилем мышления»². Речь идет о наборах взаимосвязанных категорий и схем восприятия, которыми индивид описывает определенный процесс, в случае нашего исследования – процесс функционирования фондового рынка Российской империи.

Результаты

В данном разделе мы бы хотели представить набор обобщенных гипотез, характеризующих экономическое мышление И. П. Мануса, полученных на основе ме-

² Цит. по: Перлов А. М. История науки: введение в методологию гуманитарного знания. М., 2007. С. 141.

тодологического синтеза, контент-анализа и традиционного источниковедческого исследования.

1. Согласно представлениям И. П. Мануса, фундаментальные факторы, воздействующие на экономический процесс, являются частью концепта совершенной экономики, к которой реальная экономика стремится как к идеалу. Главнымискажением, не дающим этой утопии сбыться, выступает, по Манусу, человеческий фактор. При этом проводником «поведенческого» влияния на экономику оказывается институциональная структура, обрамляющая рыночное взаимодействие участников торгов. В этом контексте уместно вспомнить теорему основателя новой институциональной экономики Р. Коуза: постулаты рыночной экономики в ее классическом варианте А. Смита выполняются только при условии, что трансакционные издержки равны нулю. Как писал нобелевский лауреат Д.К.Норт, «если же трансакционные издержки положительны, то необходимо учитывать влияние институтов» [6, с. 69]. В случае автора нашего источника так и происходит: И. П. Манус убежден, что в своей основе биржа призвана сводить покупателя с продавцом и обеспечивать доступ к качественной информации о текущем состоянии экономики, для того чтобы участники торгов могли рационально обосновать свое экономическое решение. Однако помимо данных функций, которые мы можем назвать «нормой», институт биржи оказывается проводником деятельности иного плана – спекуляции и мошенничества, – которую можно назвать «девиацией от нормы». Фундаментальные факторы экономического процесса реализуются в области «нормы», поведенческие факторы – в области «девиации». Важно уточнить, что фондовый рынок представляет собой институциональное

целое, в рамках которого «поведенческий» пласт экономики становится одним из самых существенных источников трансакционных издержек, которые, как мы можем утверждать на основе исследованных материалов, И. П. Манус учитывает в своей экономической аналитике.

2. Характер рассуждений И. П. Мануса о роли государства в экономике во многом соответствует постулатам теории общественного выбора Д. Бьюкенена. Так, в статье «Как городу строить электрические трамваи: хозяйственным или концессионным способом?» И. П. Манус приходит к следующему выводу: «Опыт доказал, что хозяйственные (т. е. государственные. – И. Г.) работы города не приносят ту пользу, на которую город вправе был рассчитывать при тех колоссальных затратах на администрацию. Поэтому мы полагаем, что для города значительно полезнее будет, если город отдаст на выгодных для себя условиях работы концессионеру, а сами гласные будут следить за добросовестным исполнением работы»³. В то же время для некоторых экономических областей И. П. Манус считает эффективным государственное вмешательство, особенно если речь идет о льготном кредитовании промышленности⁴ или проведении ревизии/аудита⁵. В другой статье И. П. Манус может сетовать на вредные для денежного рынка следствия конкуренции между государственным и частными банками⁶. Предлагая в своих статьях решения по конкретным проблемам, И. П. Манус взвешивает социальные выгоды и издержки, рассуждая о том, кто лучше справится с поставленной задачей: государство или частная инициатива.

3. Результаты анализа позволяют утверждать, что по крайней мере на уровне устоявшихся практик профессиональный финансист начала XX в. учитывал факто-

³ Как городу строить электрические трамваи: хозяйственным или концессионным способом? [5, с. 195].

⁴ См.: Нужно ли столько комиссий, содержимых городом за счет жителей? [5, с. 101–105].

⁵ См.: О необходимости изменить систему расчетов между банками, банкирами и публикой [5, с. 35–38].

⁶ См.: Взгляд на финансовое и экономическое положение [5, с. 1].

ры, выходящие за пределы сугубо теоретического расчета, как его трактует «гипотеза об эффективном рынке», – и оперировал такими понятиями, как «психологический закон», «не поддающиеся цифровому учету элементы анализа», «отклонение рыночной реальности от теоретической». Все это актуализирует тематику «поведенческих финансов» в качестве методологической основы для исследований в области финансовой истории. В качестве примера процитируем высказывание, доказывающее, что И. П. Манус рассматривает привычку как аргумент в экономическом рассуждении. В статье «Стачки углекопов в Америке и экспорт угля из России в Европу» он приводит аргументы в пользу того, что русская промышленность должна воспользоваться стачкой углекопов в Америке для переориентирования европейского спроса на южные металлургические заводы: «Если мы сумеем во-время оказать услугу всем нуждающимся в угле потребителям в вышесказанных портах, и, принимая во внимание недорогие цены у нас на уголь, близость от нашего юга морских портов и качество нашего южного угля, можно быть уверенным, что клиента эта не ушла бы от нас даже и после прекращения стачек, ибо в торговых делах много играет роль привычки; раз покупатель разошелся с старым поставщиком, и ему новый поставщик ставит товар дешевле, лучшего качества, ближе находится от места добычи, и при уверенности в отсутствии задержки в доставке угля из-за стачек углекопов, нет сомнения, что мы бы стали постоянными поставщиками каменного угля для той части Европы, которая нуждается в английском и американском угле⁷. Здесь же важно заметить, что описания И. П. Мануса комплексны: он объясняет, как экономическая привычка формируется на основе рационального поведения.

4. Мы считаем, что проводить жесткую методологическую границу между «пове-

денческим» и «рациональным» не совсем корректно для нашего материала. Гораздо эффективнее рассматривать эти концепции в их сложном взаимодействии, формирующем особый «фрейм» финансовой практики начала XX в.

Обсуждение

Как показало наше исследование, уже в начале XX в. на бирже присутствовали такие участники рынка, которые, обладая существенным финансовым влиянием, в своем анализе рыночной ситуации на бирже учитывали воздействие как фундаментальных, так и поведенческих факторов. В то же время мы знаем, что подобное восприятие было характерно далеко не для всех: на рынке присутствовали как спекулянты, уверенные, что лишь «игра» определяет ценообразование, так и сторонники исключительно фундаментального анализа. Немалую роль играли и слои «мелкой публики», действия которой нередко носили эмоциональный характер и к тому же обладали кумулятивным эффектом, создающим ситуацию неустойчивости на рынке. И если концепция рассеянного знания Ф. фон Хайека верна, то в меру доступных финансовых ресурсов каждый из перечисленных типов участника торгов закладывал в цены свой экономический прогноз, производный от того, как этот участник торгов воспринимал фондовый рынок и описывал текущую экономическую конъюнктуру. Нам представляется продуктивной попытка описания ценообразования на фондовом рынке в категориях власти, по М. Фуко, т. е. власти как способности одного действия структурировать другое действие [1, с. 178]. Причем важно, что М. Фуко обращал внимание на несубъектный характер изменений под действием власти [1, с. 183]: его описания можно уподобить синергетической методологии, подчеркивающей, что переход системы в новую форму есть результат кумулятивного эффекта последовательности мельчайших трансформаций.

⁷ Стачки углекопов в Америке и экспорт угля из России в Европу [5, с. 107].

Рынок оказывается тем самым несубъектным актором, структурирующим через процесс торгов разрозненные действия десятков тысяч участников торговли. Такое коллективное действие находит отражение в курсовой динамике. Каждый участник рынка в разной степени оказывается проводником воздействия фундаментальных и/или поведенческих факторов. Ценовая динамика, как мы предполагаем, зависит от того, как будет складываться конфигурация рыночных сил, единицей измерения которых выступает отдельный участник торгов (как носитель определенного взгляда на рынок) с доступным ему капиталом. Если эта гипотеза окажется верной, то с ее помощью можно будет объяснить, почему в долгосрочной перспективе цены явно тяготеют к фундаментальным показателям экономического развития, а в краткосрочном измерении – к поведенческим. Дело в том, что представители крупного финансового и промышленного капитала, которые, как правило, являются носителями традиций фундаментального анализа, находятся в рынке всегда, так как уже со второй половины XIX в. развитая экономическая деятельность становится невозможна без биржи. Поэтому их влияние на цены постоянно. В это же время воздействие на

цены «толпы» и спекуляции спорадично: в первом случае массовая истерия может в считанные месяцы разогнать цены акций, но при этом хватит нескольких недель биржевого кризиса, чтобы общество на несколько лет «забыло» о бирже; во втором случае спекулятивная махинация также кратковременна (большинство описанных в нашем источнике примеров спекуляции не выходят за рамки полугода) и при этом нередко изолирована в воздействии одной конкретной бумагой.

Заключение

Публицистика И. П. Мануса демонстрирует, как в характерной для рассматриваемого периода практике анализа финансовых рынков соединяются рациональная оценка финансовых результатов и перспектив отдельных предприятий и экономика в целом с учетом «неэффективных», спекулятивных факторов давления на цены со стороны заинтересованных групп. Наличие в текстах наших источников уточнений, вводящих в повествование о фондовых операциях представление о неопределенности, которую невозможно преодолеть методами формального анализа, актуализирует необходимость использования методологии поведенческих финансов при работе с материалами финансовой истории.

Список источников

1. Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
2. Киндербергер Ч. П., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы: мании, паники и крахи. СПб.: Питер, 2010. 540 с.
3. Лизунов П. В. «Великий Манус»: Взлет и падение Петербургского биржевого короля. URL: <http://www.hist.msu.ru/Banks/papers/lizunovmanus.htm> (дата обращения: 15.05.2023).
4. Лизунов П. В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Блиц, 2004. 575 с.
5. Манус И. П. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1905. 202 с.
6. Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 69–91.
7. Chancellor E. Devil Take the Hindmost: A History of Financial Speculation. New York, 1999. 400 р.
8. Gavrilidis K., Kallinterakis V. Herding in Imperial Russia: Evidence from the St. Petersburg Stock Exchange (1865–1914) // Journal of Behavioral Finance. 2021. DOI: 10.1080/15427560.2021.1986715.
9. Preda A. Framing Finance: The Boundaries of Markets and Modern Capitalism. DOI: 10.7208/chicago/9780226679334.001.0001.

10. Shiller R. J. From Efficient Markets Theory to Behavioral Finance // *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17(1). P. 83–104.

References

1. Volkov V., Kharkhordin O. Practice theory. Saint Petersburg, 2008, 297 p. (In Russ.)
2. Kindleberger C. P., Aliber R. Manias, Panics, and Crashes. A History of Financial Crisis. Macmillan, London. (In Eng.)
3. Lizunov P. V. “Great Manus”: The Rise and Fall of the St. Petersburg Exchange King. 2007 URL: <http://www.hist.msu.ru/Banks/papers/lizunovmanus.htm> (In Russ.)
4. Lizunov P. V. St. Petersburg stock exchange and the securities market in Russia (1703–1917). Saint Petersburg, 2004, 575 p. (In Russ.)
5. Manus I. P. Political, economic and financial issues of recent times. Saint Petersburg, 1905, 202 p. (In Russ.)
6. North D. K. Institutions and economic growth: a historical introduction. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i social'nyh institutov i sistem* = THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems. 1993; 2: 69–91.
7. Chancellor Ed. Devil Take the Hindmost: A History of Financial Speculation. New York, 1999, 400 p. (In Eng.)
8. Gavrilidis K., Kallinterakis V. Herding in Imperial Russia: Evidence from the St. Petersburg Stock Exchange (1865–1914). *Journal of Behavioral Finance*. 2021; 1–15. (In Eng.)
9. Preda A. Framing Finance: The Boundaries of Markets and Modern Capitalism. Bibliovault OAI Repository. Chicago, the University of Chicago Press, 2009. (In Eng.)
10. Shiller R. J. From Efficient Markets Theory to Behavioral Finance. *Journal of Economic Perspectives*. 2003; Vol. 17, no. 1: 83–104. (In Eng.)

Поступила 13.04.2023.

Сведения об авторе

Галушко Илья Николаевич – магистр, кафедра исторической информатики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). Сфера научных интересов: поведенческие финансы, биржевая история Российской империи. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3402-3679>.

E-mail: galushko.iolk@gmail.com

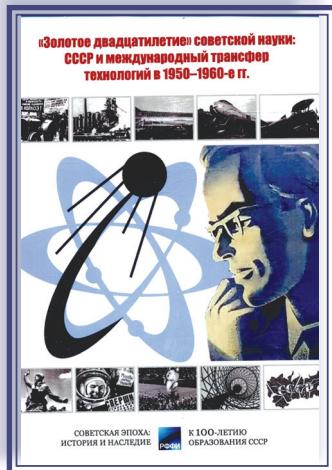
Submitted 13.04.2023.

About the author

Ilya N. Galushko – Master’s Student, Department of Historical Informatics, Moscow State University (Moscow, Russia). Research interests: behavioral finance, stock exchange history of the Russian Empire. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3402-3679>.

E-mail: galushko.iolk@gmail.com

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.15507/2409-630X.060.019.202301.197-206

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

«Золотое двадцатилетие» советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950–1960-е гг.: монография / Занин С. В., Заводюк С. Ю., Золотухин Е. И. [и др.]; ответственные редакторы Н. Ф. Тагирова, Е. А. Соленцова. – Самара: Малинов С. К., 2022. – 264 с. – ISBN 978-5-6047621-5-8.

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

“The Golden Twentieth Anniversary” of Soviet Science: the USSR and international technology Transfer in the 1950s and 1960s: monograph / Zanin S. V., Zavodyuk S. Yu., Zolotukhin E. I. [et al.]; Ed. N. F. Tagirova, E. A. Solentsova. Samara: Malianov S. K., 2022. 264 p. ISBN 978-5-6047621-5-8.

Е. П. Баринова¹, М. М. Леонов²

^{1, 2} Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара, Россия),

¹ e-mail: barinova.ep@ssau.ru

² e-mail: mmleonov@gmail.com

ОТ КОНКУРЕНЦИИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Ekatерина P. Barinova¹, Mikhail M. Leonov²

^{1, 2} Samara National Research University (Samara, Russia),

¹ e-mail: barinova.ep@ssau.ru

² e-mail: mmleonov@gmail.com

FROM COMPETITION TO COOPERATION

Введение

Современные тенденции геополитического развития России закономерно выдвигают запрос на инновационную тематику исторических исследований. Для обеспечения стабильного технологического суверенитета страны необходима успешная деятельность центров трансферов технологий, которые создаются в университетах и других научных центрах. Они способствуют быстрому внедрению в экономику инновационных проектов, а также находят заказчиков и партнеров научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ среди организаций реального сектора экономики.

Авторы коллективной монографии «“Золотое двадцатилетие” советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950–1960-е гг.» поставили задачу выявить производственно-технологические, социальные и экономические факторы, определявшие технологическую революцию в условиях «конкурентного сосуществования» СССР с западным миром в 1950–1960-е гг. Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 21-09-43084 и является логическим завершением цикла статей авторов по данной тематике. Актуальность и научная значимость исследуемой проблемы определяется выбором концептуально-теоретического ракурса рассмотрения темы – анализа научно-технологического трансфера в контексте социальной истории.

Несмотря на то что опыт международного научного сотрудничества рассматривался российскими и зарубежными учеными в рамках истории науки и техники [1; 3], истории международных отношений [2; 7; 9; 10], экономической истории [4; 11; 12], до сих пор дискуссионными остаются как конкретные сюжеты организации научно-технического обмена и опыта реализации международных научно-технических проектов в странах Восточной Европы и Азии, так и концепт «научно-технологического трансфера», что обусловлено разнообразием методологических подходов и оценочных суждений применительно к терминам «технология», «трансфер», «технологическая революция» [14].

Несомненно, изучение международных аспектов деятельности ученых СССР в сложнейших условиях холодной войны второй половины XX в., институциональных и экономических трансформаций, глобальных вызовов научно-технической революции имеет практическое значение. Данная проблема актуальна и с точки зрения анализа механизмов обеспечения стабильного технологического суверенитета страны, выстраивания долгосрочного взаимодействия научных организаций и университетов с индустриальными предприятиями, в том числе на международном уровне.

Методы исследования

Применение герменевтического подхода и общенаучных методов исследования к анализу рецензируемой монографии позволило оценить методологию исследования, примененную авторами для интерпретации содержания архивных текстов. Благодаря историко-сравнительному методу были выявлены вклад авторов монографии в разработку дискуссионной проблематики научной конкуренции и сотрудничества в рамках научно-технологического трансфера, определение роли и значения научного сообщества в обеспечение технологического суверенитета страны.

Результаты и обсуждение

Во «Введении» к монографии представлен анализ современного понятийного аппарата, на основе которого реконструируется изучаемая проблема, сформулированы цель и исследовательские задачи. Международные взаимоотношения в области науки и техники включают спектр разноплановых политических, финансовых, организационных вопросов взаимодействия, так или иначе затрагивающих глобальную проблему – конкуренции и сотрудничества в науке. Поэтому организация международных контактов ученых, реализация совместных научных проектов находятся в центре внимания различных направлений исторической науки. Позитивно оцениваем историографический анализ. В нем дана оценка 119 научных трудов различного формата: статей,

монографий, диссертаций, обобщающих трудов – и выполненных на материалах отдельных регионов, и общероссийского масштаба. Творчески используя проблемно-хронологический принцип, авторы говорят о достижениях предшественников и выявляют пробелы в исследовательской практике.

Авторы справедливо отмечают, что чаще всего международное научно-техническое сотрудничество рассматривается исследователями в контексте научно-технической революции и глобализации мировой экономики [1; 2; 8; 11]. Они приходят к выводу о наличии в научном дискурсе противоречивых, подчас противоположных, суждений по целому ряду вопросов, прежде всего об эффективности и самостоятельности развития науки в СССР [13]. Анализ зарубежной англоязычной литературы по проблеме позволил авторам прийти к выводу о преобладании в ней односторонней трактовки технологического обмена как политически обусловленного и неконкурентоспособного, оценке СССР как реципиента западных технологий [5; 15]. Среди дискуссионных проблем – роль личности в науке, степень свободы ученого, монополизм и конкуренция в науке, оценка опыта работы научно-исследовательских институтов.

В монографии подчеркивается, что концепция трансфера применительно к истории развития науки, техники и технологии разрабатывается современной исторической наукой сравнительно недавно, что, несомненно, обуславливает различия в использовании понятийного аппарата и неоднозначность методологических подходов. Авторы рецензируемой монографии придерживаются установки, рассматривающей «трансфер технологий» как передачу информации, знания, а не только трансфер как способ производства или использования продукта производства [6, с. 23]. Это, безусловно, свидетельствует о необходимости привлечения новых информационных источников и компетентного анализа источников базы, использования междисциплинарных методов исследования.

Источниками для определения правового пространства международного научного сотрудничества стали законодательные и нормативно-правовые документы государственных органов. Творчески использованы документы партийных структур. Конечно, привлечена делопроизводственная документация 18 проектных и научно-исследовательских институтов, а также Всесоюзного института государственной патентной экспертизы, хранящаяся в Российском государственном архиве в Самаре. Ее анализ позволил выявить основные направления международного сотрудничества ученых СССР в области химии, нефтехимии, энергетики и смежных направлений, оценить эффективность научно-технического трансфера на примере осуществленных международных проектов. В источниковую базу включены статистические материалы. Реконструкция исследуемой проблемы осуществлена с использованием эго-документов, прежде всего деловой и личной переписки ученых Ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского физико-химического института (НИФХИ) им. Л. Я. Карпова Министерства химической промышленности СССР и воспоминаний представителей научного сообщества. Многие постановления в области международного сотрудничества, а также делопроизводственная документация содержат историческую информацию для служебного пользования, или же она имела гриф секретности. Этот массив архивных источников впервые вводится авторами в научный оборот.

В рецензируемой монографии дан анализ «золотого двадцатилетия» советской науки (1950–1960-е гг.), когда ученые и научные коллективы СССР были активными членами международного научного сообщества в сфере физики, химии, энергетики. Именно в этот период произошел научно-технологический скачок, сыгравший значительную роль в становлении современной глобальной экономики. Обращение авторов монографии к анализу акторов и каналов, обеспечивающих трансфер научных технологий, позволил выявить факторы, воздействующие на международную конкуренцию и кооперацию, показать характер возможностей и ограничений технологического прогресса.

Реконструкция научного и технологического трансфера неразрывно связана с изучением институциональных, правовых и политических возможностей и ограничений советского общества, механизмов воздействия на науку внешних условий организации научного обмена. В первой главе монографии авторы пришли к выводу, что создание институциональных механизмов международного научного взаимодействия было вызвано новыми импульсами и целевыми ориентирами, как экономического развития, так и на политической арене, когда доминировала идея «мирного сосуществования». С одной стороны, продолжалась реализация глобального контроля за творческой деятельностью ученых. Эта задача решалась путем принятия нормативных актов, регламентирующих порядок работы со сведениями, составляющими государственную тайну, а также осуществлением мер, направленных на ограничение промышленного и научного шпионажа. С другой стороны, была осознана необходимость обобщения данных о научных и технических открытиях, координации научно-технической деятельности и мобилизации информационных ресурсов для решения глобальной задачи достижения научно-технического превосходства Советским Союзом. Именно эту цель был призван выполнить созданный академиком А. Н. Несмияновым Институт научной информации (впоследствии – Всесоюзный институт научной и технической информации).

Обращение авторов к вопросу об юридической защите авторских прав побудило их проследить деятельность тех организационных структур, которые осуществляли регистрацию научных, научно-исследовательских, проектно-конструкторских и опытных работ. Создание Всесоюзного научно-исследовательского института государственной патентной экспертизы и Центрального научно-исследовательского института патентной информации и технико-экономических исследований позволило выстроить единую информационную систему, учитывающую изобретения и патенты, а также разграничить патентование отечественных научных открытий в СССР и в других странах мира [6, с. 53, 54]. Авторами были выявлены сложности в организации экспорта технологий и патентования научных открытий за границей, что было вызвано отсутствием централизации патентного дела, организационными проблемами и несовершенством законодательства в области патентоведения, незаинтересованностью хозяйствующих субъектов [6, с. 58–71].

В монографии уделено внимание участию СССР в разработке и принятии международных конвенций в области авторского права на изобретения. Ратификация СССР Парижской конвенции по охране промышленной собственности и вступление в международную патентную систему (РСТ) объективно открыли перед представителями научного сообщества и изобретателями Со-

ветского Союза новые возможности для защиты авторских прав [6, с. 73–75]. Процесс интеграции СССР в международную систему авторских прав осложнялся несовершенством организационной структуры системы патентоведения в СССР. Авторами подробно рассмотрены уязвимые стороны деятельности профильных научно-исследовательских институтов. Отмечены такие негативные явления, как нарушение сроков рассмотрения заявок; несоблюдение авторами патентной чистоты и требований к оформлению заявок, а также недостаточная подготовленность кадров (невысокий уровень компетентности специалистов, осуществляющих экспертизу патентной чистоты заявок, слабое владение иностранными языками). Акцентируется внимание и на правовых проблемах.

Во второй главе монографии «Каналы трансфера» воссоздана картина организации обмена научной и технологической информации и специалистами. Авторы отмечают, что условия конкуренции и научно-технического соревнования СССР с западными странами обусловливали основные направления международных взаимоотношений в области науки. На примере деятельности Межотраслевой лаборатории технико-экономических исследований и научно-технической информации, созданной на базе НИФХИ им. Л. Я. Карпова, показаны методы систематизации и анализа научных и технических данных отечественной и зарубежной химической промышленности [6, с. 97–100], а также способы получения данных зарубежной науки. Авторами установлено, что развитие научных исследований затруднялось цензурой (до 1955 г.), а впоследствии – требованием репродуцирования приобретаемых иностранных научных журналов [6, с. 102]. Тем не менее к середине 1960-х гг. была создана сеть территориальных органов и центров информации, осуществляющих накопление и научную обработку материалов о мировых научных открытиях.

Гораздо большую роль в обмене информации стали играть межличностные контакты советских ученых с зарубежными коллегами (переписка, командировки, проведение совместных исследований с учеными социалистических стран Восточной Европы, стажировки на промышленных предприятиях зарубежных стран) [6, с. 106–114]. Значительный интерес представляет анализ выездных дел специалистов, отправляемых в международные научные командировки и выезжающих на научные мероприятия по линии научного туризма, а также финансовых и организационных условий поездок. Отмечается, что организация международных поездок находилась под контролем партийных и государственных органов власти. Рассмотрены различные формы организации международного научного сотрудничества – приглашение по научному обмену ученых из зарубежных стран для чтения лекций, развитие совместных образовательных проектов. Созданные в рамках Совета экономической взаимопомощи комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству выполняли роль координатора в организации обмена передовым опытом в области науки и техники. В монографии выявлена специфика в организации научного сотрудничества с Китайской Народной Республикой и Республикой Вьетнам [6, с. 116–122].

В монографии не обойден вниманием вопрос о взаимодействии представителей научного сообщества и государственных органов, обеспечивающих внедрение достижений науки в хозяйственную практику. Положительно оце-

нивается роль экспертного сообщества СССР в решении государственных вопросов, связанных с экспортом и импортом новейших технологий, организации закупок промышленного оборудования [6, с. 124–128]. Авторы отмечают, что экспорт технологий СССР осуществлял преимущественно в социалистические и развивающиеся страны. Также им оказывалась помощь в организации патентного дела.

Новые данные содержатся в третьей главе монографии, в которой дан анализ участия ученых СССР в международных конференциях, конгрессах, симпозиумах. На страницах книги приведены яркие свидетельства того, как ученый открывает новые пути в научном и философском познании мира. Воссоздан процесс организации научных контактов, дана панорама взаимодействия ученых и практиков разных стран. Организация международных контактов рассмотрена на примере участия советских ученых-энергетиков в работе международных энергетических форумов [6, с. 137–145]. Нельзя не согласиться с мнением авторов о том, что обсуждаемые мировым научным сообществом проблемы затрагивали много спорных теоретических и технических вопросов. Участие в международных конгрессах позволило советским ученым познакомиться с различными практиками строительства энергообъектов, а также презентовать достижения советской электроэнергетики.

В монографии систематизированы сведения об участии советских ученых в работе международных научных мероприятий по химии и смежных с ней областей науки [6, с. 153–165, 254–252]. Доказано, что участие в данных мероприятиях позволило ученым ознакомиться с новейшими технологиями в области химии. Примечательно, что представители науки обсуждали не только теоретические вопросы, но и проблемы применения достижений химии в области парфюмерии, косметики, пластмассы и каучука [6, с. 158]. Интересным является сюжет монографии, посвященный деятельности НИИ, занимающихся фундаментальными и прикладными разработками в области полимеров. Авторы монографии приходят к обоснованному выводу, что научный обмен между советскими и зарубежными учеными носил взаимовыгодный характер [6, с. 173]. Они высоко оценивают результативность презентации научных достижений ученых СССР на международных выставках и ярмарках.

Обращение к это-документам позволило реконструировать творческую лабораторию ученых. Безусловно, вся деловая корреспонденция советских ученых проходила перлюстрацию на предмет содержания в ней секретных сведений. Кроме того, в обязательном порядке запрашивалось разрешение руководства института на отправку любого вида корреспонденции. Авторы констатируют количественный рост корреспонденции, что было обусловлено улучшением международных отношений и интенсивности научных связей [6, с. 183]. Переписка носила не только деловой характер, но и неформальный. В конечном счете она была нацелена на преодоление научной изоляции, способствовала установлению дружеских взаимоотношений и сотрудничеству ученых различных стран. Личные контакты и переписка, обмен научными статьями, книгами, участие советских ученых в международных научных мероприятиях формировали положительный имидж СССР как лидера мировой науки. Визуальный ряд (фотографии ученых, о которых говорится на страницах книги), несомненно, является украшением рецензируемой монографии.

В четвертой главе анализируется результативность крупных международных научно-технологических проектов, осуществленных СССР в 1950–1960-е гг. В частности, на основе рассекреченных архивных материалов Гидропроекта показано участие СССР в проектировании и строительстве гидроэлектростанций в Египте и Индонезии [6, с. 211–220]. Безусловно, на оказание научной и технической помощи большое влияние оказали как внешнеполитические приоритеты Советского Союза, так и конкретные события на международной арене. И если строительство Асуанской плотины, несмотря на политические, финансовые, технические и кадровые проблемы, было завершено и продемонстрировало высокий уровень ученых и гидростроителей, то ухудшение отношений между Индонезией и СССР стало причиной прекращения сотрудничества в области реализации проекта гидроэлектростанции Сигура-Гура на р. Асахан.

Авторы справедливо отмечают, что история интеграции социалистических стран в сфере науки все еще изучена недостаточно. В связи с этим рецензируемая коллективная монография вносит вклад в исследование научной интеграции стран Совета экономической взаимопомощи в сфере гидроэнергетики, которая рассматривается на примере международной деятельности Энергетического института им. Г. М. Кржижановского и института «Гидропроект» им. С. Я. Жука, принимавших участие в строительстве каскада электростанций на Дунае [6, с. 222–232].

Тем не менее в рецензируемой монографии можно отметить ряд недостатков. Авторы лишь частично затронули вопрос о влиянии на международный научно-технологический трансфер постоянного роста численности сотрудников советских научно-исследовательских институтов. Интересно было бы проследить, насколько рост численности кадрового состава влиял на эффективность решения новых научно-исследовательских проблем. Учитывая, что научно-исследовательские институты являлись важным структурным элементом, осуществляющим научное обоснование и проектное обеспечение технологической трансформации в условиях научно-технической революции середины XX в., авторы не обратили должного внимания на проблемы кооперации между отдельными профильными научными институтами для решения важнейших научных задач. Анализ взаимодействия НИИ позволил бы, на наш взгляд, прийти к большему пониманию эффективности трансфера технологий на международном уровне.

Заключение

В центре внимания авторов коллективной монографии находятся непосредственные участники научно-технологического трансфера 1950–1960-х гг. – представители научного сообщества и управляемого звена научно-исследовательских институтов. Подобный подход позволил показать процесс осуществления международного научного сотрудничества глазами его участников, выявить основные направления сотрудничества в области перспективных научных разработок. Авторы приходят к выводу об эффективности кооперации ученых СССР и зарубежных стран, как в разработке, так и в реализации научных проектов.

Список источников

1. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.
2. Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е гг. М.: Наука, 2007. 381 с.
3. Бурганова Л. А. Трансфер технологий в Германии (на примере химической промышленности) // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 31–35.
4. Васюченок Л. П. Трансфер технологий как экономический ресурс // Экономическая наука сегодня. Минск, 2015. Вып. 3. С. 15–22.
5. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 254 с.
6. «Золотое двадцатилетие» советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950–1960-е гг.: моногр. / С. В. Занин, С. Ю. Заводюк, Е. И. Золотухин [и др.]; отв. ред. Н. Ф. Тагирова, Е. А. Соленцова. Самара: Малянов С. К., 2022. 264 с.
7. Левин М. И., Шевелева И. В. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. 2017. № 2. С. 54–65.
8. Липкин М. А. «Мировой кооператив народов»: Совет экономической взаимопомощи, который пытался построить Н. С. Хрущев // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 121–144.
9. Некрасов В. Л. «Дilemma Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М.: ИВИ РАН, 2019. 174 с.
10. Пичков О. Б., Уланов А. А. Международный трансфер технологий как инструмент политики в XXI веке. М.: МГИМО, 2018. 158 с.
11. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 410 с.
12. Черняховская Ю. В. Международный трансфер технологий и локализация: истории успеха в атомной энергетике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7, № 2. С. 38–47.
13. Шапкин И. Н. Инновации и новаторство в России. Что не понял или не захотел понять американский «Историк науки» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4, № 2. С. 104–116.
14. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи, (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: НЛО, 2010. 292 с.
15. Luke T. W. Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower // International Studies Quarterly. 1985. Vol. 29, no. 3. P. 327–353.

References

1. Artemov E. T. Science and Technology Policy in the Soviet Model of Late Industrial Modernization. Moscow, 2006, 256 p. (In Russ.)
2. Bokarev Yu. P. The USSR and the formation of post-industrial society in the West. The 1970s and 1980s. Moscow, 2007, 381 p. (In Russ.)
3. Burganova L. A. Technology transfer in Germany (as exemplified by chemical industry). *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* = The Review of Economy, the Law and Sociology. 2012, 4: 31–35. (In Russ.)
4. Vasyuchenok L. P. Technology transfer as an economic resource. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. Minsk, 2015, 3: 15–22. (In Russ.)
5. Graham L. Can Russia Compete? History of Innovation in Czarist, Soviet and Modern Russia. Moscow, 2014, 254 p. (In Russ.)
6. Zanin S. V., Zavodyuk S. Yu., Zolotukhin E. I. and others. “Golden Twentieth Anniversary” of Soviet Science: USSR and International Technology Transfer in 1950–1960s. Ed. by N. F. Tagirova, E. A. Solentsova. Samara, 2022, 264 p. (In Russ.)

7. Levin M. I., Sheveleva I. V. Remembering the Future: Technology Transfer and the Cold War Experience. *Finansy i biznes = Finance and Business*. 2017, 2: 54–65. (In Russ.)
8. Lipkin M. A. The “Global Cooperative of Peoples”: The Council for Mutual Economic Assistance that Nikita Khrushchev Tried to Build. *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*. 2017, 4: 121–144. (In Russ.)
9. Nekrasov V. L. “Khrushchev’s Dilemma”: reforms of the USSR State Planning Committee, the petrochemical project and the Challenges of the Cold War (the second half of the 1950s – the first half of the 1960s). Moscow, 2019, 174 p. (In Russ.)
10. Pichkov O. B., Ulanov A. A. International Technology Transfer as a Policy Tool for the 21st Century. Moscow, 2018, 158 p. (In Russ.)
11. Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How Horizontal Interactions are Changing Energy, the Economy, and the World at Large. Moscow, 2017, 410 p. (In Russ.)
12. Chernyavskaya Yu. V. International technology transfer and localization: success stories in nuclear power. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitiye) = MID (Modernization. Innovation. Development)*. 2016, Vol. 7, 2(26): 38–47. (In Russ.)
13. Imperium inter pares: role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917). Ed. by M. Aust, R. Vul’pius, A. Miller. Moscow, 2010, 292 p. (In Russ.)
14. Luke T. W. Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower. *International Studies Quarterly*. 1985; Vol. 29, 3: 327–353. (In Eng.)

Поступила 21.03.2023.

Сведения об авторах

Баринова Екатерина Петровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара, Россия). Область научных интересов: социальная история, аграрная история начала XX в., история науки, высшего образования России 1930-х – начала 2000-х гг. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 14 монографий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>.

E-mail: barinova.ep@ssau.ru

Леонов Михаил Михайлович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, проректор по воспитательной работе и молодежной политике, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара, Россия). Область научных интересов: социальная история, история науки и высшего образования России 1930–2020-х гг. Автор более 50 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1235-0094>.

E-mail: mmleonov@gmail.com

Submitted 21.03.2023.

About the authors

Ekaterina P. Barinova – Doctor of History, Professor, Department of National History and Historiography, Samara National Research University (Samara, Russia). Research interests: social history, agrarian history of the beginning of the 20th century, the history of science, higher education of Russia in the 1930s – early

2000s. The author of more than 200 scientific and educational works, including 14 monographs.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>.

E-mail: barinova.ep@ssau.ru

Mikhail M. Leonov – Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of National History and Historiography, Vice-rector for Educational Work and Youth Policy, Samara National Research University (Samara, Russia). Research interests: social history, the history of science, higher education of Russia in the 1930s – 2020s. The author of more than 50 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1235-0094>.

E-mail: mmleonov@gmail.com

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Экономическая история» (ISSN 2409630X) принимает к рассмотрению научные статьи, аналитические и библиографические обзоры, рецензии.

Планируемые рубрики:

- Методологический выбор в современных историко-экономических исследованиях.
- Модернизационные парадигмы в экономической истории России.
- Экономическая политика государства: история, современная практика, перспективы.
- Индустриальное наследие России.
- «Жизненная история» провинциального предпринимательства.
- Аграрная история.

1. Публикация статей бесплатная. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые, исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, отражающих специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования;

Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора);

Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (текст, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки);

Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии;

Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них;

– текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

– благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

– пристатейный список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5.2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

– аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редакцией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

Dear colleagues!

The editorial office of the scholarly journal «Russian Journal of Economic History» (ISSN 2409630X) takes into consideration the scientific articles, analytical and bibliographic overviews, reviews.

The planned rubrics:

- The methodological choice in contemporary historical and economic researches.
- The modernization paradigms in the economic history of Russia.
- State economic policy: history, the current practice and prospects.
- Russian industrial heritage.
- «Life Story» of the provincial entrepreneurship.
- The Agrarian History.

1. Publication of articles is free. Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article, it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and findings;
- Keywords (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study;

Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection);

Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings);

Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments;

Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them;

– Text of an article is of 10–15 pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– Acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.;

– The bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5.2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets;

– Affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing.1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.